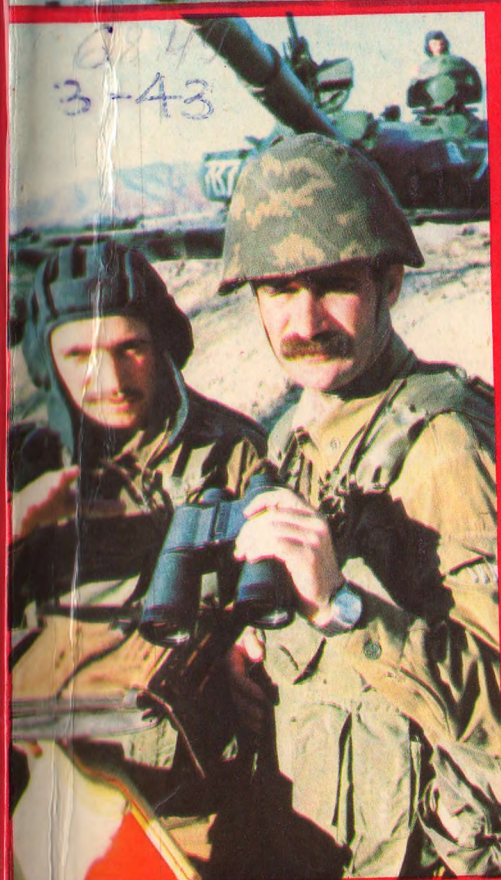

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ БОЕВОЙ

На земле
Афганистана

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ БОЕВОЙ

**На земле
Афганистана**

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988**

ББК 68.49(2)243

З-43

Составитель полковник И. М. Дынин

Звезды славы боевой: На земле Афганистана/
З-43 Сост. И. М. Дынин. — М.: Воениздат, 1988. —
224 с., ил.

ISBN 5—203—00018—2

В очерках в публицистической форме рассказывается о воинах, удостоенных звания Героя Советского Союза за проявленные мужество и отвагу при выполнении интернационального долга. Славные сыны нашей многонациональной Отчизны, они продемонстрировали высочайший героизм, оказывая братскую помощь афганскому народу.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

З 1304010000—047 22—88
068(02)—88

ББК 68.49(2)243

ISBN 5—203—00018—2

© Воениздат, 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как и многие советские люди, я с особым вниманием слежу за всеми публикациями, в которых идет речь о мужестве и подвигах наших воинов на земле Афганистана. Это мужество и эти подвиги солдат, сержантов, офицеров сродни тем, которые совершались в годы Великой Отечественной войны. Мы, фронтовики, умеем даже за скупыми фразами газетных заметок, радиосообщений, в коротких эпизодах, показанных по телевидению, почувствовать атмосферу той обстановки, увидеть то, что отличает настоящее мужество. Мы хорошо понимаем, как трудно принимать решение и выполнять его в условиях, когда фактически там войны нет, а есть противник, действующий коварно, не знающий жалости, снабженный самым современным оружием, обученный опытными инструкторами в пресловутых душманских лагерях.

Но несмотря на то что за плечами врагов афганского народа стоят империалисты, что щедрым потоком текут к ним оружие и доллары, их черное дело обречено на провал. Идеалы апрельской революции все больше завоевывают сознание масс. Мужает афганская армия, растут ряды Народно-демократической партии Афганистана, все активнее претворяется в жизнь программа НДПА по национальному примирению. Никакие происки врагов не в силах затормозить развитие истории, задушить стремление афганского народа к миру и счастью.

Воины, проходящие ныне службу в составе ограниченного контингента советских войск на земле Афганистана, лишь по книгам, кинофильмам, по воспоминаниям людей старшего поколения знают, какому мощному натиску внешней и внутренней контрреволюции

подвергалась молодая Республика Советов в период гражданской войны и военной интервенции. Все было. Иностранные корабли высаживали в наших портах своих солдат, выгружали танки, пушки, пулеметы, царские генералы организовывали целые армии, где косяком являлись офицерские полки. Диверсанты за те же доллары, которыми оплачиваются сейчас черные дела афганской контрреволюции, поджигали фабрики, заводы, убивали партийных активистов. Однако никто и ничто не помешало нашему народу выбросить за пределы своих границ непрошенных «защитников свободы», чьи руки были обгажены кровью стариков и детей, укрепить Советскую власть, самоотверженным трудом сделать СССР великой державой мира.

Это закономерно. Великий Ленин пророчески утверждал, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Закономерно и то, что советские воины выполняют интернациональный долг на афганской земле с такой же беззаветной отвагой, с какой в далекие годы гражданской войны и военной интервенции защищали революционные завоевания бойцы молодой Красной Армии. Воочию убеждаясь, насколько беспощадны враги афганской революции даже к мирному населению, на себе ощущая их звериную злобу, наши воины готовы преодолеть любые трудности, пожертвовать собственной жизнью, но не позволить душманам и тем, кто стоит за их спинами, осуществлять черные акции, насаждать феодальные порядки, истреблять партийных активистов, держать свободолюбивый народ в темноте и страхе.

В нашей печати уже сообщалось о том, что Руслан Аушев, один из трех братьев, проходивших службу на афганской земле, удостоенный звания Героя Советского Союза, после окончания учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе снова вернулся в Афганистан. Свое решение объяснил очень убедительно:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 315.

— Не считите за громкие слова: так велит мне патриотический и интернациональный долг коммуниста, советского офицера. Необъявленная война против Афганистана усиливается... Стоять в стороне от этого я не могу. Не могу потому, что по-настоящему полюбил афганский народ, вынесший на своих плечах за многовековую историю столько невзгод и испытаний, так радушно откликающийся на проявление добра, справедливости.

Это не просто ответ на вопрос. Здесь изложена жизненная позиция воина Страны Советов — патриота и интернационалиста.

Именно эти замечательные качества отличают всех, о ком рассказывается на страницах данной книги. Яркие, колоритные образы воинов, удостоенных высшей награды Родины, людей беспримерного мужества складываются в своеобразный коллективный портрет воина Советской Армии. Среди героев очерков — авиаторы и танкисты, мотострелки и десантники, командиры и политработники, представители многих других родов войск Вооруженных Сил. Рядовые и старшины, лейтенанты, майоры, полковники ведут себя в экстремальных условиях бесстрашно, решительно, действуют как настоящие патриоты-интернационалисты. Читая очерки, вглядываясь в лица героев, еще и еще раз убеждаешься, что в жизни всегда есть место подвигу. Мы, ветераны Великой Отечественной, преклоняемся ныне перед теми, кто способен грудью заслонить командира в бою, вызвать огонь на себя, спасая товарищей, взорвать врагов последней гранатой.

Все герои сборника — коммунисты и комсомольцы. Тем самым подтверждается особая роль партийных и комсомольских организаций в формировании у воинов чувства любви к Родине, верности служебному, партийному, интернациональному долгу, умения ценить дружбу, свято выполнять требования уставов, быть примером в повседневной жизни и в бою. Не буду приводить конкретные факты. Скажу только, что в книге нет героев-одиночек, нет описания подвигов, совершенных ради славы. В основе смелых, мужественных поступков воинов — боевая необходимость, стремление любой ценой выполнить приказ, обеспечить безопасность товарищей. Это еще раз говорит о том, насколько высоко развито у советских воинов чувство коллективизма, боевого братства. Воинские подразделения

являются монолитным организмом, живущим одними заботами, интересами. А ядро этого организма составляют командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы.

Книга «Звезды славы боевой» как бы продолжает ранее выпущенный Воениздатом сборник очерков «Звезды подвига». Выступая тогда автором предисловия, трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб отметил очень важную деталь. «Эстафета мужества, — писал он, — передается от поколения к поколению, потому что в основе подвигов лежат священные для каждого советского человека понятия: Родина, партия, дружба, воинский и интернациональный долг». Я повторяю эти слова: не менее точно выражают они главную идею нового издания. Эстафету мужества, начатую нашими отцами, поддержанную нами, ныне достойно несут наши сыновья и внуки. Так будет всегда.

Герои наших дней — не какие-то необыкновенные люди, наделенные особыми качествами. Они такие же, как все, солдаты, сержанты, офицеры, недавние школьники, вчерашние курсанты. Их героические подвиги типичны для Советской Армии. Именно так сражались наши воины в годы гражданской войны и военной интервенции, при выполнении интернационального долга на земле Испании, на Халхин-Голе, в небе Китая. Сегодня советские люди, поспешив на помощь афганскому народу, демонстрируют образцы мужества, равняются на тех, кто проявлял массовый героизм на фронтах Великой Отечественной. Армия, имеющая в своих рядах таких бесстрашных бойцов, непобедима.

Навсегда запали мне в душу проникновенные слова Михаила Сергеевича Горбачева, обращенные к делегатам XX съезда ВЛКСМ, ко всей советской молодежи. Подчеркивая важное значение патриотического и интернационального воспитания, он особо отметил: «В этой связи не могу без душевного волнения говорить о тысячах молодых советских парней, прошедших испытание огнем в Афганистане. Они показали себя подлинными интернационалистами, помогая братскому народу отстоять свои революционные завоевания, подлинными патриотами — защищая безопасность южных границ нашей Родины». В этом же выступлении М. С. Горбачев призвал комсомольцев армии и флота, тех, кто уже закончил службу в Вооруженных

Силах, кто сражался за правое дело в Афганистане: «Идите к подросткам, расскажите им о себе, о своих товарищах, командирах и наставниках, об отваге, героизме, о боевом братстве».

Читая очерки, помещенные в данном сборнике, я невольно вспоминал эти слова Генерального секретаря ЦК нашей партии. Ведь каждый документальный материал о подвиге на афганской земле — убедительнейшее свидетельство мужества, стойкости советских воинов, их верности воинскому долгу, любви к Родине, глубокого чувства интернационализма. Все эти качества унаследовала нынешняя молодежь от старших поколений, а сегодняшние комсомольцы должны передать их, как эстафету, своим детям и внукам.

Герой Советского Союза
генерал армии В. МАРГЕЛОВ

ОН ВЕРНУЛСЯ

Подполковник Руслан Султанович Аушев родился в 1954 году в с. Володарское Володарского района Кокчетавской области. После окончания Орджоникидзевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Маршала Советского Союза А. И. Еременко служил в Краснознаменных Северо-Кавказском и Туркестанском военных округах. С 1980 по 1982 год находился в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА. В 1985 году, закончив Военную академию имени М. В. Фрунзе, вернулся на землю дружественного Афганистана. Был делегатом XX съезда ВЛКСМ.

Р. С. Аушеву присвоено звание Героя Советского Союза.

16 октября 1986 года в районе перевала Саланг Руслан Аушев был тяжело ранен. Автоматная пуля прошла его тело насквозь, задев по пути оболочку легкого и повредив печень.

За те почти четыре года, проведенные в Афганистане, Руслан много раз видел, как свинец сбивал с ног людей. Его пока даже не задело пулей. Он не терпел себя напрасными иллюзиями. Напротив, отчетливо сознавал: рано или поздно это, по-видимому, произойдет. Иногда пытался представить себе — как? У него сложилось убеждение, что боль испытывает лишь тот, чей мозг ослаблен выматывающим ожиданием пули. И потому редко позволял себе думать о таких вещах. В бою вообще не до того: командир под огнем заботится не о себе, а о своих воинах.

Когда-то, несколько лет назад, Руслан и мысли не допускал, что человек способен стрелять в человека.

Лишь увидев кровь товарищей, поверил в реальное существование врагов, смотревших на него сквозь прицелы автоматных зрачков. Это было, когда охранял со своими ротами поля первых крестьянских кооперативов на земле Афганистана. Когда рядом с афганскими солдатами выбивал из ущельев банду Ахмад-шаха. Когда сопровождал колонны с мирными грузами. То есть это было всегда, когда он, Руслан Аушев, выполнял свой долг человека, пришедшего на помощь попавшему в беду соседу. У войны — даже необъявленной, какую ведут афганские контрреволюционеры, — свои законы, и ему хватило времени, чтобы их усвоить.

Аушев ощутил удар в спину, когда, пригнувшись, бежал от танка к укрытию. Однако останавливаться здесь, на самом опасном, простреливаемом со всех сторон участке дороги, нельзя. И он продолжал бежать, поняв уже, что ранен, похоже, тяжело.

Упал у «бетеэра», под левым бортом, рядом с радистом, который держал связь с подразделениями. Надо было руководить боем. Обернулся, глянул туда, где находился всего минуту назад.

Две машины из его колонны полыхали одним гигантским костром. Пламя с гулом взметывалось метров на двадцать, охватило не только цистерны, кузова автомобилей — чадно пылала резина, даже металл, казалось, горел тоже. Медленно сдавал назад от чудовищного костра танк, а ствол его пушки тянулся, целился прямо в ревущий огонь.

Стрельба усилилась. Автоматные и пулеметные очереди, умноженные горным эхом, метались между скалами, сливаясь в один почти непрерывный грохот.

— Передай разведчикам, чтобы пробивались к нам сверху. — Обращаясь к радисту, Аушев хотел распорядиться по обыкновению быстро, громко, но не получилось. Пришлось делать паузы едва ли не после каждого слова, чтобы собрать силы.

Радист, послушно кивнув, склонился к микрофону. «Ничего не заметил», — подумал Руслан с некоторой досадой, потому что уже знал: долго ему не продержаться, надо, чтобы кто-то помог. Но как сказать о ранении? Кому? Идет бой, и все ждут от него четких, верных команд. Надеются на его опыт. Да что там говорить — для многих важен просто факт его присутствия здесь, рядом с ними.

Танк почти в упор выстрелил по горевшим машинам. К небу взвился и тотчас опал столб клубящегося пламени. Лязгнув гусеницами, танк двинулся на остатки наливников, прямо в адов огонь — и скрылся в нем.

Руслан сел, прислонившись к теплой резине колеса. Откинул голову. Ловил воздух широко открытым ртом — дышать все труднее. «Танк прорвался сквозь этот проклятый костер, — понял он. — Значит, и боевые машины должны пройти. Дело сделано».

Кто-то из офицеров вопросительно склонился над ним. «Надо сказать. Уже можно. Только бы хватило сил, чтобы сказать...»

— Кажется, меня зацепило, — произнес с расстановкой, сам удивляясь тому, насколько непослушными стали губы и чужим голос.

Через нижний люк Аушева втащили в «бетеэр». Сняли куртку. Начали перевязывать.

— За меня остается майор Паперник, — прохрипел, с трудом выдавил из себя слова.

В несколько приемов развернувшись на узкой горной дороге, «бетеэр» помчался вниз.

* * *

Хорошо было бы написать: нас свел Афганистан. Но это неправда. Он мог нас свести, потому что мы оба — и Руслан, и я — в одно время выполняли там свой долг. Аушев — комбатом, я — собственным корреспондентом «Комсомольской правды». Лишь по какой-то прихоти судьбы наши курсы тогда не пересеклись.

Весной 83-го мы пригласили Героя Советского Союза Руслана Аушева, заканчивавшего первый курс Военной академии имени М. В. Фрунзе, поехать в составе «десанта» газеты на ударную стройку в Экибастуз. Он пришел в редакцию после занятий, чтобы уточнить детали командировки. Высокий, красивый, с пышными усами, знающий себе цену и вместе с тем застенчивый до румянца, Руслан сразу располагал к себе.

Кажется, с того самого дня мы стали друзьями. Случалось, вместе отправлялись в командировки. Тренировались в одной спортивной секции. На хоккейных матчах болели за одну команду. Обменивались книга-

ми. Иногда жестоко спорили. Когда после окончания академии Руслан вновь добился назначения в Афганистан, нас продолжали связывать письма.

* * *

Уникальна, единственна на всю нашу страну семья Аушевых. У Султана Юсуповича и Тамары Исултановны пятеро детей. Трое из них — офицеры. Все трое служили в ДРА. Старший, Адам, и младший, Багаутдин, исполнив интернациональный долг, также поступили в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Все трое были ранены, причем Адам и Руслан тяжело. На троих братьев — тринадцать(!) орденов и медалей, врученных им за мужество и героизм.

Отец, Султан Юсупович, не мастер говорить громкие слова. Именно он воспитал сыновей воинами.

В ингушских семьях мужчинам не принято открыто проявлять эмоции. Когда сыновья приезжают в отпуск, Султан Юсупович свои чувства выражает только тем, что надевает праздничный пиджак с трудовыми медалями на лацкане. Объятия, радостное многословие здесь исключены. Таковы традиции, которых крепко держатся в гостеприимном, обвитом виноградной лозой доме.

Тамара Исултановна однажды призналась мне:

— В восемьдесят третьем Адама ранило. Он не писал об этом. А я ночей не спала, сердцем беду чуяла. Потом Адам приехал в отпуск — с палочкой ходил, худой, бледный. Молчал. Я его спрашиваю: «Сын, ты почему хромаешь?» Он лишь глаза отводит: «Упал я, ушибся».

Отец меня успокаивал: «Что ты маешься? Не только наши там. Русские, грузины, азербайджанцы, узбеки — все долг выполняют». Только вижу, отец переживает еще больше, чем я. По утрам к почтовому ящику спешит — все газеты перетрясет: может, есть письмо из Афганистана.

* * *

Сколько раз наблюдал: идет Руслан по улице, и взгляды многих людей фокусируются на его Золотой Звезде. Она притягивает к себе, гипнотизирует.

Горбоносые старики горделиво, молча сидят на ла-

вочке. У них красные, натруженные шеи, узловатые руки. При виде Руслана поднимаются, тянут правую руку к тому месту, где сердце: «Салам...»

Аушев смущен до слез. Неслыханно, чтобы почтенные старцы вставали перед 30-летним парнем.

Но может, они всю жизнь ждали такого парня?

Мы привыкли к тому, что в героях у нас ходят седые ветераны. А тут — наш ровесник, такой же, как мы. И — герой!

Не раз сам видел: человек провожает Руслана долгим-долгим взглядом. О чем думает он в такой момент? Примеряет Звезду к себе?

* * *

Таксисты грозненского таксопарка записали Аушева в свою бригаду. Заработанные деньги перечисляют в Советский Фонд мира. Всякий раз, едва приехав в родные края, спешит Руслан в таксопарк: понимает цену этому патристическому поступку.

— Слушай, Руслан, помоги, а? — попросили как-то таксисты. — Достань нам адрес того кишлака, который недавно по телевизору показывали.

— Зачем вам?

— Как зачем! Там люди с голоду умирают. Мы на собрании решили помочь деньгами и продуктами.

* * *

Выступали в одном столичном учреждении. Руслана спросили: что крепче всего запало ему в душу, когда служил в ДРА? Помедлив, он достал из кармана конверт. Вынул оттуда исписанные прыгающими, почти печатными буквами листки со штемпелем полевой почты.

— Зачитаю вам письмо, которое получил от Саши Лиза, лейтенанта из моего батальона.

Глухим, прерывающимся от волнения голосом, часто откашливаясь, начал читать. Вот эти строки, написанные на госпитальной кровати человеком, только что перенесшим тяжелую операцию:

«Хочу рассказать вам о людях, которые первыми пришли мне на помощь, когда меня ранило. Я лежал на открытом месте, передвигаться самостоятельно не мог, и бандиты просто издевались надо мной. Они так

стреляли, чтобы пули ложились в 10—15 см от меня. И тут приполз рядовой Мамедов из взвода обеспечения. Я ему приказал оставить меня, а самому уйти в укрытие, находившееся метрах в двенадцати. Он не послушался. Вслед за ним приполз рядовой Кочиев, и вдвоем они стали тащить меня к укрытию. Когда до него оставалось метра три и душманы поняли, что мы можем уйти, они перенесли огонь прямо на нас. Тогда Мамедов лег на меня, закрыв своим телом. Одна пуля пробила ему руку и уже на излете застряла у меня в бедре. Товарищи спасли меня от верной гибели.

Очень скучаю по нашему батальону, так мне хочется обратно... Если бы сейчас все заново начать, то я бы, не задумываясь, пошел той же дорогой — так и передайте всем нашим ребятам».

От одних лишь этих слов у Руслана комок встал в горле. Ведь говорилось-то о воинах из родного батальона, каждый из них был близкий человек — и лейтенант Лиз, и Мамедов с Кочиевым, рядовые. Больно легло на сердце известие о тяжелом ранении 23-летнего Саши Лиза, которому ампутировали ногу. Вместе с тем Руслан испытывал законное чувство гордости за молодого офицера.

— Письмо своему комбату, вот это письмо, — Аушев показал залу конверт без марки, — было первым, которое Саша написал после операции. А вторым стал рапорт Министру обороны с просьбой оставить его в кадрах армии.

* * *

Как-то в беседе с Русланом упомянул я о стенографистке из нашей редакции. Многие годы Екатерина Константиновна Благодарева собирала фотографии односельчан, погибших во время Великой Отечественной войны, скупые факты об их ратном труде. Ее стараниями выражение «никто не забыт» обрело в той деревне, где прошла юность Екатерины Константиновны, особый смысл: накануне 9 Мая на деревенской площади люди сообща воздвигли обелиск с высеченными именами тех, кто не вернулся из боя. Открыть памятник решили в Праздник Победы.

Я знал, что Руслан в тот день уже получил множество приглашений (выступить, поприветствовать, встретиться, участвовать, посетить...), и потому не надеялся

уговорить его поехать со мной. Деревня-то от Москвы недалеко. Он сам предложил:

— Давай сделаем женщине сюрприз. Отправимся туда и принародно скажем ей спасибо. Как ты думаешь, ей будет приятно?

Мы немного опоздали. Митинг уже закончился. Но жители типичной подмосковной деревни из полусотни бревенчатых изб не расходились. Теснились вокруг памятника своим отцам, братьям, племянникам. Женщины плакали, мужики хмурили лбы. А рядом был устроен самодельный стенд, с фотографий глядели на односельчан из сорок первого года родные лица.

Неподалеку, пунцовая от волнения, стояла Екатерина Константиновна в белой кофточке. Молодой майор в парадном мундире с геройской Звездой подошел и низко склонил перед ней нескрытую голову.

* * *

С удивительной душевной щедростью идет Руслан навстречу людям, принимает участие в их судьбе.

— Понимаешь, — объяснял он, собираясь на прием к высокому спортивному руководителю, — есть у меня земляк, борец вольного стиля. Сильный парень, а в сборную не берут. Я гарантирую, что он — готовый чемпион Европы.

— Руслан, — попробовал я его урезонить, — тренерам, наверное, виднее...

— Им свое виднее. Я тебе самого главного еще не сказал. Если тот парень, Ваха Евлоев, станет чемпионом, в его родном городе борьбой захотят заниматься все подростки. Им пример нужен, понимаешь? Сейчас в том городе с ними немало проблем. Очень нужен ребятам кумир!

Убедил Руслан спортивное начальство: Ваха Евлоев поехал в Швецию. Оттуда вернулся чемпионом Европы. Прямо из аэропорта примчался на Садовое кольцо, в общежитие Военной академии.

Большой, зеленоглазый, взъерошенный, совершенно оналевший от счастья, стоял Ваха посреди комнаты. На груди — золотая чемпионская медаль. Он даже дар речи потерял — просто смотрел на нас сияющими глазами. Да никаких слов и не требовалось.

Потом Евлоев говорил: «Когда я вышел на финальную схватку с турком, сразу вспомнил всех, кто в ме-

ня верил. Сказал себе: «Если сегодня здесь не советский, другой гимн прозвучит, ты не человек, Ваха».

Много позже спросил я Руслана: «А вдруг бы Ваха проиграл?»

«Нет, — убежденно ответил он. — Ваха скорее умер бы на ковре, чем позволил себя побороть. Ведь мы за него поручились. Его тогда никто не мог победить».

* * *

Чем привлекает к себе Руслан, сразу же внушает симпатию? Может, достоинством, с которым неизменно держится? Или умением нестандартно думать, излагать свои мысли? Обаянием? Внутренним благородством?

Всем вместе.

За три года учебы в академии Аушев бывал в разных московских домах, беседовал с огромным числом людей и всегда старался усвоить для себя какие-то уроки. Перед отъездом в Афганистан сказал:

— Меня эти годы в Москве зарядили такой энергией! Я как натянутая стрела, отпусти тетиву — полечу.

В родном народе находил Руслан образцы подлинного величия духа, нравственной красоты, беззаветной любви к Отчизне. От него услышал я историю, в которой ярко отразился характер советского человека:

— В горном селе неподалеку от Грозного получили письмо от солдата из Афганистана. Он писал домой, что наградили его орденом Красной Звезды, обещал скоро приехать. А потом сообщили: убит в бою. Собрались к дому солдата односельчане, чтобы выразить соболезнования матери. От горя она потеряла силы — вынесли ее навстречу людям на руках. Когда немного пришла в себя, сказала: «Шестнадцать пуль попали в тело моего сына, и ни одна из них — со спины. Значит, он не был трусом. Это меня утешает».

* * *

Вспоминается случай возле станции метро «Измайловская». Конец марта. В свете фонарей косо летел снег. Среди колонн перед выходом — компания наших сверстников. Негромко звенела гитара.

Десять лет назад выпускники энергетического института пообещали друг другу собраться именно в этот день. И вот теперь возвращались в счастливую пору студенчества: «Я в синий троллейбус сажусь на ходу, в последний, случайный...» Потом — другая мелодия, окрашенная легкой печалью: «Первый тайм мы уже отыграли и одно лишь сумели понять...»

Мы остановились. Руслан весь подался вперед.

Мне казалось, я понимал его. Он заканчивал академию и уже знал, что снова вернется в Афганистан. Хотелось, видимо, впитать в себя все, что там, в горах, поможет быть сильным, храбрым, добрым. Обычная мирная жизнь наполнялась для него особым смыслом, приобретал особую цену.

Через несколько минут бывшие однокурсники разойдутся в разные стороны или даже разъедутся. Будут расти по службе. Любить. Воспитывать детей. Петь песни. И все это станет возможным, потому что есть он, Руслан Аушев, его боевые друзья.

* * *

В феврале 1986 года меня направили в ДРА в короткую командировку. Руслан показывал свое хозяйство во временном городке — офицерские общежития, обсаженные молодыми деревьями дорожки, русскую баню, столовую. Ревниво смотрел, нравится ли мне здесь. Ведь я помнил эту часть еще не обжитой, не ухоженной — в 81-м. Руслан возглавлял теперь штаб того самого полка, в котором когда-то командовал ротой, а потом батальоном.

— Конечно, романтики сейчас, на новой должности, меньше, — признался он. — Приходится заниматься планированием всей жизни, организацией службы. Штаб — это мозг полка. Хороший штабист все двадцать четыре часа в сутки на своем посту.

* * *

«Извини, что долго не писал. Работы по горло. Часто выезжаю. Помогаем афганцам отбиться от тех, кто зарится на их хлеб. В свободное время обучаю рукопашному бою разведчиков. Навыки, приобретенные в Москве,годились — так и передай там ребятам.

Последний выезд пропустил. Мне объяснили, что я должен остаться, готовить часть к предстоящей проверке. Впервые я остался в расположении, и, когда встречался с кем-нибудь, было как-то неловко.

У меня здесь иногда спрашивают: зачем я снова вернулся в Афганистан? Находятся такие, кто намекает, будто мало мне славы. Понимаешь, когда мне вручили Звезду, жить по-старому я уже не смог. А тут еще стали называть моим именем пионерские дружины, трудовые бригады. Седые старики на родине вставали при моем появлении. Какая большая ответственность перед людьми! Представь себе теперь, что я поехал бы после академии в какое-нибудь тепленькое местечко. Что бы люди подумали? Где-то гибнут люди, а этот лощеный майор отсиживается. Ну, сделал он когда-то что-то, а теперь?

А теперь я на передовой, то есть именно там, где обязан быть в данный момент».

* * *

Банды Ахмад-шаха Масуда рано утром 16 октября скрытно вышли к перевалу Саланг и заняли позиции на высотах вдоль шоссе. Рядом с душманами окапывались операторы западных телевизионных компаний: это им на потеху готовилось уничтожение колонны афганских машин, которая транспортировала в Кабул топливо.

Ахмад-шах слыл самым могущественным из головорезов, уцелевших на афганской земле. Отряды его наемного войска рыскали в районе долины Панджшер, а при малейшей опасности уходили через границу в Пакистан. У Ахмад-шаха имелись своя агентурная сеть в центральных районах страны, самые современные ракеты, мины, стрелковое оружие, инженерное оборудование, для связи использовались последние достижения радиотехники, в том числе космической, спутниковой. Конечно, все это ему не с неба упало: за кордоном давно поняли, на кого делать ставку в стремлении уничтожить народную власть. Ахмад-шах — враг хитрый, умелый, фанатичный.

Просочившись под покровом ночи к Салангу, несколько сот душманов после полудня 16 октября ударили по длинной, растянувшейся километра на два колонне наливников. Вспыхнул от гранатометного зал-

па сопровождавший колонну бронетранспортер. Загорелись машины с цистернами в кузовах. Водители выпрыгивали из объятых пламенем кабин и попадали под смертельный град пуль. По камням текли ручьи бензина, смешанного с кровью.

Это хотели снять западные кинооператоры? Под такой сюжет Ахмад-шах сможет просить новые милости.

...Руслан только что спустился с перевала в Чарикарскую долину. Его небольшой отряд стоял у моста через быструю реку, откуда начинался серпантин горной дороги к Салангу. Около пятнадцати часов он увидел столбы черного дыма над горами, услышал уханье гранатометных выстрелов. В следующую минуту его командирский «бетеэр», шесть боевых машин и два танка помчались туда, где разгорелась схватка с врагом.

Километра через три встретили несколько прорвавшихся из засады машин. За поворотом дороги увидели пылавший «бетеэр».

Руслан мгновенно отметил, что огонь здесь ведут такой плотный, под какой он ни разу за все годы не попадал. Главную опасность представляли бывшие сверху гранатометы. Приказал подавить их командиру одного танка, а второму велел следовать вместе с ним вверх.

«Отчего так мало машин вышло из зоны обстрела? — недоумевал Аушев. — Все другие уничтожены?» Его афганский опыт противился такой мрачной догадке. Всегда большую часть машин выводили из любой засады. Что же случилось?

Все объяснилось за следующим изгибом дороги, лепившейся между скалами и пропастью: трассу намертво перегородили две горевшие машины. Как оказались они поперек шоссе обе сразу, борт в борт, будто нарочно образовав огненную баррикаду, которую ни пробить, ни объехать? «Значит, остальные наливники там, выше, за этим костром, — понял Руслан. — Сгрудились, наверное, в кучу, а с гор бьют сейчас по ним, беззащитным, и водители ничего сделать не могут — ни себя спасти, ни машины». Надо было прорываться туда, любой ценой прорываться.

Руслан уперся обеими руками о броню, легко выпрыгнул на землю. Ветром несло на него космы черного дыма. Пули, рикошетом отскакивая от камней, со стоном ввинчивались в воздух.

Танк почти уперся в неожиданную преграду. Руслан подбежал к нему, поднял с земли камень, дважды стукнул по броне. Из командирского люка высунулся по пояс старший лейтенант Кислица: перепачканное гарью лицо возбуждено, шлем сбился на затылок.

— Сбрось их в пропасть. Сможешь? — показал Руслан на чадающие машины.

Вместо ответа Кислица захлопнул люк, и почти тут же танк дернулся, пополз прямо на огненную стену. Однако через минуту отступил опять на прежнее место. Старший лейтенант вылез из-под брони — виноватый и злой одновременно.

— Жарко очень! Не выдерживает механик-водитель! — прокричал он.

— Надо, брат. Надо! Попробуй «рогом» и пушкой. Давай еще раз!

Кислица понял, о чем речь. «Рогом» в просторечии называют выступающую вперед часть танкового минного трала. Сам трал накануне был разрушен взрывом бандитского фугаса. А «рог» уцелел. Если им да еще орудийным стволом попытаться столкнуть с дороги наливники?

Танк вновь почти наполовину влез в огненный вал. «Ну, давай же, давай», — мысленно подталкивал его Руслан. Как и в первый раз, Аушев вернулся к своему «бетеэру», из-под его левого борта следил за танком.

Нет, «рог» и ствол свободно протыкали полусгоревшие машины. Потом танк попятился. Руслан увидел, как на нем вспыхнули ящики с инструментом, брезент. Пришлось спасать сам танк.

А бой не прекращался ни на секунду.

Аушев помог экипажу загасить огонь. Оставалось последнее средство. Радикальное. Коротко распорядился, обращаясь к Кислице:

— Давай прямой наводкой.

Побежал от танка к укрытию. И почти тут же почувствовал тупой укол в спину...

После госпиталя Аушев получил положенный внеочередной отпуск. На несколько дней приехал в Москву. Такой же, как всегда, только сильно похудел да на висках появилась седина.

Через несколько дней Руслан возвратился в строй.

Весной 1987 года Руслан Аушев, уже подполковник, приехал в Москву для участия в работе XX съезда ВЛКСМ. Пришел к нам в редакцию — по-прежнему красивый, стройный, общительный. Откровенно любуясь им, мы вручили Руслану огромную кипу писем, поступивших в ответ на очерк об обстоятельствах его ранения, опубликованный в «Комсомольской правде». Эти отклики являли собой зримое отражение признательности сотен незнакомых и далеких людей к нему и ко всем воинам-интернационалистам.

Руслан забрал все письма с собой:

— Обязательно напишу каждому. Придется ночами...

В Кремлевском Дворце съездов, где проходил комсомольский форум, Аушева легко было отыскать среди тысяч делегатов. В перерывах между заседаниями вокруг него неизменно бурлила толпа тех, кому не терпелось получить автограф, поближе рассмотреть Героя, позжать ему руку. Каждый раз лишь звонок на очередное заседание выручал Руслана. Он с облегчением прятал в карман авторучку, смущенно шутил:

— По-моему, меня с кем-то путают.

Нет, Руслан, все правильно. Никто ничего не перепутал. Наша молодежь всегда преклонялась перед мужеством, верностью долгу, искренностью, честностью — качествами, которыми ты обладаешь сполна. Сейчас, в пору революционного обновления общества, они, эти человеческие достоинства, приобретают особую цену. Всем нам очень нужны люди, на которых можно равняться. Герои рождают героев.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Сержант Игорь Владимирович Чмуров родился в 1966 году в г. Ярцево Смоленской области. Среднюю школу окончил в г. Одинцово Московской области. Работал на Одинцовском мебельном комбинате и одновременно учился в городской школе ДОСААФ, где совершил три парашютных прыжка.

В феврале 1984 года призван в ряды Вооруженных Сил, в воздушно-десантные войска. В том же году был направлен для прохождения службы в одну из частей ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Там его приняли кандидатом в члены КПСС.

И. В. Чмуров удостоен звания Героя Советского Союза.

Ныне И. В. Чмуров — курсант Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола. Избирался делегатом XX съезда ВЛКСМ.

Тот бой стал для гвардии рядового Игоря Чмурова двадцать девятым по счету и первым, когда рядом с ним не сражались товарищи...

Если солдат на двадцатом году жизни совершает подвиг, за который ему присваивается звание Героя Советского Союза, этот факт, согласитесь, не может не заинтересовать. Появляется желание изучить и рассмотреть его самым пристальным образом. Не ради праздного любопытства, разумеется, а для того, чтобы лучше понять, осмыслить героический поступок человека, истоки мужества. Для нас, советских людей, важно «примерить» экстремальную ситуацию на себя, честно ответить перед собственной совестью: смог

бы я действовать столь же решительно, самоотверженно?

Примерно так рассуждал я, когда ехал в небольшой подмосковный город Одинцово, где учился в школе, вырос гвардии рядовой Чмуров. И еще думал о том, что каждая строка короткой биографии Игоря уже высвечена отблеском высокой награды Родины. Золотую Звезду Героя нельзя заслужить случайно. Ее вручают за выдающиеся подвиги, истоки которых — в самой нашей жизни, в великой справедливости советского общественного строя. Пример Игоря Чмурова — ярчайшее тому доказательство.

...Помощь придет обязательно. В этом пулеметчик не сомневался. Другой вопрос — когда. Ведь основные силы роты сейчас на значительном удалении, возле ущелья, его необходимо блокировать. Даже скорым шагом оттуда не дойти сюда за полчаса. А ведь ребятам придется пробиваться с боем. Выходит, надеяться пока что можно лишь на самого себя...

Мысли проносились в голове Чмурова поспешно, разрозненно. Вдруг ни с того ни с сего вспомнился городской одинцовский парк в летнем убранстве. Сквозь густые кроны высоких тополей, ясеней, раскидистых лип еле-еле проникают солнечные лучики. Зайчиками подпрыгивают они на пыльной траве, на широких скамейках, асфальте аллей. И всюду тополиный пух — кое-где образовались даже небольшие сугробчики.

Это видение оказалось настолько зримым, что Игорь даже рассердился: нашел время для фантазий. Надо взять себя в руки.

Одну за другой посылал Чмуров короткие, прицельные очереди, вынуждая душманов пригибаться к земле. Стрелял расчетливо — эконобил патроны...

Оба деда Игоря воевали в минувшую войну. А Сазон Иванович обретал боевой опыт еще в гражданскую — Перекоп штурмовал. Довелось ему сражаться и с белофиннами. Дед по матери — Макар Васильевич, на чью долю выпала только Великая Отечественная война, воспитал с женой семерых детей. Во время оккупации Дорогобушского района Смоленской области Татьяна Исаевна активно помогала партизанам, награду имеет.

Все это, я убежден, самым непосредственным образом связано с судьбой Игоря. О славном прошлом страны, о трудных военных дорогах, полных солдат-

ским потом и кровью, о мужестве и стойкости защитников Советской Родины узнавал он, как говорится, из первых уст.

Сполна хлебнули бед военного лихолетья родители солдата — Владимир Сазонович и Александра Марковна (отчество матери перепутали в сельсовете, записали «Марковна» вместо «Макаровна»). Бомбежки, пожары, голод, холод лишь закалили их дух, волю. Сына тоже не баловали, к труду, к самостоятельности приучали.

В школе Игорь поначалу ничем особым не выделялся среди сверстников: успевал средне, в меру шалил. Напрасно надеялась мать, устраиваясь завхозом в ту же школу, что ее каждодневное присутствие повлияет на прилежание сына. Так продолжалось до тех пор, пока в их классе не ввели военную подготовку.

Тут непременно следует оговориться. Игорь в равной степени уважительно относился ко всем школьным педагогам — от классной руководительницы Анны Семеновны Осокиной до директора Владимира Владимировича Иванова. В письмах домой солдат, как правило, перечислял всех учителей, просил передавать привет, поклон, благодарность за науку. И все-таки к военруку Георгию Петровичу Савенкову питал симпатию особую.

Майор Савенков воевал в одном из полков знаменитой гвардейской Свирской Краснознаменной дивизии. Начинал под Сталинградом, закончил боевой путь у озера Балатон. Был ранен. Долго служил в кадрах. Учителем служит пятнадцатый год. Прирос, прикипел душой к педагогическому коллективу, к ребятам. А для мальчишек их военрук — решительный, твердый, справедливый, до фанатизма влюбленный в десантные войска, — непререкаемый авторитет.

Многие воспитанники Савенкова, в том числе и Чмуров, буквально заболели мечтой о крылатой пехоте. После десятилетки Игорь ездил поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени Ленинского комсомола, да, к сожалению, на приемных экзаменах не набрал нужного количества баллов.

...Душманы заседали все нахальнее. Вряд ли они могли предполагать, что их продвижение вперед за-

держивает всего один солдат, по о малочисленности защитников позиции догадывались наверняка. Где ползком, где перебежками бандиты постепенно приближались к небольшой возвышенности. Их пули ложились перед пулеметом Чмурова все плотнее, поднимая фонтаны сухой морозной пыли, которая мешала Игорю прицеливаться, сильно затрудняла его отлаженные действия. Вынужденный часто переползать с места на место, Игорь угодил-таки под душманскую пулю...

Когда Чмуров вернулся из Рязани, сразу же поделился своей неудачей с военруком. Георгий Петрович не позволил ему пасть духом, убедил, что армия лишь закалит молодого солдата для будущей военной профессии. А сам встретился с военкомом полковником Новоселовым, сумел доказать, что Игорь — готовый десантник, это он, ветеран ВДВ, гарантирует.

С приятной вестью поспешил Савенков к Чмуровым, где был частым гостем.

— Если говорить коротко, — во время нашей беседы Георгий Петрович прохаживается по своему небольшому, заваленному различными наглядными пособиями кабинету, — то я Игоря просто напутствовал перед дальней дорогой из отчего дома. Может, оно и к лучшему, говорил ему, что с училищем у тебя не получилось. Вот послужишь в воздушно-десантных войсках, посмотришь на них словно бы изнутри и поймешь не только то, на что ты способен, но и мечту о призвании проверишь. В этом смысле тебе, считай, даже повезло. Не каждому человеку выпадает в жизни случай испытать свою мечту на прочность.

Очень обстоятельно, веско разъяснял Савенков своему воспитаннику своеобразие армейской дисциплины, ее огромную роль в укреплении наших Вооруженных Сил. Всем хорош Игорь. И способностями, и физическими данными бог не обидел. Но горяч, порой излишне самолюбив. С таким характером легко дров наломать. А в армии главное — строго соблюдать уставной порядок, твердо усвоить, что слово командира — закон.

— Каждый пункт устава, не раз повторял я ему, — продолжал Георгий Петрович, — кровью писан, его подвергать сомнению глупо, если не преступно. Поймешь это умом и сердцем — служба твоя будет замечательной.

Пойдешь на поводу своего самолюбия — плохим солдатом станешь. Об училище тогда и думать нечего.

Буквально впитывал уроки военрука юноша. На протяжении всей своей службы писал Савенкову столь же регулярно, как и отцу с матерью. Георгий Петрович дал мне почитать некоторые письма.

«Здравствуйте, дорогой Петрович! Спасибо Вам за поздравление. Все, что Вы мне говорили, сбывается в точности. И остаться при учебном подразделении мне предлагали. Конечно, это почетно, но, с другой стороны, нет ничего важнее, чем испытать себя в настоящих трудных условиях. И я попросил командира направить меня в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Просьбу мою удовлетворили, и скоро я буду там. Только моим пока ничего не говорите — сам напишу.

Учебное подразделение закончил прилично, без четверок. Передавайте всем мой привет, особенно Евгении Павловне, Анне Семеновне. Пишут ли Вам Эдик Кшнякин и мой тезка Орлов?»

«...При всем желании я не смог бы вам раньше сообщить то, о чем пишу сейчас. Дело в том, что нашу роту снимали для телевидения и, по всей видимости, показывали в программе «Служу Советскому Союзу!». Так, во всяком случае, нам говорил здешний корреспондент Центрального телевидения Михаил Лещинский. Сообщаю Вам это не просто для того, чтобы похвастаться, хотя для съемок и отбирали лучших солдат, а просто чтобы вы могли посмотреть на меня и определить — изменился ли я. А наверняка изменился. Служба здесь непростая. О ней в двух словах не напишешь...»

«...Не подумайте, Георгий Петрович, что хвастаюсь, но на последней проверке уложил все мишени на пятерку. Прыжков с парашютом у меня уже больше двух десятков. А главное у нас — горная подготовка, хотя не каждому из нас доведется служить в Афганистане. Так вот, передайте ребятам наши вэдэвэшные пословицы: «Где есть десантные войска, там нет задач невыполнимых», «Хлюпик в ВДВ не приживется». А вообще-то пугать ребят не надо. Вы же прекрасно знаете: попадут в армию, здесь их всему научат. Но пусть все программу НВП знают назубок...»

Читая эти строки, я думал о том, что гвардии майор в отставке Георгий Петрович Савенков наверняка

счастлив, если есть у него такие воспитанники, как Игорь Чмуров. Ведь совсем непросто дарить человеку мечту. Мечту заветную, единственную, на всю жизнь. А легко ли дать закалку, распахнуть мир перед юношей, открыть ему самому, что в нем главное, что второстепенное? Наконец, не каждому по плечу вырастить из парня человека, который твердо знает, почему избирает для себя не какую-нибудь, а офицерскую стезю, причем именно воздушно-десантные войска. Невольно вспоминается восточная мудрость: «Зерно прорастает, когда согрето».

Хотелось бы еще привести выдержку из заметки, опубликованной в городской одинцовской газете «Новые рубежи» 29 мая 1985 года: «Здесь, вдали от Родины, я часто вспоминаю своих школьных учителей, и прежде всего Георгия Петровича Савенкова. Они не просто нас учили грамоте, а к жизни готовили. Рядовой И. Чмуров».

Так уж получилось, что, забежав вперед, я упустил довольно существенную строку в биографии героя. Перед призывом в армию Игорь больше года проработал на местном комбинате мебельных деталей.

В масштабах Одинцова комбинат — довольно крупное предприятие с многочисленным коллективом, с хорошими трудовыми традициями. География поставок его продукции довольно внушительная, даже на Дальний Восток отправляются деревянные скалки, тарелки, чашки и другие изделия из Одинцова. Игорь рассказывал, что однажды увидел в афганском дукане деревянные ложки и обрадовался — одинцовские!

Однако на комбинат Чмуров пришел, откровенно говоря, не по зову сердца, не по призванию и не из-за любви к профессии. Устроился на год, до призыва в армию, чтобы не сидеть у родителей на шее.

...Мы беседуем с начальником цеха Виктором Ивановичем Якимовым в его кабинете. Шум деревообрабатывающих станков проникает и сюда, но разговаривать можно. В самом же цехе мы буквально выкрикивали слова друг другу на ухо. Производство сложное, далеко не безвредное — всю смену люди трудятся в респираторах.

— Разумеется, Чмуров знал, что условия у нас непростые, — рассказывает Виктор Иванович. — Школьником проходил здесь практику. И то, что парень не испугался трудностей, не погнался за легким заработ-

ком, рабочим, конечно, понравилось. Чувствовалась спокойная уверенность Игоря в себе. С мастером Вячеславом Дмитриевичем Никаноровым у него тоже быстро наладились добрые отношения. Словом, мы сразу поняли, что не временщик пришел в цех, а трудяга.

Виктор Иванович делает паузу, вынимает из шкафа пухлую папку.

— Ваш брат конкретику уважает. Вот посмотрите, как Чмуров справлялся с дневными нормами.

Аккуратные столбцы цифр, фамилий. Против Чмурова — 103, 108, 111 процентов...

— Никогда от поручений не увиливал, — продолжает Якимов. — К примеру, в колхоз на картошку ехать или, скажем, дружинником вечером подежурить. Игорь соглашался без каких-либо отговорок.

Но и ершистость свою порой проявлял. Не без этого. Случалось, некоторые рабочие из цеха обижались на его прямолинейность.

А вообще-то Чмурова любили. На побывку приехал — все в один голос: возвращайся в цех. Место для тебя всегда найдем.

В который раз обращаясь к биографии Игоря, я прихожу к твердому выводу, что труд на комбинате тоже закладывал прочные основы его активной жизненной позиции. Изо дня в день выполняя рядом с товарищами напряженный производственный план, ощущая их доверие, уважение, Чмуров испытывал удовлетворение от работы, в нем рождалось, крепло сознание собственной нужности, полезности. В цехе была, да и сейчас сохраняется (я в этом сам убедился), атмосфера, которая никому не позволяет опускаться до халтуры, брака, пустого времяпрепровождения. Здесь, в трудовом коллективе, юноша получил очень важные уроки зрелости, гражданственности, всего того, что мы называем рабочей закалкой.

В армию Чмурова провожали всем цехом — без малого восемьдесят человек, для которых возможность трудиться под мирным небом — главная мера жизни. О том и говорили будущему солдату — искренне, без излишней красоты: гляди, мол, не подведи нас, на совесть служи. «Не подкачаю», — взволнованно отвечал Игорь, как чуть раньше обещал учителям, товарищам, любимой девушке, родным и близким. В та-

кие минуты эти простые слова звучали подобно клятве.

...Из простреленного навывлет правого бедра хлынула кровь. От внезапной жгучей боли потемнело в глазах. Пожалуй, впервые в том долгом бою Игорь испугался. Он слышал, что от болевого шока люди порой теряют сознание. Тогда ему конец.

Боялся ли Чмуров попасть в руки душманов? Душается, да. И все-таки, судя по дальнейшим событиям, в первую очередь тревожился о том, что бандиты пройдут через его позицию, осуществят свои гнусные замыслы.

Однако вскоре у Игоря чуть отлегло от сердца: зрение постепенно обретало прежнюю остроту, с болью, понял, справится, вытерпит. Перезарядил пулемет, выпустил по бандитам две длинные очереди. И тут же принялся за свою рану. Главное — остановить кровь, потом санинструктор сделает все что положено. Ведь должны же подоспеть ребята...

В строгий размеренный армейский быт рядовой Чмуров вписался, как впечатался, — сразу, без раскачки. Кого-то из его однокашников тяготил жесткий распорядок дня: ранний подъем, физзарядка, напряженные занятия; кто-то в кровь колол пальцы, пришивая подворотничок; кому-то даже во сне досаждали изнурительные кроссы. Игорь переносил трудности ратной службы с завидной стойкостью.

Еще в учебном подразделении командиры, внимательно присматривавшиеся к старательному солдату, хотели оставить Чмунова у себя. Игорь не согласился, хотя сам факт такого предложения считал для себя лестным. Несколько раз обращался к начальникам и сумел-таки убедить отправить его в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

На новом месте Чмуров сравнительно быстро завоевал репутацию толкового, отлично подготовленного специалиста. Командир взвода старший лейтенант Андрей Сысоев всегда охотно брал Игоря на боевые задания, превыше всего ценил его надежность, исполнительность. Простые, привычные слова эти в бою приобретают свой первородный, главный смысл. Кто хоть раз бывал под пулями, тот подтвердит: самое великое благо — глубокое убеждение, что рядом с тобой люди, на которых целиком можно положиться.

Чмуров прошел через жестокие бои в Панджшере

и под Кандагаром, видел собственными глазами, как душманы уничтожали шедшие к Кабулу автоколонны с продовольствием и медикаментами, сровняли с землей мирный, без военных объектов и постов, кишлак Саркани. Вместе с товарищами Чмуров освобождал кишлаки от бандитов, оставлявших после себя обезображенные трупы женщин, стариков, детей...

А письма домой писал спокойные, рассудительные: «Здравствуйте, мои дорогие! С большим приветом к вам Игорь. Дела у меня идут хорошо. Недавно вернулся с боевого задания. Все прошло нормально. Все целы и здоровы. Ребята шлют вам большой привет. Передавайте мой низкий поклон всем учителям».

«...Трудновато здесь. Но разве в большом деле бывает что легким? За меня не беспокойтесь. Свое солдатское дело я знаю хорошо. Стало быть, зря под пули никогда не полезу».

«...Раньше я был уверен, что моему поколению не повезло — все большие и трудные дела в прошлом. Теперь вот убедился, что и на нашу долю хватит испытаний. Значит, жизнь проживем не напрасно».

«Служба моя идет нормально. Здоровье отличное. А другим оно у десантника быть не должно. Вернулся из очередного похода, и меня ждало ваше письмо. Очень ему обрадовался. Вообще, каждой вашей весточке я радуюсь несказанно. Вот все у нас есть: радио, телевизор. Газет, журналов и книг всяких полно. А без ваших писем все это немило. Поэтому пишите почаще. Привет всем моим друзьям и обязательно — учителям».

...Дозор, в составе которого находился пулеметчик Чмуров, вышел в район, где действовали душманы. Никого не щадили бандиты. Все жгли, разрушали на своем пути. Коварству их не было границ. Прикидываясь нищими, враги выпрашивали по домам милостыню, а потом безжалостно убивали тех, кто недавно делился с ними последней лепешкой.

Советские воины наблюдали за кишлаком. Они знали: там — бандиты. Но пока ничто не нарушало ночного безмолвия. В бледном свете луны обрисовывались вершины гор. И вдруг тишина взорвалась пулеметной очередью. Стало ясно, что душманы лишь ждали удобного момента для удара из своих укрытий.

Чмуров сориентировался первым. Заняв выгодную позицию, мгновенно открыл прицельный огонь, дал

возможность дозору благополучно отойти. Сам догнал товарищей последним.

В другой раз душманы обстреляли автоколонну. Подбив головную машину, предвкушали уже легкую победу, да обманулись. Вдвоем с сослуживцем Игорь вынудил врагов залечь. Меняя позиции, воины успешно отражали атаки противника до тех пор, пока не подоспели основные силы. Мужество и отвага рядового Чмурова в том бою отмечены медалью «За боевые заслуги».

Об этой своей награде, как, впрочем, и о предыдущих многочисленных поощрениях, Игорь домой не написал — не хотел волновать. А вот Савенкову сообщил:

«Только что мне вручили медаль «За боевые заслуги». Честно говоря, не без гордости пишу Вам об этом, дорогой Георгий Петрович. Наверное, вам, фронтовику, как никому другому, должно быть понятно, что это за награда для солдата. «За выполнение интернационального долга...» Для меня и моих товарищей слова об интернациональном долге не пустая фраза. Вы бы посмотрели, что тут творят душманы. Бандитизм и разбой в чистейшем виде. Сколько здесь воюю, а привыкнуть не могу. Человек с нормальной психикой вообще, по-моему, никогда не свыкнется с тем, что здесь творят наемники. Бандиты у афганского народа — просто путы на ногах, мешающие строить новую жизнь. Враг, точно саранча, лезет из всех дыр. Озверелые фанатики, нелюди. Сколько раз мне приходилось видеть полностью вырезанные кишлаки, растерзанных женщин и детей. И мы вместе с воинами афганской армии вставали на пути бандитских шаяков. Нельзя иначе».

...Рана продолжала кровоточить, — видимо, довольно серьезная. Конечно, в другой обстановке Игорь обработал бы ее по всем правилам солдатской науки. Но сейчас, под вихрем бандитских пуль, солдат наспех сделал перевязку и вновь принялся к пулемету...

Каждый день в Афганистане надолго запомнится Чмурову. Однако самый незабываемый — тот, когда коммунисты роты приняли его кандидатом в члены КПСС.

Накануне собрания беседовал с Игорем секретарь партийной организации батальона гвардии капитан С. Чуйков. О разном говорили. Офицер интересовал-

ся даже тем, пишет ли солдату любимая девушка. Спрашивал искренце. Чмуров отвечал столь же откровенно — верил, не для «галочки» общается с ним партийный вожак. И вдруг услышал совершенно неожиданное: «Не думали ли вы, Игорь Владимирович, о том, чтобы в партию вступить?»

— Как же не думал, — это уже мне рассказывал Чмуров. — Еще как думал. Но видел это событие в каком-то далеком будущем. И от предложения секретаря нашего даже растерялся. Он понял мое состояние. Не торопил. Обмозгуй, мол, все как следует. Такие решения на скорую руку не принимаются. Если почувствуешь, что внутренне готов, — пиши заявление.

Я посоветовался потом с ребятами, с командиром взвода. Они меня поддержали, на собрании голосовали за меня единогласно. Сколько жить буду — не подведу их.

Командир роты гвардии старший лейтенант Александр Песков первым дал Чмурову рекомендацию. И на партийном собрании, кстати, тоже выступил первым. Отметил храбрость, солдатскую сметку Игоря, его готовность прийти на помощь товарищу, отличную физическую подготовку, знание военного дела. Не умолчал, правда, и о том, что Чмуров порой излишне честолюбив, вспыльчив, посоветовал «поработать над своим характером».

Не говорил я с Игорем об этом, но несколько не сомневаюсь, что солдат отреагировал на критику товарищей, командира правильно. Не случайно вскоре комсомольцы роты избрали Чмурова своим секретарем.

...Чтобы контролировать ситуацию, по-прежнему приходилось то и дело менять позиции. Во время одного такого маневра Игорь разгадал намерение душманов, заходивших справа, окружить его. Метнулся с пулеметом на правый фланг, встретил бандитов несколькими точными очередями. Потом стрелял еще и еще, забрасывал врагов гранатами... В горячке боя почти не обращал внимания на свою рану. Повязка сползла до колена, от большой потери крови кружилась голова...

Когда десантники ворвались на место неравной схватки, они обнаружили гвардии рядового Чмурова в бессознательном состоянии. Но руки Игоря словно

срослись с пулеметом — понадобились усилия двух человек, чтобы их разжать.

Долго боролись медики за жизнь солдата, прежде чем опасность миновала. А домой Игорь отправлял бодрые, спокойные весточки.

«Спешу сообщить, что служба моя идет нормально. Сейчас неожиданно появилось много свободного времени, поэтому и пишу чаще. Погода стоит теплая, можно даже загорать. Снег только в горах. Природа здесь по-своему красивая. Но мне во сне все чаще снится наш одинцовский парк в летнем убранстве. Жду не дождусь, когда смогу погулять по нему. Особых новостей у меня нет. Вам всем большой привет от моих товарищей. Даже не знаю, как буду расставаться с ними. А до увольнения в запас — считанные дни».

«Получил сразу три письма. Спасибо вам огромное. Зачитали приказ Министра обороны об увольнении. Так что скоро ждите меня домой. Свой солдатский долг я выполнил сполна. Краснеть вам за меня не придется. Твердо решил — буду поступать опять в Рязанское воздушно-десантное...» Приказ об очередном увольнении в запас Игорь слушал в строю, рядом с боевыми товарищами. Стоял, опершись на палку. Радость смешивалась с печалью от близкой разлуки с теми, кто вместе с ним смотрел смерти в лицо. Боевое братство — высшее братство.

Уезжал, теперь уже гвардии сержант, не домой, а сначала в училище. Там и узнал то, чему не сразу поверил: за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи афганскому народу в деле защиты завоеваний апрельской революции, Игорю Владимировичу Чмурову присвоено звание Героя Советского Союза.

Солнечным летним днем на плацу училища собралось множество народа. Мы с родителями Чмурова Александрой Марковной и Владимиром Сазоновичем находились неподалеку от трибуны. Я видел, как они волнуются.

— Курсант Чмуров, выйти из строя! — прозвучала команда.

Высокий, подтянутый Игорь, печатая шаг, направился к командующему воздушно-десантными войсками генералу Д. С. Сухорукову (ныне заместитель Министра обороны СССР по кадрам), который специально прибыл для вручения награды. Бережно прикрепил

генерал к мундиру курсанта Золотую Звезду Героя и орден Ленина.

— Служу Советскому Союзу! — чуть дрогнувшим голосом отрапортовал Чмуров. Он передал начальнику училища для музея свое боевое оружие, доставленное из подразделения, где нес столь нелегкую ратную службу.

Я смотрел на счастливого Игоря и испытывал вполне естественное чувство гордости за нашу замечательную молодежь. Именно тогда мне почему-то невольно вспомнилась не слишком давняя история.

В канун 1986 года по телеканалу Би-би-си транслировался 12-серийный телевизионный фильм под названием «Товарищ», включавший короткие эпизоды из жизни нашей Родины. Англичане беседовали с молодой учительницей, новобранцем Советской Армии, присутствовали со съемочной группой на заседании народного суда в Молдавии, посетили колхоз, заинтересованно наблюдали, как бьют белку сибирские охотники. О своих впечатлениях рассказывали добросовестно, без предвзятости.

И тут же на английских кинематографистов обрушилась правая пресса, которая изо дня в день изображала нашу страну в клеветническом, извращенном свете. Уже после демонстрации первых трех серий еженедельная газета «Мейл он санди» под шапкой «Слишком хорошо, чтобы быть правдой» заклинала телезрителей: «Вас обманули». Читателям и телезрителям, заявлял обозреватель газеты Питер Добби, подсунули «большевистскую фальсификацию, которую одобрял еще вождь революции Ленин». Борзописец не гнушался никакими средствами, пытаясь лишний раз очернить Советский Союз, тех своих соотечественников, кто осмелился правдиво поведать о нашей стране англичанам.

Каждая строчка этого гнусного газетного пасквиля дышала злобным «Не верю!». Особое раздражение Добби вызвали фрагменты кинокартины, посвященные воинам Советской Армии. Симпатичного новобранца, представленного зрителям в одной из серий фильма, буржуазный писак охарактеризовал: «Это подставное лицо, которое подсунули наивным английским тележурналистам советские власти». Для Добби советский солдат — не кто иной, как пугало для устрашения читателей «советской угрозой».

Ах, до чего же рьяно стараются недруги за рубежом опорочить наших воинов, таких, как Игорь Чмуров, выполняющих священный интернациональный долг, представить их этакими кровожадными завоевателями! Не выйдет, господа! Прежде всего сами афганцы, ощутившие на собственном опыте прелесть свободы, разобравшиеся, кто желает им добра, а кто — зла, не позволят вам этого сделать.

Вместе с Чмуровым мы встречались с ребятами одной из московских школ. Вот лишь отдельные выдержки из выступления Игоря перед старшеклассниками, к которому он, по его словам, готовился долго.

— По фильмам и сюжетам кинохроники, по газетным публикациям вы можете себе представить, в каких условиях приходится нести службу нашим солдатам, какие испытания ложатся на их плечи. Они не просто несут срочную службу. Оказавшись за пределами Родины, в одной из «горячих точек» планеты, ребята, которые лишь на несколько лет старше вас, воочию убеждаются, что такое классовая борьба, что такое темнота и средневековое мракобесие, на что способен кровожадный империализм. Разрушения, которые чинят враги афганской революции мирным селениям, трудолюбивым дехканам, — это одна сторона в противостоянии двух миров, двух идей. Дети, спасенные от голодной смерти нашим солдатским пайком, — другая, наша сторона...

— Служил я в отличной роте, — продолжал после короткой паузы Чмуров. — У меня были прекрасные командиры. Умные, талантливые в военном отношении. Благодаря их прекрасной военной подготовке мы избежали многих потерь. Бывалые воины нас, молодых, поначалу опекали. При выполнении боевых заданий всегда шли сами вперед. Ну и мы, когда набрались опыта, действовали так же...

Вы спрашиваете, не жалею ли я, что попал в Афганистан? Дескать, в другом месте не был бы так тяжело ранен. Нет, не жалею. Там я прошел такую школу за неполных два года, которую вряд ли чем можно заменить. Там я по-настоящему ощутил себя советским человеком. Это мне трудно вам объяснить словами, но это так. Я видел много горя, видел фанатиков, видел жестоких наемников, которые за подачки из-за океана творили страшные злодеяния. Я понял, что такое враг. Но и понял, что такое настоящая сол-

датская дружба. Понял, на что способен сам, на что способны такие ребята, как ефрейтор Александр Корявин, лейтенант Александр Демаков. Чтобы не попасть в руки врага, они подорвали себя гранатами. Не знаю, есть ли что выше такого героизма наших воинов. Поэтому я и решил стать кадровым военным. Решил всю свою жизнь посвятить армии, которая, я на своем опыте убедился, самая гуманная и самая справедливая в мире. И если бы вы спросили, какая у меня мечта, я бы, ничуть не покривив душой, ответил: вернуться в Афганистан. Годы, проведенные там, останутся для меня высшей точкой отсчета на всю жизнь...

Знаменательной вехой вошел в судьбу курсанта Рязанского высшего военно-десантного командного училища имени Ленинского комсомола Игоря Чмурова XX съезд ВЛКСМ. Тогда мне не удалось побеседовать с Игорем: как у всех делегатов, у него была на счету каждая минута. Я видел Чмурова в кругу воинов, на субботнике, во время встречи с москвичами, с молодыми строителями. Он охотно рассказывал об Афганистане, о своих боевых друзьях, о политике национального примирения, проводимой афганским правительством. О том же говорил сержант Чмуров с трибуны съезда.

— Прибыв в Афганистан, — звучал его взволнованный голос, — в новый воинский коллектив, я встретил настоящих товарищей по оружию. Конечно, разные случались ситуации. Но к товарищам, и особенно к нам, молодым воинам, отношение было уважительным и, я бы даже сказал, бережным. Более тяжелую ношу брали на себя ребята с боевым опытом. Они первыми шли в разведку, первыми приступали к разминированию фугаса или мины неизвестной системы. Не единичны случаи, когда они заслоняли грудью своих младших товарищей. Да иначе и быть не могло. Все там живут по закону солдатского братства.

Вспоминаю кавалера двух орденов Красной Звезды прапорщика Александра Стрижака — комсорга нашего батальона. Интересный, доброй души человек, он всегда был рядом с молодыми солдатами на самых опасных участках. Его отличали личное мужество, отвага. За ним комсомольцы шли в огонь и в воду. Он трижды был контужен, но оставался в строю.

Игорь чуть помолчал. Встали, наверное, перед его

глазами эпизоды, пережитые на афганской земле, лица тех, с кем доводилось идти сквозь свинцовый ливень, переносить жару и холод, прощаться с погибшими товарищами.

— Сейчас есть возможность оглянуться назад, осмыслить все, что я вынес из афганских армейских будней. — Чмуров посмотрел в зал. — Не покривлю душой, если скажу слова искренней признательности и благодарности в адрес моих дорогих командиров и политработников... Это близкие и дорогие нам люди. Они ели с нами из одного котелка, часто недосыпали, а в трудные минуты, как и в годы войны, спасали подчиненных ценой собственной жизни. Сегодня многие знают и помнят подвиг Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Владимира Задорожного. В критический момент, когда граната душманов упала в окоп к ногам воинов, офицер-коммунист не растерялся, накрыл ее своим телом и ценой жизни спас солдат и сержантов, находящихся рядом.

Игорь и на съезде оставался самым собой. Много теплых слов адресовал командирам, политработникам, друзьям-товарищам. И лишь в конце добавил:

— О том, что совершил я и за что удостоен звания Героя, хотелось бы сказать просто — я выполнял боевой приказ. Окажись на моем месте любой солдат, сержант или офицер, он поступил бы точно так же.

Так лаконично выразил Игорь Чмуров суть своей службы и своего подвига. Она очень понятна, открыта. Как, впрочем, и вся его жизнь.

СОБСТВЕННЫМ СЕРДЦЕМ

Старший лейтенант Николай Анатольевич Шорников, родился в 1953 году в с. Комиссарово Кемеровского района Кемеровской области в семье рабочего совхоза. В 1975 году закончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище имени 60-летия Великого Октября. Служил в Группе советских войск в Германии. В числе первых советских воинов выполнял интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА.

Н. А. Шорникову присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

1

Душманы ударили, когда рота, разделившись на группы, спускалась с хребта в долину. Частые гулкие выстрелы, разрывая послеполуденный воздух, разом оборвали блеяние овец, пасшихся на склоне неподалеку.

— Ложись! — крикнул старший лейтенант Шорников.

Весь прежний опыт схваток с бандитами убедил ротного политработника: в критический момент главное — сохранить собственное хладнокровие, чувство реальности обстановки и действовать, не теряя ни мгновения. Воины, с которыми он оказался на левом фланге роты, без промедления выполнив команду, открыли прицельный огонь по бандитам. Но их количество на вершине, откуда только-только ушла рота, с каждой минутой росло.

Шорников оценил ситуацию. Возглавляемая им группа находилась в отрыве от подразделения. Внизу, метрах в четырехстах, разбросался беспорядочно небольшой кишлак: несколько глинобитных жилищ, окруженных квадратами дувалов. Лишь самый крайний и самый низкий домик стоял без дувала. Его основание почти пополам рассекал арык. «Мельница», — сообразил Николай. Ему уже не раз доводилось встречать в афганских кишлаках подобные сооружения, зайти в которые, не согнувшись, почти невозможно. В отличие от российских водяных мельниц на полноводных реках здесь они строились по другому, более сложному принципу.

Дальше за кишлаком колосилась пшеница, выделялись точные геометрические прямоугольники плантаций риса. У самой реки по берегу тянулись акации, тутовые деревья. Вся долина в ширину едва достигала пятисот метров.

Бандиты оседлали хребет по всему фронту, — значит, вряд ли старшему лейтенанту Сергею Заколотажному, исполнявшему обязанности командира роты, удастся поднять в горы один из взводов, чтобы ударить им во фланг. А атаковать снизу вверх при такой плотности огня без поддержки артиллерии и авиации — сумасшествие. Николай приказал группе отойти в долину, за дувалы домов, покинутых дехканами.

— Спуститесь в долину и прикройте огнем снизу! — крикнул заместителю командира взвода Шевлякову.

По-пластунски, прячась за выступы и валуны, Шевляков вместе с сержантом Шапиевым, рядовыми Бердыевым, Юнисовым, Баран и другими солдатами начал быстро спускаться. Прицельным огнем Шорников, сержант Сайфутдинов, рядовой Комаков не позволяли бандитам приблизиться к группе, забросать ее гранатами.

Мельком глянув вниз, Николай не увидел сразу товарищей: настолько умело использовали они горные складки для укрытий. Не зря ротный гонял подчиненных до седьмого пота. Никто в батальоне (да что там в батальоне — во всем полку) не тренировался в горном учебном центре настойчивее, чем личный состав роты старшего лейтенанта Косинова. Его заместитель по политчасти лейтенант Шорников, командиры взводов старший лейтенант Сергей Заколотажный, два

Игоря — лейтенанты Котов и Баранов, сами лазавшие по горам с альпинистской ловкостью, старались развить у воинов такую же сноровку. Рота, до того как прибыла в Афганистан, считалась лучшей по горной подготовке в округе.

Душманы, подгоняемые главарями, заскользили с хребта вниз. Их суматошная стрельба наполнила долину многократным эхом. Пули крошили камень, выбивали пыль и щебень. Перед группой Шорникова образовалась, словно от дымовых шашек, пылевая завеса, под покровом которой бандиты могли подойти на расстояние броска гранаты. И потому, едва товарищи открыли снизу прицельный огонь, Николай командовал:

— Сайфутдинов, Комяков, отходим!

Подобно ящерицам, скользили они между камней, сопровождаемые роем пуль над головой. Шорников хорошо понимал, насколько опасное сложилось положение для группы, да, вероятно, и для всего подразделения. Судя по плотности огня, бешеному патиску душманов, их дерзости, банда крупная, самим отбиться от нее очень трудно. А если «духи», перекрыв долину за кишлаком, преградят путь до какого-то времени всему батальону, который Заколядажный наверняка уже предупредил об опасности, дело примет исключительно опасный оборот. Нельзя вызывать на помощь и авиацию: сильный ветер, густые тучи, окутавшие вершины, помешают вертолетам добраться сюда.

«Попав в воду, надо плыть к берегу или тонуть», — вспомнились Николаю чьи-то слова, и он с яростью прошептал: «Надо плыть, плыть надо...»

Шорников решил занять оборону на окраине кишлака, постараться сдержать натиск бандитов до подхода основных сил.

Дувалы кишлака лепились почти к самому подножию хребта. Именно здесь приказал Шорников группе занять позиции, поскольку других укрытий поблизости не обнаружил. Вести огонь отсюда было, в общем-то, удобно, но для маневрирования почти никаких возможностей.

Расположились в доме за дувалом. На этот пятак подворья градом обрушился свинец. Бандиты стремились быстрее покончить с воинами, а потом спрятаться в горах, где найти их весьма непросто.

От основных сил роты, оборонявшейся на западной окраине кишлака, группу отделяло открытое пространство, служившее дехканам, по-видимому, для выгона скота. Сверху оно хорошо просматривалось душманами, так что пересечь его без больших потерь — Шорников прекрасно понимал — нереально.

— Беречь патроны, стрелять наверняка, — перебегая от одного солдата к другому, говорил политработник. Кого-то подбадривал, кому-то советовал сменить позицию. — Ничего, ребята, нас мало, но мы в тельняшках! Так, что ли, Комеров? — обратился он к солдату, выбирая по соседству удобное место для стрельбы. Его автомат тут же застрекотал коротко, дробно.

— Точно, товарищ старший лейтенант.

Сосредоточенность, собранность делали почти еще детское лицо Комерова не по годам взрослым. Солдат уже успел справиться с растерянностью, суетливостью, присущей обычно в первые минуты боя, когда прямо над тобой или рядом свистят пули и любая может стать роковой.

Неподалеку сержант Шевляков что-то объяснял молодому сослуживцу. «Да не веером очереди пускай, а целься», — донеслось до офицера. Получалось так, что возле каждого необстрелянного воина бой вел опытный солдат или сержант.

К расстановке людей на учениях замполит никогда не относился формально, требовал того же и от взводных. Как правило, новичков опекали те, кто умел быстро ориентироваться в ситуации, сохранять хладнокровие, выдержку, ощущал повышенную ответственность за выполнение задачи, — младшие командиры, коммунисты, комсомольские активисты. И вот результат: в завязавшемся теперь бою, под градом пуль никто не спасовал.

Стрельба разгоралась по всему фронту, и замполит окончательно понял, что другие взводы тоже, заняв оборону, отражают бандитский налет. Выходит, скорой помощи не жди.

Лобовой атакой против горстки советских воинов душманы успеха не достигли. Тогда попытались ударить во фланг, со стороны мельницы. Часть их сил начала смещаться восточнее окраины кишлака. «Там путь для них свободен», — мигом сообразил Шорников.

— Саша, — окликнул рядового Баран. — Зови сюда Коменкова, Джураева, Юнисова.

Все четверо собрались за дувалом возле замполита.

— Вот что, ребята, — медленно произнес Шорников, напряженно размышляя под грохот боя. — Пойдете к мельнице, прикроете группу с левого фланга. «Духи» скоро будут там. Держаться до последнего, иначе всем нам...

Обнял их на прощание, проводил за дувалы.

Николай не сомневался: солдаты скорее погибнут, чем пропустят бандитов. Чувство долга у них превыше всего. Незадолго до этого боя замполит послал от имени командования письма их родителям: благодарил за хорошее воспитание сыновей. В одном из недавних сочинений (и такую форму политико-воспитательной работы ввел Шорников) на тему «Достоинства, которые ты ценишь» все воины, не сговариваясь, первым номером называли честь...

Пристально следил Шорников, как солдаты ползли к мельнице по арыку — неглубокой, похожей на траншею, канаве. Вот один из них, кажется, Коменков или, может, Джураев, — издали трудно различить, кто конкретно, — чуть приподнялся над кромкой арыка, чтобы посмотреть, где душманы, и тут же его тело резко дернулось, осело на дно. От сознания того, что бандитская пуля сразила товарища, ярость закипела в сердце Николая с новой силой.

Шорников опять взялся за автомат. Бросив быстрый взгляд на арык, заметил: тот, в кого только что попал враг, скованными движениями, упираясь в дно, медленно толкал себя вперед, к мельнице, где залегли уже трое его товарищей. Будто наяву, представил Николай, как струится за солдатом кровь, и его охватило до слез жгучее чувство гордости за своих подчиненных. Долг, ответственность за выполнение боевой задачи на глазах политработника переплавлялись в конкретные героические поступки.

Справа, на другой стороне кишлака, глухо ухали гранаты, строчили автоматы, гремели одиночные выстрелы винтовок: бах-трах-та-та-та... Бой шел на большом пространстве. Похоже, размышлял Шорников, вся рота, рассредоточенная при спуске, ведет очаговую оборону. В таком случае надо драться, хотя положение складывалось неблагоприятное: слишком много душманов ползло на его группу, занимавшую очень не-

удобные позиции. Хотя на склоне хребта в разных позах замерло навсегда немало бандитов, их словно бы не убавлялось. Прячась за валуны, «защитники ислама» стремились до минимума сократить дистанцию до наших солдат, чтобы потом решительным броском смять их...

Еще позавчера Николай чувствовал себя счастливым: в кармане лежал отпускной билет и по расчету сегодня, 11 мая 1980 года, ему бы быть уже в Алма-Ате, где ждали жена Надя с восьмимесячной Татьянкой. Оттуда всем семейством намечал поехать в родную Сибирь, провести там отпуск.

Что влечет нас в места, где родились, выросли? Такая же речка, такие же лес и поле, как везде. Но почему всякий раз, как увидишь чету белеющих берегов, знакомых с той самой поры, когда научился ходить, реки серебряный изгиб, колодезный журавель у неказистого внешне домика, сожмется вдруг сердце, засосет радостно под ложечкой? Да, вот тут-то каждой клеточкой ощутишь, что без отчего края ты точно дерево без корней.

Здесь, в деревне Комиссарово, и жили потомственные сибиряки Шорниковы: мать Николая Матрена Герасимовна, отец Анатолий Петрович, сестры Зина и Люба, брат Валерий. Родители работали в совхозе.

В десятом классе отец спросил:

— Кем быть собираешься, сын? В деревне останешься или в город пойдешь?

— Хочу поступать в Новосибирское военно-политическое училище, — твердо заявил Николай.

Анатолий Петрович по-крестьянски медлительно почесал затылок, посидел в задумчивости. Наконец одобрительно произнес:

— Дело хорошее, сын. В Комиссарово должны рождаться комиссары.

Ближайший путь до деревни Комиссарово — через областной центр Кемерово. Но Николай неизменно выбирал другой маршрут: летел до Новосибирска, а оттуда поездом — домой, к родителям. И хотя дорога эта хлопотнее, иначе поступить не мог: встреча с курсантской юностью, дарившей столько радости, манила его. Академгородок, утопающий в зелени, за решеткой

невысокого забора — родное училище. Вон по тому плацу чеканил с однокурсниками строевым под любимую песню роты: «Замполиты, политруки, а по-прежнему — комиссары...»

Чем запомнились годы, проведенные в стенах высшего военно-политического? Там заложил будущий замполит фундамент своего офицерского «я», познал первую любовь, искренность дружеских чувств. И еще понял: жизнь требует усилий, усердия, в стойкости человек обретает достоинство. То достоинство, которое потом, в схватках с душманами, поможет Николаю действовать решительно, смело.

3

Стрельба не утихала. Лишь там, на вершинах высоких гор, царили безмолвие и прохлада, а внизу усиливалась удушливая жара — от пороховой гари, раскаленных автоматов, страшного нервного напряжения. Душманы напирали все яростнее, погоняемые главарями и муллами с их проповедями о том, что двери рая распахнутся для павших за веру. Отчаявшись сломить сопротивление группы советских смельчаков фронтальной атакой, они залегли. Под прикрытием ураганного огня главарь направил часть бандитов, как и предполагал Шорников, в обход кишлака с востока, со стороны мельницы. Первая попытка душманам не удалась — их встретили свинцом Комеров, Джураев, Баран, Юнисов. Бросив убитых и раненых на открытом пшеничном поле, бандиты откатились к валунам.

Шорников не сомневался: за первой попыткой последует вторая, за ней — третья. Сумеет ли горстка воинов дожидаться помощи? Далеко ли ушел Косинов с главными силами? А вдруг душманы предусмотрительно перерезали ущелье? В таком случае Косинову нужно время, чтобы уничтожить засаду. Вертолеты, скорее всего, не успеют к ним на выручку — еще перед полуднем поднялся ветер, нагнал плотные облака.

В те минуты замполит не знал, что непогода плотно закрыла перевал. Заняв боевое положение в машинах, вертолетчики с надеждой посматривали на небо: не появится ли хотя бы крошечное окошко на пути к месту боя.

Напрасно. Тяжелые тучи поплыли и над кишлаком, где гремели выстрелы. Значит, понял Николай, теперь

все зависит от его способности руководить людьми, от мужества, стойкости, мастерства воинов.

— Подпускать ближе, — распорядился он, устраиваясь рядом с молодым солдатом, чтобы подбодрить его, показать, как лучше действовать.

Когда душманы приблизились метров на пятьдесят, граната, метко брошенная Шорниковым, вынудила их отползти. По команде Николая воины беспрерывно меняли позиции, и бандитские пули не достигали цели.

Обстановка, однако, накалялась. Решив любой ценой расчистить себе дорогу, враги продолжали наступать. На этот раз им благоприятствовал и главный закон боя в горах: кто выше, тот сильнее. Не случайно на всех занятиях по горной подготовке противоборствующие стороны стремятся овладеть командными высотами. Вот и на последних учениях Шорникову, тоже командовавшему взводом, в довольно сложной ситуации удалось скрытным маневром ударить противнику во фланг.

Сейчас это исключено: слишком неравны силы, воины попали в невыгодные для себя условия. Наверное, рановато они покинули вершину хребта. Впрочем, группу прикрытия душманы, атаковавшие внезапно, все равно бы сбили. И их главарь конечно же знал законы боя в горах.

Теперь главное — сохранить жизнь воинов. Мысленно Николай моделировал разные варианты, в том числе и отход ради спасения людей. Только ведь отойти — значит оголить левый фланг роты. Это равносильно тому, что четверо его подчиненных у мельницы покинут позиции без приказа.

Из-за дувала, защищавшего Шорникова от фронтального огня, мельница хорошо просматривалась. Там вновь разгорелась стрельба: загораживаясь огнем, туда направлялось десятка два душманов. Почему же молчат наши? Невольно боль сжала сердце замполита: неужели все погибли?

Именно в тот момент из-за мельницы хлестнули четыре очереди. Бежавшие впереди бандиты споткнулись, задние попятились.

— Молодцы, ребята! — закричал от радости Николай.

Неподалеку зло бил автомат сержанта Шевлякова, расторопного, хладнокровного парня, которого полит-

работник уважал за умение найти общий язык с товарищами. К мнению заместителя командира взвода прислушивались и солдаты, и офицеры. А ведь ему только двадцатый.

Шорников подполз к сержанту — посоветоваться. — Отходить надо, товарищ старший лейтенант, — незамедлительно услышал ответ. — Только ротного бы предупредить.

К тому же решению склонялся сам замполит. А кого послать для связи с командиром роты? Взглянув на рядового Василия Герилишина, не колебался: «Этот сможет».

4

Николая отличала удивительная способность: читать в глазах людей их настроение, жить не только своими интересами, но, скорее, интересами тех, кто рядом, искренне делить с ними и радость, и несчастье, помогать делом, добрым советом. После окончания училища лейтенант Шорников получил назначение в Группу советских войск в Германии. О службе в ГСВГ сохранились самые теплые воспоминания: там прошел хорошую школу партийно-политической работы, научился многому в нелегкой солдатской науке побеждать.

Службу в Афганистане Шорников начал заместителем командира роты по политической части. Знакомясь с ним, командир старший лейтенант Владимир Косинов особого радушия не проявил, ограничился короткой официальной беседой. «Ничего, — успокоил себя Николай. — О человеке по делам судят».

А сдержанность Косинова объяснялась просто: он еще находился под впечатлением недавнего неприятного разговора с замполитом батальона, в своей обычной высокомерной манере отчитавшим его за устаревшую наглядную агитацию ленинской комнаты.

— Оформите по этим эскизам, — передавая листки с чертежами, потребовал замполит батальона.

— Но у меня нет материалов, — пожал плечами Косинов.

В ответ — холодное:

— Ищите!

В подразделении удивлялись, как такой человек оказался на политработе. С легкой руки местных ост-

ряков за ним сразу же закрепилось неблагозвучное прозвище — «щелкунчик»: уж очень лихо щелкал замполит батальона каблуками перед старшими по званию и должности.

На другой день службы Шорникова в роте командир вручил ему эскизы: к такому-то сроку, мол, ленинскую комнату нужно подготовить.

— Изучим, — кивнул Николай.

Шорников положил листки в полевую сумку. Знакомился с людьми, подолгу расспрашивал каждого воина. Интересовался не только общими данными — когда, где, в какой семье родился, — но и отношением к долгу, товарищам, увлечениями, мечтами, настроением. Завел специальные дневники, куда заносил эти сведения. «Бухгалтерия какая-то», — хмурился Косинов.

Однажды в роте произошло ЧП — самовольная отлучка рядового Валерия Каршалакова. Взводный, вчерашний выпускник училища, сбился с ног в его поисках. Вот тут-то и пригодились записи Шорникова. Внимательно прочитав строчки о Каршалакове, замполит пригласил командира отделения сержанта Шалиева, чей подчиненный провинился:

— Поедете со мной.

Вскоре солдат понуро сидел в канцелярии роты. Слушая его покаянный рассказ, старший лейтенант Косинов недоумевал: откуда же замполит узнал, где найти Каршалакова?

А тут еще одно открытие: совершенно преобразился рядовой Василий Герилишин — вечно всем недовольный, угрюмый, державшийся особняком.

— От него всего ожидать можно, — вздыхал командир взвода лейтенант Сальков.

И солдат нередко подтверждал такую репутацию своими поступками: то оскорбит товарища, то вроде присутствует на занятиях, но сам витает в облаках — сослуживцам приходилось непрерывно подтягивать его, разъяснять что-то дополнительно. В воскресенье все — в спортгородок, Василий — куда-нибудь в укромное местечко.

Беседовали с ним неоднократно, пытались повлиять — безрезультатно.

Едва в роте появился Шорников, повеселел вдруг Герилишин. Внимательно слушал офицера на занятиях, охотно отвечал. И в перерывах не уединялся, как

прежде: с азартом спорил, заразительно смеялся. Часто сам искал встреч со старшим лейтенантом Шорниковым, задавал разные вопросы, спешил поделиться той или иной новостью. Словом, совсем другой человек.

— Неплохо у вас получается, — сдержанно заметил своему заместителю командир роты. — Не раскроете секрет?

— Все очень просто, — улыбнулся Шорников. — Если вернуться к истории с Каршалаковым — тут помогли дневники. Я как-то завел с ним речь о любви, вызвал на откровенность. Василий признался, что есть у него девушка, студентка третьего курса института. Никак они не разберутся в своих чувствах. Когда солдат ушел в самоволку, я сразу подумал: к ней. Дальше, как говорится, дело техники: адрес дивчины выяснили через институт.

А у Василия Герилишина ни отца, ни матери нет. Сирота. Парень молодой, тоже, конечно, нуждается порой, чтобы кто-то подбодрил его, поддержал. К тому же легко ранимый — здесь особый такт требуется...

Лишь с замполитом батальона не налаживались у Шорникова нормальные отношения. Начались они буквально разносом, учиненным Николаю в первые же дни его пребывания в роте, все за ту же ленинскую комнату. Не желая выслушивать никаких объяснений, замполит батальона разгневанно заключил:

— Ну что ж, продолжайте бездельничать!

Незаслуженная обида не погасила энергии Шорникова, его стремления служить не за страх, а за совесть. По-прежнему много работал, покидал подразделение лишь поздно вечером, хотя дома ждала молодая жена: всего несколько месяцев назад поженились. Надя закончила педагогический институт, и Николай нередко пользовался этим аргументом для своего оправдания:

— Мы ведь с тобой воспитатели, а эта профессия времени требует.

Надежда понимала мужа, искренне беспокоилась, если что-то не ладилось, заинтересованно обсуждала с ним, как лучше организовать те или иные мероприятия. Именно вечером, считал Шорников, и начиналась главная его работа. Диспуты, художественная самодеятельность, спортивные соревнования. «Наш зампо-

лит», «Наш поможет», «Наш примет участие»,—говорили о нем в роте.

Однако в аттестации, написанной замполитом батальона, белое вдруг превратилось в черное. Оказывается, Николай слабо занимается воспитанием воинов, не всегда исполнительен... И кадровые органы до времени отложили продвижение Шорникова по службе.

Внешне Николай не подал и виду, насколько глубоко задела его несправедливость. Жаловаться не стал. По-прежнему много трудился. Ленинская комната подразделения, оформленная им со своими подчиненными по собственным эскизам, на конкурсе в части была признана лучшей. Горячий отклик у воинов подразделения нашло предложение замполита выступить инициаторами соревнования по горной подготовке в округе. И вновь по итогам учебного года — первое место...

5

Часть, где служил Шорников, получила почетное задание: в составе ограниченного контингента советских войск выполнять интернациональный долг на земле Афганистана. Дома Николай старался скрасить грустные часы перед разлукой:

— Ну, женщины, оставляю вас ненадолго...

Одной из женщин, маленькой Танюшке, едва минуло четыре месяца. Похожая в желтой распашонке на цыпленка, девчушка глядела из кровати на отца светлыми глазенками — словно два маленьких прозрачных озера. А Надя, смахивая рукой катившиеся по щекам слезы, успокаивала мужа:

— Это ничего, Коленька, это я так...

Расстались со светлой надеждой на скорую встречу.

И вот он, древний седой Афганистан. В необъявленной войне империалисты пытаются сломать ростки новой жизни, зародившиеся здесь после апрельской революции 1978 года. История повторяется. Разве не стремились ведущие капиталистические державы задуть молодую Советскую Республику, организуя походы белогвардейцев против рабочих и крестьян, взявших власть в свои руки?

Этому и посвятил свой первый политчас в роте старший лейтенант Шорников.

— Мы пришли сюда по просьбе революционного

правительства и народа, как когда-то трудящиеся всего мира помогали нашей революции, — взволнованно говорил Николай, собрав воинов в только что поставленной палатке. — Враги афганского народа — наши враги. Они мечтают расчленить Демократическую Республику Афганистан, обеспечить себе тем самым подход к южной границе нашей Родины. Вот и получается, что, выполняя интернациональный долг, мы и Отчизну свою защищаем.

Днем Шорников участвовал в строительстве жилья на пустыре близ афганского населенного пункта. Палаточный городок вырос быстро. Его первые гости — вездесущие местные ребятишки — сразу же нашли общий язык с нашими солдатами. Один парнишка показал листовку, подброшенную душманами. Воины, призванные из среднеазиатских республик, смогли перевести ее: сообщалось о том, что советские войска, дескать, заняли все дома, выгнали детей, стариков, женщин на улицу.

Мальчишки наперебой объясняли, что в кишлаке никто не поверил такому вранью.

Необъявленная война в Афганистане весной 1980 года разгоралась все сильнее. Душманы уничтожали посевы, жгли жилища, убивали людей. Нередко попадали под вражеские пули и советские солдаты, очищая мирные кишлаки от бандитов или сопровождая колонны грузовиков с хлебом. В любом месте серпантинных дорог горы грозили засадой, нередко изрыгали огонь. Во всех схватках Шорникова видели только впереди: замполит одинаково хорошо владел и оружием, и словом.

6

Майские дни 1980 года обещали Николаю немало радости. Праздник Победы, близкая встреча с семьей. Но вечером накануне отъезда пришел приказ: помочь афганскому полку перерезать путь банде в глубь страны. Батальону, в котором служил Шорников, предстояло действовать на острие атаки. Его задача: высадиться в провинции Кунар с тактическим воздушным десантом, захватить мост через реку, оседлать господствующие высоты.

Возглавить батальон поручили старшему лейте-

нанту Владимиру Косинову, поскольку командир капитан Александр Перевалов уехал поступать в академию, а исполняющий его обязанности начальник штаба капитан Николай Олейнич попал в госпиталь после автомобильной катастрофы. Роту принял старший лейтенант Сергей Заколюдажный, передав взвод сержанту Вячеславу Шевлякову. Замполитом батальона на это время было решено назначить старшего лейтенанта Вячеслава Ромайкина, давнего друга и Косинова, и Шорникова: их квартиры в гарнизоне находились на одном этаже.

Без колебаний, спрятав подальше отпускной билет, Николай заявил своему ротному, а теперь комбату, что остается в подразделении. Косинов молча обнял его по-братски...

Сразу же начались напряженные тренировки. Учились быстро покидать вертолет, по вводным отражать атаки «противника». Десятки раз прыгал Шорников с вертолета на горную площадку. С полной выкладкой бежал по узкой тропе с крутыми спусками, с ходу бросался на землю, всякий раз безошибочно выбирая надежное укрытие. Заметив как-то утомленное лицо рядового Баран, участливо спросил:

— Что, Саша, тяжело?

— Трудновато. — Вытирая пот со лба, Баран будто невзначай заинтересовался: — А вы, товарищ старший лейтенант, домой не поедете? Отпуск ведь...

— Отпуск от меня, Саша, никуда не уйдет, — серьезно ответил Шорников. — Дело ждет нас трудное, тут всем надо собраться в единый кулак.

Вечером в роте провели комсомольское собрание. Взял слово и Шорников.

— Я вам расскажу... — Николай окинул воинов взглядом. — Я вам расскажу о своем товарище по училищу — старшем лейтенанте Александре Киселеве, теперь уже, наверное, капитане. И расскажу не потому, что Александр особенно выделялся среди курсантов. Нет, я его помню таким, как большинство наших ребят. Но недавно Киселев совершил поступок, который мы считаем подвигом.

Случилось это на стрельбище. Во время боевого гранатометания один из солдат, находившийся неподалеку от замполита роты, выдернул предохранительную чеку, отпустил рычаг гранаты и... обернулся.

Обернулся к Киселеву, хотя до взрыва — три-четыре секунды.

— Бросай! — повелительно крикнул Александр.

Но солдат словно оцепенел. Растерянно смотрит на офицера. Между ними — шесть шагов. Теперь у Киселева лишь одна мысль: успеть выбить у солдата гранату. Рванулся к нему. В тот момент когда Александр схватил его за руку, прозвучал взрыв...

Истекающего кровью Киселева на плащ-накидку перенесли в бронетранспортер, — продолжал Шорников. — Машина помчалась в медсанбат. Один хирург извлекал осколки из ног, другой старался спасти руки, третий зашивал раны на голове и лице. Они оперировали одновременно несколько часов подряд. Уже в окружном военном госпитале измученный, обескровленный организм сдал: остановилось сердце. Прямым уколом в сердце ввели адрепалин. Когда к Киселеву вернулось сознание, его ожидало новое потрясение: ампутированы кисти рук. Но офицер сумел одолеть удары судьбы. Остался в кадрах.

В наступившей тишине никто не проронил ни звука. Чуть помедлив, Николай закончил свое выступление:

— В свой звездный час Александр Киселев сумел подняться на вершину мужества, на вершину жизни...

7

До рассвета вертолеты взяли курс на восток, где тянутся к небу островерхие горы провинции Кунар. По преданию, здесь оставили свое потомство воины Александра Македонского на пути в Индию. Поэтому нуристанцы, голубоглазые, рыжеволосые, отличаются от других племен. Кишлаки их заперты отвесными скалами крутых отрогов Гиндукуша.

Живут нуристанцы не в глиняных хижинах, как почти во всех районах страны, а в бревенчатых домах. Занимаются земледелием, скотоводством. По праздникам юноши состязаются в борьбе, беге. Девушки водят хороводы, играют на арфах. На языке дари Нуристан звучит гордо: Страна Света.

Мусульманское население Афганистана именovalo эту народность презрительным словом «кафир» — неверные — за упорную приверженность древней религии

и обычаям. Даже район окрестили Кафиристаном — страной неверных. Новое название он получил после того, как эмир Абдурахман в 1895 году покорил здешних горцев и принялся мечом насаждать ислам. Всего лишь десятилетия назад в нуристанских селениях окончательно обосновались муллы.

Историю афганских народностей и племен Шорников изучал не только по книгам. Прибыв в дружественную страну, политработник сразу наладил добрые отношения с афганскими офицерами из части, расположенной неподалеку. Подружился со старшим капитаном Сарфазом, человеком эрудированным, образованным, хорошо усвоившим обычаи своей страны. Не раз гостили они друг у друга, задушевно беседовали — Сарфаз учился в Советском Союзе.

Всем, о чем слышал, что почерпнул из литературы, прессы, Николай делился с воинами. Не сомневался: для того чтобы понимать народ, надо знать его историю, обычаи. Организовал обсуждение кинофильма «Миссия в Кабуле», не однажды прокрученном в наскоро оборудованном клубе. Рассказал о том, как в феврале 1921 года был подписан советско-афганский договор, дополненный в 1926 году новым дружественным соглашением, — тридцать советских пилотов обучали тогда афганских летчиков. И о том, как, придя к власти, последний эмир и первый король Афганистана Аманулла-хан направил В. И. Ленину и М. И. Калинин у письмо, в котором выразил желание афганского народа жить с северным соседом в мире и согласии.

Однако этой дружбе воспротивилась Англия. Благодаря стараниям британской разведки совет мулл северных провинций Афганистана 23 декабря 1928 года решил объявить «джихад» — священную войну против Амануллы-хана. Разгорелась гражданская война, повлекшая за собой отречение Амануллы-хана от престола.

После обсуждения фильма Шорникова долго не отпускали солдаты. Их интересовала история народа, история революции, ради защиты которой они приехали в Афганистан.

Со старшим капитаном Сарфазом Николай виделся последний раз накануне майских праздников. Тот выглядел непривычно тихим, посеребренные виски его еще больше побелели. Огромное горе обрушилось на

офицера: жена, красавица Джамиля, погибла от взрыва бомбы, брошенной в торговом центре. Под ее сердцем угасла еще одна жизнь.

В тот день прибавилось много могильных холмов на городском кладбище. За каждым — своя трагедия, свое горе. Третью могил — детские.

— Отчаявшись побороть наши вооруженные силы в открытом бою, — тихо, но с ясно ощутимой сталью в голосе произнес Сарфаз, — контрреволюция прибегла к террору. Надеется с его помощью парализовать волю народа, стремление афганцев к новой жизни.

Афганский друг перевел Шорникову захваченные у душманов пособия по терроризму. Подготовленные при участии ЦРУ США, они подразделяли террор на «выборочный» и «слепой». Под «выборочным» подразумевался точный адрес, то есть убийства конкретных партийных и государственных деятелей, сотрудников учреждений, всех, кто активно сопротивляется контрреволюции. «Слепой» террор — это уничтожение всех подряд, без разбора: ночные обстрелы жилых кварталов, установка взрывных устройств в кинотеатрах, автобусах, мечетях, других общественных местах. Цель «слепого» террора — запугать людей, посеять среди них панику.

— Но пассаран, Николай! — поднял на прощание руку Сарфаз. — Но пассаран! Они не пройдут!

Такой запомнилась Шорникову их последняя встреча.

8

...В горах светает долго. Медленно выкатывается из-за хребта всепобеждающий апельсиновый шар солнца, разливая по отрогам бледное, еще не набравшее силу свечение. Николай всматривается в сосредоточенные лица воинов, словно отец в своих сыновей. В каждом он уверен: не подведет. Но что там, в Н-ском квадрате, поджидает их? Не ударят ли душманы? Следы зверств бандитов — изувеченные трупы, разрушенные кишлаки, остовы сожженных машин вдоль дорог — Шорников видел в разных местах многострадального Афганистана.

Долина реки с высоты птичьего полета походила на огромную змею. Ее извилистое тело вытянулось меж горных хребтов, отблескивая на речных перекатах радужными водяными всплесками, словно чешуей.

Когда вертолет завис над самой землей, Шорников первым выпрыгнул из него и мгновенно занял боевое положение. Высадка всегда требует предельной осторожности: неподвижные вертолеты с людьми — прекрасная мишень для врага. Окажись здесь душманы, вряд ли они упустят возможность расправиться с войнами.

В считанные минуты винтокрылые машины опустились. Тут же одна за другой взмыли вверх.

Тактическому воздушному десанту, который возглавил старший лейтенант Косинов, поручалось захватить за кишлаком мост через реку, перекрыть выход из узкого ущелья, пересекавшего плоскогорье до самой границы с Пакистаном. Идти предстояло по зеленой зоне долины. Наиболее сложную часть задания — прикрывать батальон сверху, следуя по вершине хребта в том же темпе, что и другие подразделения, — Косинов доверил своей родной роте, теперь уже под командованием старшего лейтенанта Заколюдяжного. Заполит Шорников, шедший в ней замыкающим, то и дело оглядывался, опасаясь удара бандитов в спину.

В двух-трех шагах перед собой Николай хорошо различал влажное пятно на спине рядового Коменкова. С каждым километром пути оно все росло, расширялось, перекрасив в конце концов всю куртку в темный цвет. Но солдат без усталости двигался по хребту. Это ему, с трудом преодолевавшему в свое время километровку, внушал Шорников мысли о силе человеческой воли, о том, что вся наша жизнь — бесконечная борьба с собой и насколько важно преодолеть себя, воспитать себя, победить себя. Их совместный нелегкий труд не пропал даром. Теперь Коменкова не узнать — возмужал, окреп. Незадолго до майских праздников солдат обратился к политработнику за рекомендацией для вступления в ряды партии.

— Что же, — без колебаний согласился Шорников, — думаю, вы будете настоящим коммунистом.

В рекомендации Николай написал: при выполнении интернационального долга по оказанию помощи афганскому народу Коменков проявляет мужество, героизм. Имеет ряд благодарностей от командования. Представлен к награждению медалью «За отвагу». Обладает сильной волей...

Внизу повзводно вытянулся десант. Колонны выдерживали дистанцию. Кругом, насколько хватало

взгляда, — островерхие горы, сплошь прорезанные расщелинами, усеянные камнями, из-за которых в любую минуту мог выплеснуться смертоносный огонь. Лишь в долине зеленела растительность.

К полудню поднялся ветер, небо заволокло облаками. «Как некстати... Как некстати...» — повторял про себя Шорников. Ведь если понадобится вызвать вертолеты, они из-за непогоды не сумеют преодолеть горный перевал.

За долиной у подножия почти недоступного склона, заваленного громадными валунами, раскинулось плато. Мрачность пейзажа усугубляли глубокие расщелины, что пролегли во всех направлениях слева от плато.

Отсюда наблюдал Шорников, как передовые взводы десанта уже огибали игрушечные домики кишлака. Долина в том месте круто изгибалась вправо, так что батальон лишь зацепил окраину кишлака и, удаляясь от домов, исчез за поворотом.

Вскоре старший лейтенант Заколодяжный, связавшись по радию с комбатом, доложил, что дальше идти по вершине хребта нельзя. К тому же это почти наверняка не имело смысла — вряд ли душманы попытаются напасть с отвесных скал. В ответ последовал приказ спускаться и догонять главные силы.

Спуск начали у кишлака, по более пологому склону. Первый взвод почти достиг подножия, а Шорников, встревоженный неясным предчувствием опасности, все еще медлил, зорко вглядываясь в близлежащую горную грядку. Она возвышалась второй линией хребта за небольшим распадком. Те зияющие пустоты — не пещеры ли? Может, там прячутся бандиты? Нет, вроде ничего подозрительного. Лишь пара голошей грифов неспешно кружила над распадком в поисках добычи.

И все-таки смутное беспокойство не покидало. Если в той гряде душманы устроили засаду, наши воины практически подставляли им сейчас спины. Правда, основные силы роты уже завершают спуск, соблюдаются меры предосторожности. Однако вражеская атака с вершины таит в себе серьезную угрозу для советского подразделения.

Интуиция не обманывала Шорникова. За распадком действительно укрылось крупное формирование

душманов. Днем бандиты предпочитают отсиживаться в пещерах, особенно многочисленных в здешних местах. Пещеры служат складами и перевалочными базами для транспортировки боеприпасов, оружия, медикаментов из Пакистана. Маскируют их тщательно, так, что не обнаружишь и в десяти шагах. Обычно подобные убежища имеют два-три выхода, защищенных пулеметами.

Возглавлял банду хитрый, жестокий Вахед, бывший владелец кишлака в провинции Кунар. Этот «рыцарь ночи и кинжала» спешил отомстить «неверным» землякам, сровнять с землей то, что некогда принадлежало ему. Свыше тысячи его головорезов, уголовники со стажем, обученные опытными инструкторами пакистанской армии, надеялись поживиться за счет дехкан.

И вот теперь перед Вахедом горстка, по сравнению с его бандой, советских солдат. Разве он упустит такой благоприятный шанс расправиться с ними? На стороне душманов помимо многократного численного перевеса — внезапность нападения из явно выгодного положения, нелетная погода, которая помешает советским воинам вызвать на помощь авиацию.

Лазутчики донесли главарю, что основные силы десанта ушли по долине за кишлак. По хребту передвигается небольшое подразделение охранения. В этом месте, как раз напротив пещер, где размещались бандиты, путь ему преградили отвесные скалы, которые по плечу лишь альпинистам. Значит, здесь советские воины пойдут вниз. Смять их неожиданным ударом в спину — такова задумка.

Когда спустился последний наш солдат, бандиты покинули укрытия. Рысью преодолели распадок, торопясь скорее подняться на хребет и оттуда послать вдогонку советской роте смертоносный свинец.

10

Шорников, наверное, прежде увидел на вершине одного из бандитов, чем услышал выстрел.

— Ложись! — крикнул он.

Так начался тот неравный бой.

...Едва Шорников отправил Герилишина к командиру роты — сообщить о завязавшейся схватке, как под плотным огнем душманов обрушились глиняные

стены дувала. Замполит с группой перебрался в дом. Конечно, Николай понимал, что позиция для обороны легко уязвимая, служит прекрасным ориентиром для противника, но ничего более надежного поблизости не было. Пробриться к основным силам тоже невозможно — разделявший их выгон бандиты держали под прицелом.

Очередью из крупнокалиберного пулемета враги подожгли крышу. Дым ел глаза, языки пламени вытесняли воинов на улицу. Шорников приказал отступать по арыку к реке, а сам решил прикрывать отход.

— Я с вами, — подполз к офицеру сержант Шевляков.

— Командуйте подчиненными. По арыку — и к реке, по ней спуститесь до основных сил.

Такое же распоряжение Николай отдал тем, кто оборонял мельницу.

Глубина арыка позволяла только ползти. А душманы между тем, догадавшись, что добыча ускользает, яростно пасадали. Вынужденный экономить патроны, Николай медленно продвигался за группой. Вот уже берег. И тут Шорников заметил, что на речном перекате воины, обессиленные, некоторые раненные — как на ладони. Резко повернулся к преследователям, нажал на спусковой крючок. Но... кончились патроны.

Николай не колебался. Отбросил ставший ненужным автомат, выпрямился во весь рост, шагнул навстречу душманам. Стрельба разом прекратилась. Враги, скорее всего, хотели взять советского офицера в плен. Ближе и ближе озверелые, заросшие до самых глаз лица. Шорников прижал спусковой рычаг гранаты, выдернул кольцо. Теперь, если отпустить рычаг, через четыре секунды раздастся взрыв. Это ему известно еще с первых уроков начальной военной подготовки. Но тогда его учили сразу же бросать гранату. Сейчас, отпустив рычаг, Николай крепко, намертво, прижал ее к себе...

Жить оставалось четыре секунды, которые он отмерил себе сам, спасая товарищей. Перед глазами — снежные вершины Гиндукуша, над ними — огромное, до самой Родины, до родных сибирских просторов, чистое синее небо...

Шевляков уходил с переката последним. Сержант видел, как поднялся замполит. И сразу же понял замысел его, командира, пожертвовать собой ради них,

подчиненных. Глаза невольно заволокло слезами, в горле застрял ком. Всегда сдержанный, даже чуть суховатый, Шевляков вытирал пахнувшей пороховой рукой мокрые щеки. Когда прогрехотал взрыв, воины, подхваченные быстрым течением, оказались уже недосыгаемыми для противника...

Подоспевшие вскоре подразделения разгромили банду. Шорникова нашли у берега реки, куда его отбросило взрывом. Перед ним, навалиясь друг на друга, с искаженными лицами лежали душманы, так и не прошедшие последних несколько метров, отделявших их от советского офицера.

Высоким званием Героя Советского Союза отметила Родина подвиг коммуниста, политработника, ценою собственной жизни сохранившего многим матерям их сыновей. Имя Николая Шорникова навечно зачислено в списки роты Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища имени 60-летия Великого Октября. Ему посвящена песня, которую поют сегодня курсанты:

Он долгу воинскому свято
Остался верен до конца.
И сердцем собственным гранату,
И сердцем собственным гранату,
И сердцем собственным гранату
Взорвал у вражьего кольца.

ГОРЯЧЕЕ НЕБО

Генерал-майор авиации Виталий Егорович Павлов родился в 1944 году в д. Белоголовичи Брянской области. После семилетки работал в г. Чапаевск на заводе железобетонных изделий и одновременно окончил десять классов в школе рабочей молодежи. С 1962 по 1965 год — курсант Сызранского военного авиационного училища летчиков, а затем, в течение ряда лет, — летчик-инструктор, командир звена в том же училище. В 1976 году с дипломом Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина возвратился в родное училище, где несколько лет возглавлял авиационную эскадрилью в учебном полку. С июля 1981 года по ноябрь 1982 года служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане на командирской должности.

В. Е. Павлову присвоено звание Героя Советского Союза.

После возвращения из ДРА — служба в Группе советских войск в Германии, учеба в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова. В настоящее время В. Е. Павлов — командующий ВВС Краснознаменного Приволжского военного округа.

Экипаж вертолета, возглавляемый военным летчиком-снайпером Павловым, обеспечив огневую поддержку наступавшего афганского подразделения, возвращался на аэродром. Над полем боя авиаторы работали, как говорится, до последней возможности. И когда легли на обратный курс, топлива в баках осталось на пределе.

Внизу хаотически громоздились горы, залитые жарким южным солнцем. Наблюдая через остекление

кабины за местностью, Виталий Егорович с беспокойством прикидывал, сколько еще минут до равнины. И тут, перекрывая шорохи в эфире, в наушниках прозвучал голос старшего начальника: понадобилось забрать в стороне от маршрута людей, попавших в крайне трудное положение.

— У меня топлива в обрез. Только дотянуть до аэродрома, — сообщил Павлов и сразу спохватился: вправе ли он ссылаться на какие-то причины? Если тот, кто мог бы приказать, просит его, значит, дело не терпит отлагательства. — Впрочем, попробуем, — твердо добавил офицер.

Что это — безоглядный риск? Нет, у экипажа имелся шанс, правда, единственный. Как он будет использован, во многом зависело от него, командира вертолета, от его летного мастерства, от умения в решающий момент максимально сосредоточить усилия не только свои, но и подчиненных.

Заложив крен, Павлов развернул машину, повел в названный ему район. Приземлились на высокогорной площадке, взяли на борт несколько человек. Когда Виталий Егорович вновь посмотрел на топливомер, понял: до аэродрома в прежнем режиме работы силовой установки не дойти. Теперь надежда лишь на тот, единственный, шанс.

Павлов набрал высоту, выключил один двигатель, чтобы сэкономить топливо для другого. Ему доводилось выполнять упражнение, включающее посадку с одним двигателем. Только посадку, а не полет.

Горизонтальный полет на одном, даже весьма мощном, двигателе в горах, где воздух разрежен, довольно сложен. Судя по расчетной траектории вынужденного снижения, запас высоты позволит дотянуть до места. Если не случится неожиданностей...

Полет, к счастью, завершился благополучно. Топливо кончилось, когда вертолет уже зарулил на стоянку.

— Четыре минуты снижения над горами, когда вот-вот опустеет бак, казались вечностью, — откровенно признавался позже Виталий Егорович. — А стрелка топливомера отклонялась к нулю будто быстрее обычного. И все-таки мы убедились: полет на Ми-8 с одним работающим двигателем без нагрузки возможен даже без включения режима «Форсаж». Причем осо-

бых трудностей в пилотировании и посадке не вызывает.

...С полковником Павловым мы встретились в Военной академии Генерального штаба, куда он приехал на учебу после службы в Афганистане и Группе советских войск в Германии. Во всем облике Виталия Егоровича чувствовалась щедрость его души. Рослый, широкоплечий, мягкая добрая улыбка, чуть прищуренные темно-серые глаза. На тужурке — Золотая Звезда Героя Советского Союза, несколько орденских планок, ромбик о высшем военном образовании, знак военного летчика-снайпера. Мы прошли в светлую просторную комнату, присели к столу, разговорились.

Я знал, что за плечами этого офицера двадцать с лишним лет военной службы. Последнее время, до поступления в академию, Павлов занимал высокую командную должность в общевойсковом штабе ГСВГ. Хотелось расспросить как можно подробнее самого Виталия Егоровича о его жизни, работе. Скромный, не привыкший выделять своих заслуг, он отвечал на мои расспросы неторопливо, предельно кратко, но факты оказывались красноречивее слов. В делах, поступках Павлова явственно ощущалось стремление жить полнокровно, широко, на пределе щедро отпущенных ему природой возможностей.

— Всем, чего мне удалось достичь, — твердо произнес Виталий Егорович, — я обязан прежде всего Родине, тем, кто был рядом, — школьным учителям, командирам, старшим товарищам, сослуживцам. И конечно, сам не жалел труда, не рассчитывал на чью-либо протекцию.

Это признание осветило многое в биографии Павлова, свидетельствуя о его неукротимой энергии, стремлении самому, не жалея сил, добиваться успеха.

Родился Виталий Егорович в деревне Белоголови-чи на Брянщине за полгода до окончания Великой Отечественной войны. Родился на земле, овеянной легендами. Вместе со словом «мать» слышал другое — «подвиг». Подвиг воинов и партизан, народных мстителей в суровых брянских лесах. А в седой древности отсюда женщины провожали сыновей и мужей на битву с захватчиками-половцами. Любовь к Отчизне, ощущение себя ее защитником будущий летчик впитывал вместе с молоком матери.

В семье Павловых росло восемь ребят. Виталий — шестой.

Детство выпало ему нелегкое, обремененное заботами. Едва исполнилось семь лет, как совсем слегла часто прибабливавшая мать Анисия Ивановна, добрая, ласковая хлопотунья. Да и отца все чаще тревожили раны, полученные на фронте.

Сын крестьян-бедняков, Егор Захарович одним из первых вступил в комсомол, в двадцать шестом — в партию. В годы коллективизации сельского хозяйства став первым председателем колхоза в Белоголовичах, бессменно почти десять лет возглавлял артель, затем работал секретарем райкома партии в городе Трубчевск. Когда фашисты вероломно напали на нашу страну, добровольцем ушел на фронт. Командовал пулеметным взводом. Свой последний бой принял в сорок втором под Ельней. Домой возвратился весь израненный, без левой руки. А в родных Белоголовичах на месте дома лежало пепелище. Кое-как отстроился, опять руководил колхозом...

Когда умерла Анисия Ивановна, собрал отец детей:

— Ничего, ребятишки, будем держаться. Не пропадем.

Виталий рано приучился полагаться больше на себя, на собственные силы, проявлять самостоятельность, инициативу, уметь отвечать за свои поступки. Не закончив школы, шестнадцатилетний юноша переехал к родственникам в город Чапаевск Куйбышевской области, поступил столяром на завод железобетонных изделий.

Было трудно, очень трудно. Днем — на заводе, вечером — в школе рабочей молодежи. Через год в коллективе тепло поздравили Виталия с получением аттестата о среднем образовании.

— А теперь куда? — поинтересовался бригадир.

— Пока не знаю...

Действительно, к той поре Виталий еще не определил, чему посвятить себя. В жизни ему встретилось много хороших людей, на которых хотелось бы равняться. Например, преподаватель истории Виталий Семенович, фронтовик, кавалер многих боевых наград. Возникла мысль о педагогическом поприще, чтобы рассказывать ребятам о Киевской Руси, декабристах, большевиках, водить школьников по местам боевой и

трудовой славы Брянщины — своей малой родины. Заманчивой выглядела и не раз обсуждавшаяся в бригаде перспектива стать инженером-химиком. Судьба, однако, распорядилась иначе.

Однажды на занятия с призывниками военком пригласил курсантов Сызранского авиационного училища — будущих военных летчиков. Затаив дыхание слушал Виталий (ему всегда нравилась авиация) их восторженные описания вертолета — замечательно умной машины, управлять которой — одно удовольствие. И выбрал для себя небо на всю жизнь: подал документы в Сызранское военное авиационное училище летчиков, тогда еще среднее.

Не по годам рослый, Павлов стоял всегда на правом фланге 1-го учебного звена. Положение правого флангового оправдывал в прямом и переносном смысле: отлично осваивал теоретические дисциплины, уверенно летал, был способным спортсменом, призером многих соревнований.

По сей день Виталий Егорович благодарен своим первым инструкторам и учителям — участникам минувшей войны офицерам Переверзеву, Чистякову, Горчинскому. Позднее особую роль в судьбе Павлова сыграл летчик-инструктор командир звена майор А. Скок. Одним из первых он дал рекомендацию Виталию, изъявившему на третьем курсе желание связать свою жизнь с партией. Две другие написали ветеран Вооруженных Сил старшина эскадрильи П. Слепцов и преподаватель истории военного искусства полковник В. Цветков, тоже фронтовик.

Лейтенанту Павлову, получившему диплом, предложили инструкторскую работу в родном училище. Виталий даже растерялся: разом круто менять планы? Ведь мечталось о службе в строевой части, о совершенствовании боевого мастерства. Вместе с тем, если его оставляют, значит, в него верят. Сумеет ли он, вчерашний курсант, оправдать надежды, завоевать авторитет среди командиров, уважение тех, кому придется с его помощью овладевать нелегкой профессией летчика?

После долгих размышлений Павлов согласился. И прослужил в училище без малого полтора десятка лет...

Терпеливо, увлеченно прививал Виталий Егорович своим питомцам качества воздушных бойцов. Стремил-

ся вложить в каждого частицу самого себя, все то, что перенял сам за годы учебы. День ото дня возрастало влияние на них молодого инструктора — курсанты на практике убеждались в его безупречном мастерстве.

Однажды случилось непредвиденное. Вывозной полет. Павлов поднялся в небо вместе с курсантом. Метрах в восьмидесяти от земли внезапно заглох двигатель. Лишенный подъемной силы, вертолет стремительно терял высоту. Если промедлить какую-то секунду — не миновать беды. Мгновенно сориентировавшись, четко работая шаг-газом и педалями, Виталий Егорович благополучно, без поломок, посадил винтокрылую машину.

Эпизод этот подвергся детальному разбору в учебном полку. Командиры и старшие начальники отметили хладнокровие, рассудительность летчика-инструктора, его способность быстро, правильно оценить обстановку, принять единственно верное решение.

Павлов считал крайне нежелательной излишнюю опеку курсантов. Чем раньше привыкнут они действовать инициативно, не дожидаясь подсказки, тем полезнее для них же самих. Такое мнение неоднократно подтверждалось конкретными фактами.

Как-то к Павлову, уже командиру учебной эскадрильи, обратился молодой инструктор лейтенант В. Будников, обеспокоенный тем, что курсант Мосолов с большим трудом усваивает приемы пилотажа.

— Боюсь, не придется ли отчислить его по летной неуспеваемости.

— Отчислить — дело нехитрое, Виктор Васильевич. Наша задача иная: помочь курсанту раскрыть свои потенциальные возможности, обрести крылья, — сдержанно отозвался комэск.

Павлов решил заняться Мосоловым лично. Слетал с ним раз-другой, стараясь прояснить, в чем причина его неудач, нерешительности при выполнении упражнений в воздухе. И понял, что виноват тут не столько Мосолов, сколько инструктор. Опасаясь, как бы чего не вышло, тот без особой нужды вмешивался в действия курсанта в полете, нервозно реагировал на малейшую неточность, порой в резкой форме обрывал его робкие возражения. Мосолов терялся, не мог сосредоточиться.

Наглядные уроки комэска, послеполетные разборы, когда подробно анализировались допущенные курсан-

том ошибки, постепенно возвращали Мосолову веру в собственные силы. Поговорил Павлов и с инструктором по поводу его методики обучения.

— Значит, мне нужно спокойно наблюдать, как курсант блуждает по курсу и высоте? — обиделся лейтенант.

— Почему же спокойно? Однако вовсе необязательна столь плотная опека. Взаимное доверие — первейшее условие плодотворной работы. Совершил курсант по неопытности какой-то промах, попал в трудное положение — не спешите выдать ему готовые рецепты. Пусть помучается, сам смекнет, что к чему. Раз-другой выйдет победителем из сложной ситуации — тогда и обретет силу, уверенность в себе. Иначе ему не стать настоящим летчиком...

— А как же с обеспечением безопасности?

— Вот тут-то, Виктор Васильевич, и должно срабатывать ваше беспокойство, — ответил Павлов, вспомнив то давнее происшествие с отказом двигателя. — Вмешиваться надо лишь в критическом случае. Если же курсант почувствует, что вы по малейшему поводу занимаетесь перестраховкой, он может невольно заразиться необоснованными опасениями, поддаться страху. Воспитать из него смелого, бесстрашного, инициативного летчика тогда крайне тяжело...

Молодой инструктор прислушался к советам старшего товарища, пересмотрел свою методику. Позднее, когда их пути разошлись, Виталий Егорович встретил Будникова уже комэском в звании майора. О нем отзывались как о толковом, перспективном командире, всесторонне, тщательно продумывающем учебный процесс. Что касается бывшего курсанта Мосолова, то и его летная судьба сложилась вполне благополучно: после выпуска из училища получил назначение в боевой полк, довольно быстро выдвинулся по службе. Теперь уже майор, сам прививает подчиненным прочные профессиональные навыки.

Заботился Павлов и о повышении собственного военно-теоретического уровня. Когда Сызранское училище сделали высшим, заочно окончил его по новой программе, а несколько лет спустя поступил в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. С ее дипломом вновь вернулся в родной коллектив.

Всякий раз, провожая в войска новый отряд своих питомцев, Виталий Егорович испытывал глубокое мо-

ральное удовлетворение от того, что непосредственно участвовал в их приобщении к небу. И все же искренне обрадовался, когда сам попал-таки в боевой полк. Несколько позже посчитал большой честью для себя направление в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

За плечами — более полутора десятка лет ратного труда, свыше трех тысяч часов полета, на тужурке — знак военного летчика 1-го класса. Однако Павлов, не тревожась за свой командирский авторитет, поначалу летал ведомым у подчиненных, хорошо знакомых с климатическими условиями страны, со своеобразным рельефом местности.

Немало полезного Виталий Егорович почерпнул, в частности, у первоклассного летчика коммуниста Олега Кучеренко, впоследствии награжденного орденом Ленина. В паре с ним ходил по сложным маршрутам над горами, в пилотажные зоны, у него перенимал приемы посадок на высокогорные площадки ограниченных размеров.

В Афганистане вертолет зачастую использовался на пределе боевых и эксплуатационных возможностей. Виталий Егорович впервые столкнулся здесь с крайне опасным явлением, о котором слышал от других летчиков, — «подхватом» на заключительном этапе маневра, именуемого в авиации горкой. В тот раз он отрабатывал в воздухе элементы сложного пилотажа. Помнит, что угол кабрирования держал 25—30 градусов. Когда вышел на высший пик горки, ручку управления будто заклинило при переводе машины в последующую фигуру. Вертолет между тем продолжал увеличивать угол тангажа — набора высоты. Быстро уменьшалась скорость, обороты падали. Вот-вот рухнет на землю...

Конечно, за многолетнюю инструкторскую практику в училище Павлов привык ко всякого рода неожиданностям. Главное, твердо уяснил он, не растеряться, не утратить самообладания. За несколько секунд успел испробовать ряд способов подчинить неуправляемый вертолет своей воле. Дал левую педаль вперед — машина начала заваливаться влево. Это, конечно, опасно, крайне неприятно, зато ручка управления как бы освободилась. Теперь Виталий Егорович без особого труда вынудил вертолет повиноваться.

Возвратился на аэродром, сел. С тревогой задумался о том, что, оказавшись на его месте менее опытный летчик, мог бы не справиться с управлением. Каждому воздушному бойцу просто необходимо теоретически и практически усвоить, что такое «подхват», как преодолевать его. Правда, есть вопросы, с которыми он сам до конца не разобрался. Придется обратиться за помощью к ученым, конструкторам, знатокам вертолетной техники.

Этой проблемой занялись квалифицированные специалисты, летчик-испытатель. Проверили в воздухе большое число вертолетов — на отдельных машинах «подхват» повторился. В результате экспериментов родились практические рекомендации, как действовать летчикам в подобных случаях.

В Афганистане Виталий Егорович достиг высшего уровня профессионального мастерства — стал военным летчиком-снайпером. Зачет у него принимали строгие экзаменаторы — приехавшие в командировку заслуженный военный летчик СССР генерал-майор авиации Павел Данилович Новицкий и его коллега полковник Александр Алексеевич Кошелев. Павлов блестяще справился со всеми заданиями.

С честью выдержали испытания и другие летчики — подчиненные Павлова, поднявшиеся еще на одну ступень классной квалификации. Кстати, П. Новицкий и А. Кошелев активно включились тогда в выявление физической сущности «подхвата», наиболее оптимальных способов вывода вертолета из него на больших высотах. Их практическая помощь, деловые советы способствовали улучшению ратной выучки воздушных бойцов, совершенствованию навыков боевого применения техники.

Довольно быстро освоившись с обстановкой, Виталий Егорович водил экипажи на задания, связанные с эвакуацией раненых, десантированием, нанесением авиационных ударов по наземным целям, поддержкой сухопутных войск, очищающих тот или иной район страны от контрреволюционных банд. Каждому такому вылету предшествовала тщательная подготовка. В воздухе Павлов четко руководил группами, своевременно перенацеливал экипажи в зависимости от конкретных условий.

...Авиаторам во взаимодействии с подразделением воздушно-десантных войск поручили забрать группу

войсковой разведки из высокогорного района, с территории, контролируемой контрреволюционными бандами. Виталий Егорович детально обсудил с офицерами тактическую обстановку, маршрут и профиль полета, разработал четкий его план: после взлета работать на канале боевого управления, идти там, где позволяет рельеф местности, на предельно малых высотах, прикрываясь фоном гор, выслать вперед пару доразведки, в бой на пути к площадке приземления не вступать...

Над аэродромом взвилась зелёная ракета — команда на запуск двигателей. Десантники поспешили в вертолеты. А между тем пара доразведки уже стартовала. Несколько минут спустя одна за другой поднимаются в небо другие группы, каждая из которых имеет конкретное предназначение в соответствии с командирским замыслом. Все машины взяли курс в указанный район. По сигналу ведущего перешли на канал связи боевого управления.

Внизу потянулись горы. Впереди — перевал. Пара доразведки выполнила противозенитный маневр, ее примеру последовали другие экипажи. И вовремя: вскоре к ним понеслись свинцовые трассы душманов. Но дальность стрельбы велика. Группа Павлова обогнула стороной опасное место.

Цель все ближе. Виталий Егорович почти физически ощущает, как нарастает напряжение. Вот ведущий пары капитан Николай Корольщук докладывает непривычно ломким, хриловатым голосом: выйдя из боевого порядка, он сбросил в ущелье сигнальные пашки. Через несколько секунд его ведомый, тоже явно волнуясь, сообщает:

— 036-му: ветер строго по ущелью, северо-восточный, «свежий»...

«Значит, пять — восемь метров в секунду», — прикинул Павлов, мысленно рисуя себе посадку в этих условиях 036-го — экипажа с десантом на борту — в ущелье на русло высохшей речушки. Строго в расчетный срок звучит его команда:

— На рубеж! Маневр!

С удовлетворением отмечает Павлов точные, выверенные действия вертолетчиков. Пара капитана Корольщука энергично пикирует в ущелье, а капитан Александр Чиндяев с ведомым устремляются к противоположному его склону и, встретив огонь бандитских расчетов, возможно предупрежденных с перевала, об-

рабатывают их позиции НУРСами. Переведя машину на планирование, Корольщук сбросил дымовые шашки между расположенным у подножия ущелья населенным пунктом и площадкой, куда должен приземлиться вертолет с десантом на борту. Шлейфы дыма, подхваченные низовым ветром, превращаются в непроницаемую пелену.

Без малейшего промедления 036-й словно свалился с крутого склона ущелья, исчезнув из поля зрения Виталия Егоровича. Теперь связь с ним только по радио, хотя их разделяло всего 300—400 метров. Зато 036-й хорошо видела поисково-спасательная пара, готовая сразу же, когда потребуется, рвануться на выручку. Пока экипаж снижался, ведущий пары предупредил его:

— В районе площадки ветер «крутит». Заходите на посадку с попутным...

— Понял! — тотчас отозвался 036-й.

После разворота на 180 градусов, выполненного практически на зависании, машина вертикально опустилась на площадку. Пыль, взвихренная несущим винтом, смешалась с натекавшим в ущелье дымом. Вскоре оттуда Павлов получил доклад: посадка произведена, десантники покидают вертолет, занимают круговую оборону, окапываются...

Между тем другие экипажи группы, образовав круг, на резко усилившийся огонь душманов отвечают из всех видов бортового оружия, чтобы помешать бандитам приблизиться к приземлившейся машине. Даже сквозь защитный радиощлем Виталий Егорович слышал, как заработал бортовой пулемет.

Спустя пять минут — новое донесение 036-го:

— Наблюдаю группу людей. С боем отходит в направлении площадки.

Это возвращались разведчики после выполнения задания. Павлов тотчас перенацелил пару капитана Чиндяева:

— Отразить преследование!..

— Вас понял, — отозвался летчик, но через мгновение добавил: — Ракетами не смогу. Слишком близко соприкосновение мятежников с группой.

Напряжение боя исключительно высоко. События развиваются с калейдоскопической быстротой. Непросто сориентироваться в ситуации. Не успел Павлов

отдать Чиндяеву распоряжение, как услышал его команду ведомому:

— Применяем только пушки, гранатометы десанта...

«Молодец, быстро сообразил», — с удовлетворением отметил про себя Павлов, продолжая управлять экипажами. И вот уже Чиндяев известил, что душманы, гнавшиеся за разведчиками, залегли.

Казалось бы, все хорошо. Однако Виталий Егорович не зря опасался, что обстановка может осложниться. Авиаторы действовали в районе больше десяти минут, преимущество, достигнутое внезапностью их удара, кончилось. Оправившись от шока, мятежники активизировали сопротивление, стреляли прицельнее. Заговорили не выявленные ранее бандитские крупнокалиберные пулеметы.

Дымовая завеса постепенно редела. Теперь душманы переключили свой огонь на вертолеты, которые, замкнув круг, прикрывали подходы к 036-му. По сигналу Павлова экипажи снизились до 300 метров, на минимально безопасную высоту. При всей внешней простоте маневра обеспечивался немалый эффект: максимально сокращались углы обстрела пулеметов и стрелкового оружия мятежников по боевому порядку, тогда как экипажи по-прежнему угрожали их огневым точкам. Виталий Егорович контролировал положение: его летчики, хорошо зная разрез ущелья, минимальные высоты для безопасного разворота, пока не допускали ошибок.

Под надежной защитой десанта, занявшего круговую оборону площадки, и при поддержке с воздуха группа разведки поднялась на борт 036-го. Винтокрылая машина благополучно стартовала с площадки, вышла из зоны огня мятежников. Сложное, ответственное задание группа завершила без потерь.

Позже Виталий Егорович провел подробный разбор. Авиаторы, отметил он, безупречно осуществили единый замысел, единую схему прикрытия, точно выдерживали свои места в боевом порядке, результативно отвечали на огонь мятежников, используя весь комплекс оружия, в том числе и то, которое имелось у десанта.

— У нас строго соблюдался принцип, — рассказывал мне полковник Павлов во время нашей беседы, — не стартовать, пока полет не продуман от начала до

конца, пока не принято четко отработанное на земле решение. По деталям потом, в воздухе, можно внести какие-то коррективы, продиктованные обстановкой, но канва решения должна сложиться, подвергнуться все-стороннему анализу заранее, до вылета.

В этом, по мнению Виталия Егоровича, — одно из важнейших слагаемых успеха. Другое — сами люди с их ратным мастерством, бойцовскими качествами, готовностью любой ценой выполнить приказ. «Командир силен своими подчиненными», — несколько раз повторил Павлов, искренне довольный, что рядом с ним служили воины, политически зрелые, идейно убежденные, беззаветно храбрые, глубоко сознающие свой долг.

— Как-то при воздушной поддержке афганского пехотного батальона, вступившего в схватку с бандой душманов, нашего летчика-штурмана ранило осколком в лицо, — вспоминал Виталий Егорович. — Из госпиталя его перевозили через наш аэродром. Вдруг мне звонят медики: «Исчез лейтенант!» Естественно, я забеспокоился. А тут как раз вертолет возвращается с задания. Вообще-то я догадывался, что могло случиться. И не ошибся. Встречаю вертолет, смотрю — выходит оттуда пропавший лейтенант. Оказывается, на аэродроме он услышал, что в экипаже отсутствует летчик-штурман, на днях выбывший из подразделения. Сел за него. Я ему: «Вы почему сбежали от медиков?» Он мне: «Чувствую себя нормально!» И улыбается. Действительно, бровь у него срослась, немного, правда, с перекосом, но по-прежнему лицо симпатичное. Да, нужно знать, какие это люди! Подобные факты при мне отмечались повсюду — и у мотострелков, и у десантников, и у водителей.

Тогда же Виталий Егорович поведал еще об одном интересном эпизоде. Банда душманов преградила путь нашему мотострелковому батальону в горах. Пришлось залечь. Место хуже некуда: ни вперед продвинуться, ни назад отойти. Ловушка, словом. Комбат по радио попросил у авиаторов помощь. Вылетел экипаж со штурманом эскадрильи майором Гарусом. От мотострелков до позиции мятежников — не более 300 метров. Гарус передал командиру батальона: «Не поднимайтесь! Две по пятьсот гарантирую!» Непросто взять на себя такую ответственность. А если промажешь, ударишь по своим? Под прицельным огнем бан-

дитов офицер не дрогнул, не допустил ни малейшей ошибки, блестяще справился с задачей.

На штурмана подразделения, считает Павлов, ему прямо-таки повезло. Владимир Сергеевич Смирнов, в ту пору майор, раньше служил в транспортной авиации, боевые вертолеты видел лишь издали. Быстро переучился на новую для себя технику, получил все допуски на боевое применение. Завоевал всеобщее уважение за инициативу, решительность, компетентность, профессиональное мастерство. Впоследствии заслужил орден Красной Звезды.

Памятен полковнику Павлову полет, в котором участвовал Смирнов, тогда еще новичок в их коллективе. Шли над горами, на высоте, близкой к практическому потолку. Вблизи от перевала, захваченного, по предварительным сведениям, бандитами, ведущий группы стал выполнять противозенитный маневр — плавную змейку, словно обвивая опасное место. Владимир Сергеевич, прежде не ходивший на такие задания, с недоумением повернулся к командиру:

— Рано начал маневр. Потому и крен держит небольшой...

— Нет. В самый раз, — ответил Павлов. — А что малый крен, тут есть свой резон. Сядем — поясню.

На разборе Виталий Егорович специально затронул этот вопрос, учитывая, что среди его подчиненных есть еще несколько новичков, не накопивших пока опыта полетов в горах. Начертил на доске схему, обозначил векторы сил, действующих на машину в условиях сильной болтанки при полете на практическом потолке.

— Увеличение крена, — анализировал он ситуацию, — таит в себе определенную опасность. Из-за перераспределения мощности можно потерять высоту. Если к тому же вертолет попадет в нисходящий поток, не исключено столкновение с вершиной горы — не хватит запаса мощности, чтобы избежать его. Поэтому при разворотах на практическом потолке важно сохранять крен, который обеспечивал бы безопасность полета.

Еще летчиком-инструктором в училище Павлов завел общую тетрадь, куда заносил поучительные эпизоды. Там немало схем особо трудных посадок и взлетов, всевозможных расчетов, наблюдений. Блеснула мысль, догадка — сразу фиксировал ее на бумаге.

Своеобразная служба памяти. Время от времени Виталий Егорович возвращается к записям — не только свежим, но и двух-трехлетней давности: перечитывает их, сопоставляет, осмысливает под каким-то иным углом зрения — и порой делает для себя открытия, рождаются более обоснованные решения.

За полтора года службы в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане Павлов совершил свыше трехсот полетов на выполнение сложных учебно-боевых заданий, большей частью связанных с оказанием интернациональной помощи народу этой страны. Много летал сам, возглавлял группы вертолетов, руководил ими над полем боя. А сколько сил и энергии требовала организация наземных служб! Павлов зарекомендовал себя смелым экспериментатором в тактике применения вертолетных групп, учил экипажи мгновенно оценивать воздушную обстановку, оперативно принимать грамотные решения, четко взаимодействовать с общевойсковыми подразделениями, упорно добиваться победы, не опасаясь, если надо, рисковать.

Образно выразил пафос тех горячих дней в стихах, посвященных Павлову, политработник подразделения А. Волков:

Колочий ветер по бетонке дул,
Готовы к взлету экипажи.
Ты пот с лица платком смахнул
И нас повел в ущелье вражье.

Равняясь на командира, неизменно ощущая его поддержку, крепили духовно, мужали в полетах боевые товарищи Павлова, отмеченные впоследствии высокими государственными наградами, — коммунисты офицеры Олег Букатов, Владимир Смирнов, воспитанники Виталия Егоровича по училищу коммунисты офицеры Николай Полянский, Анвар Хайбрахманов, Петр Луговской.

Надежных помощников подготовил себе Виталий Егорович. Как и в бытность летчиком-инструктором, по-прежнему воспитывал воинов главным образом личным примером, умением трудиться, что называется, на всю катушку, на предельных режимах.

Взять, к примеру, случай, когда майор Хайбрахманов вынужденно посадил обстрелянную душманами машину в горах в крайне неудобном месте. В момент касания с землей отвалилась от удара пробитая хво-

стовая балка. Экипаж уделел, но как сохранить вертолет, который еще можно отремонтировать?

— Что, если вывезти на внешней подвеске Ми-8? — предложил Павлов старшему начальнику.

— Слишком рискованно, — возразил тот. — С такими операциями наши летчики еще не сталкивались.

После серьезных колебаний старший начальник все-таки согласился, и Виталий Егорович без промедления приступил к тренировкам. Нащупывал оптимальные режимы, вертикально поднимая на внешней подвеске груз соответствующего веса на определенную высоту. А тем временем специалисты под руководством опытного инженера подполковника Герасимовича подготовили поврежденную машину к транспортировке: сняли средства защиты, демонтировали двигатели, отсоединили крепление редуктора...

И вот Ми-8, управляемый Павловым, завис над неисправным вертолетом. Сначала Виталий Егорович переправил на аэродром редуктор, затем, возвратившись, подцепил фюзеляж. Груз — предельный, высота — большая, воздух — разреженный. К тому же развернуться некуда — вокруг горы. Офицер плавно повел машину вверх по спирали. Неимоверная тяжесть тянула вниз, но Павлов строго соблюдал опробованные предварительно режимы. Когда возникла опасная раскачка подвески, мягко сбросил скорость километров на десять — пятнадцать. Миновал перевал, вышел в долину...

На аэродроме уже разложили шины для обеспечения амортизации. Павлов сумел опустить свою необычную ношу лишь со второго захода. Поблизости приземлился сам.

— Минут пять не чувствовал ни рук ни ног, — признавался в беседе со мной Виталий Егорович. — До такой степени давило напряжение...

Сторонник непрерывных творческих поисков, смелых экспериментов, Павлов поощрял разумную инициативу, порой опасную, во имя большого, важного дела. Вместе с тем крайне строго осуждал тех, кто рискует бездумно, позволяет себе ничем не оправданные вольности.

...Однажды Павлову, назначенному после службы в Демократической Республике Афганистан в Группу советских войск в Германии, пришлось расследовать

причины аварии, виновником которой оказался командир эскадрильи капитан Шерокожухов.

Виталий Егорович выяснил, что Шерокожухов, переучившись на послушный, удобный в управлении Ми-24, в одном из первых же полетов решил проверить себя: при отработке упражнения на малой высоте, увлекшись, снизился так, что невзначай зацепил телефонные провода. Вертолет получил повреждения. Офицер понес строгое дисциплинарное взыскание, командование намеревалось вообще отстранить его от летной работы.

Павлов поддержал суровое, но справедливое наказание. Вместе с тем с участием отнесся к судьбе виновника происшествия. Видел: Шерокожухов глубоко переживает, допущенный им промах — не следствие каких-то закономерностей в поведении, а досадная случайность. Как летчик капитан не потерял. И Павлов выступил перед командованием с соответствующим ходатайством.

Незадолго перед отъездом на учебу в Военную академию Генерального штаба Виталий Егорович еще раз посетил полк, поинтересовался делами Шерокожухова. Офицер служил без замечаний, давал основания надеяться, что со временем вернет свое доброе имя.

Правда, такое «заступничество» Павлова не всегда встречало одобрение. Однажды в Афганистане он внес в список для поощрения фамилию офицера, среди подчиненных которого имелись нарушители дисциплины.

— Вы слишком доверчивы, — упрекнул тогда Павлова начальник.

— Это не его вина, — горячо убеждал Виталий Егорович. — Такое «наследство» перешло к нему. А трудится человек напряженно, плодотворно, вдумчиво. Поощрение пойдет ему только на пользу.

Понимания, к сожалению, не достиг. Уверенный в своей правоте, обратился в вышестоящую инстанцию, где согласились с его вескими аргументами. Впоследствии тот офицер, словно в ответ на заботу Павлова, сполна раскрыл свои способности, вырос в прекрасного командира.

Чуткость, внимание к людям сочетаются в характере Виталия Егоровича с высокой уставной требовательностью. Не это ли снискало ему всеобщее уважение — и начальников, и подчиненных? Вот строки из

письма заместителя командира по политчасти, пришедшего вскоре после того, как Павлову присвоили звание Героя Советского Союза:

«Дорогой Виталий Егорович! Службу под Вашим началом вспоминаю как самое счастливое время. Ваша воля и смелость, требовательность и доброта, партийный подход к делу были и по сей день остались для меня и моих сослуживцев эталоном, на который мы по-прежнему равняемся. Все мы помним, как Вы щедро жили, не жалея себя для людей, для дела...»

У Виталия Егоровича крепкая, дружная семья. Жена Инесса Александровна — дочь ветерана Вооруженных Сил СССР, пришедшего в авиацию по комсомольской путевке в далеком тридцать третьем году. Получив медицинское образование по авиационному профилю, Инесса Александровна всюду, где появлялась возможность, работала старшим фельдшером в полку.

Увлекло небо и дочь Павловых Ларису, — конечно, не без влияния отца, частенько с восторгом живописавшего в семейном кругу чувства человека в полете или под куполом парашюта. Еще школьницей начала девушка заниматься в парашютном кружке. Сейчас счет прыжков у Ларисы, студентки Могилевского педагогического института, перевалил за полтора десятка.

Голубые просторы манят к себе и ее младшего братишку Сашу, который буквально зачитывается книгами по авиации. Авторитет отца в вопросах летного дела для них непререкаем.

В конце нашей беседы я попросил полковника Павлова назвать самые волнующие события его жизни.

— Не изгладится, наверное, из памяти день, когда вручали мне орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», — раздумчиво произнес Виталий Егорович. — А разве забудешь прием в партию? Или, например, первый самостоятельный вылет на вертолете в Сызранском училище в шестьдесят третьем году? Важные вехи — учеба в Военно-воздушной академии, в Военной академии Генерального штаба. Богата впечатлениями служба в Афганистане, интернациональная помощь народу этой страны. Особой радостью полнится сердце от встреч с бывшими выпускниками училища, которым дал путевку в небо. В них, своих воспитанниках, видишь свое продолжение.

Ратные дела коммуниста военного летчика-спайпера Павлова получили высокую оценку Родины, отмечены высоким званием Героя Советского Союза. Виталий Егорович — кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, нескольких медалей.

* * *

Когда очерк готовился к печати, в жизни Павлова произошло еще одно важное событие: ему присвоили звание генерал-майора авиации. Виталий Егорович назначен командующим ВВС Краснознаменного Приволжского военного округа.

ВСЕ ЕЕ СЫНОВЬЯ

Ефрейтор Александр Владимирович Корявин родился в 1965 году в д. Лешково Загорского района Московской области. После окончания средней школы работал слесарем-инструментальщиком на Загорском электромеханическом заводе.

Осенью 1983 года призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Службу проходил в воздушно-десантных войсках.

А. В. Корявин удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно).

Притихший зал слушал слово матери.

— Я не растила сына героем...

Первую фразу Евдокия Ивановна Корявина произнесла негромким, чутьчку дрогнувшим голосом. Но ее услышал каждый из многих сотен людей, заполнивших в тот день огромный зрительный зал Дворца культуры. И эта первая фраза почему-то больно ударила в сердце. Я записал ее в блокнот. Слово в слово.

А Евдокия Ивановна продолжала говорить. Простая русская женщина, еще не старая, в скромной кофточке цветочками. Русые волосы по древнему обычаю покрыты черной газовой косынкой. На скорбном лице в светло-голубых глазах — невыплаканные слезы...

На столе президиума — большая кожаная папка с Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, в красных коробочках — орден Ленина и Золотая Звезда. Высшим званием отметила Родина подвиг гвардии ефрейтора Александра Владимировича Корявина. Од-

нако вручить ему награду не смогла — Героем Советского Союза Александр стал посмертно. Документы, знаки отличия получала на хранение Евдокия Ивановна. Получала по праву Матери Героя.

...Мне не довелось лично знать Корявина или хотя бы видеть его при жизни. Несколько любительских фотографий легли на мой рабочий стол уже после гибели Героя. Я перебираю их. Вот на втором плане усталый Александр сидит прямо на земле с консервной банкой в одной руке и с ложкой — в другой. Короткая передышка в нелегком походе... Групповой снимок — почти все солдаты, сержанты, офицеры подразделения расположились вокруг двух зенитных орудий. В последнем ряду смотрит из-за плеч боевых друзей Корявин. Случайность? Нет, в том, что он нигде не выпячивался, не старался попасть на самое заметное место, — одна из отличительных черт его характера. Простого, скромного русского парня.

Потому тем пристальнее вглядываюсь в единственное фото, на котором Александр один — в пятистном маскировочном комбинезоне, с автоматом в руках. Может, уговорили его попозировать или сам попросил сделать снимок, чтобы послать любимой маме.

Первое, на что невольно обращаешь внимание при встрече с Евдокией Ивановной Корявиной, — их удивительное сходство. Одинаковый овал лица, высокий чистый лоб, широко распахнутые глаза, губы, подбородок... А в народе есть примета: если сын похож на мать, ждет его счастье в жизни.

С малых лет считал себя Саша счастливым человеком. Даже когда совсем рано потерял отца, детское горе скоро развеялось. И прежде всего потому, что рядом была мама, самая замечательная на свете — всегда добрая, ласковая.

Однако вдвоем жили недолго. Скоро у Саши появилось сразу три брата: Евдокия Ивановна взяла к себе трех сыновей старшей сестры, которая внезапно умерла.

Конечно, ребята не пропали бы. Инспектор райопо, рассудительная седая женщина, высказывалась за детский дом. Там сытно кормят, хорошо одевают. Там весело. Все правильно. Да только нет ничего дороже, лучше, убеждена Евдокия Ивановна, чем отчий дом, родительская ласка.

Одолевали, правда, сомнения: сумеет ли поднять, воспитать сразу четырех парней! Так ведь родные, племянники. Пусть невелик в семье достаток — поделят его поровну.

Ни разу не почувствовали старшие мальчики — ни Володя, ни Толя, ни Слава, — что приемыши. На щедрую материнскую любовь Евдокии Ивановны отвечали нежной заботой о самом младшем — Сашеньке. Дружно трудились по дому, вместе ходили за покупками, когда кто-то дозарезу нуждался в обнове — пальто, ботинках.

Подрастали братья, один за другим пошли в школу. Соседки завидовали:

— Легко тебе живется, Евдокия! Вон какие помощники!

— Легко, — соглашалась она. А сама вспоминала бессонные ночи у постелей сыновей, которые нередко болели. Вспоминала долгие вечера, когда опять и опять прикидывала, что бы еще выкроить из вытертой рубашонки. Но никогда никому не обмолвилась даже, насколько ей порой бывало тяжело.

В однокомнатной квартире — пятеро. На свою зарплату едва сводила концы с концами. Питались скромно, одежда переходила от старшего к младшему. Александр почти все донашивал после братьев. Зато не было во дворе семьи веселей, дружнее...

Школа № 24 в древнем городе Загорске. Совсем недавно окончил ее Саша Корявин. Здесь помнят еще его задорным, никогда не унывающим октябренок. Потом пионером — ярким защитником справедливости, вдумчивым, рассудительным комсомольцем.

Рассказывает Раиса Александровна Титова — классная руководительница Александра:

— Саша учился очень хорошо, хотя отличником не был. Но стал совестью класса, и это слово я написала бы с большой буквы. Как писал его Саша...

Он жил сердцем, верным, отважным сердцем. На школьных переменах заступался за малышей, если их обижали старшие. Не терпел лжи, несправедливости. Это знали все. Свидетельством непререкаемой истины нередко слышалось в спорах ребят: «А Саша Корявин сказал...»

К сверстникам, товарищам Саша относился дружелюбно, распахнуто, что ли. Особой любовью окружал свою маму — Евдокию Ивановну.

Раиса Александровна, чуть помолчав, продолжала словно размышлять вслух:

— Любовь сына к матери... Естественное чувство. И все же Саша проявлял его удивительно открыто. Не стеснялся, подобно иным мальчишкам, сыновней нежности. Если встречал Евдокию Ивановну на улице, у школы, обнимал, брал под руку. Такая одухотворенная привязанность невольно трогала всех, кто ее видел. Когда мы устраивали в школе диспут о дружбе, Саша назвал маму своим самым близким другом.

Евдокия Ивановна научила сыновей главному в жизни — трудолюбию. Прививала его не какими-то специальными наставлениями, а повседневным укладом в доме. В их семье слова «жить» и «трудиться» воспринимались синонимами, неотделимыми друг от друга. На предприятии Евдокию Ивановну ценили как прекрасную труженицу. Первое, что видели сыновья, открывая утром глаза и засыпая поздно вечером, — их мама что-то делает.

В школе Сашу сразу же увлекли занятия в столярной мастерской. Мечтал о ней с того дня, когда переступил порог школы: случайно отстав от других первоклашек, ушедших вместе с учительницей, попал, блуждая по широким коридорам, в мастерскую. И замер, пораженный обилием станков, инструментов, визгом пилы, свежим смолистым запахом стружек. Уроков труда ждал с огромным нетерпением. Искренне огорчился, если его освобождали от них по болезни.

Еще школьником, отмечает Раиса Александровна, Корявина отличало исключительно развитое чувство долга.

— Помнится один из субботников. Наш класс работал на пришкольном участке. Сейчас уже забылось, зачем мне понадобилось послать кого-то из ребят в Москву. Попросила съездить Сашу, зная его исключительную добросовестность.

В Загорск Саша вернулся к концу дня, когда мы собирались идти с участка домой. Вижу, бежит что есть силы, с ходу перепрыгнул через невысокий забор (в двенадцать-то лет до калитки показалось далеко!), скороговоркой доложил о выполнении поручения и сразу — за лопату! Не ушел до тех пор, пока не справился со своей нормой.

Отшумел выпускной бал. Старшие братья трудились уже самостоятельно: Владимир — мастером-стро-

птелем, Анатолий — инженером. А Александр выбрал специальность слесаря-инструментальщика на Загорском электромеханическом заводе.

Первая получка... Она вошла в их дом огромным букетом цветов.

— Mamочка, дорогая! Это — тебе!

— Но зачем так много, Саша? — растерянно произнесла, едва сдерживая радостные слезы, Евдокия Ивановна.

— Теперь, мамочка, у меня есть возможность купить тебе много цветов...

Разлетелись, создали собственные семьи приемные сыновья. Александр видел, что у Евдокии Ивановны частенько начало пошаливать сердце, и почти всю работу по дому брал на себя. День уплотнил до отказа: и у станка отлично трудился, и комсомольскими поручениями занимался, и успешно учился на первом курсе филиала Всесоюзного заочного машиностроительного института при заводе.

— Нагрузил ты себя, Саша, — беспокоилась Евдокия Ивановна. — Зачем же так сразу?

— Надо, мама, иначе не успею, — отшучивался сын. — Третий десяток ведь скоро разменяю.

25 апреля 1983 года скромно, вдвоем, за столом с чаем и большим тортом отметили восемнадцатилетие Александра. За шутками, поздравлениями, пожеланиями скорого семейного счастья (ничего не пропустят зоркие материнские глаза!) последовал очень серьезный разговор.

— Мне уже восемнадцать, мама. Пора испытать и службу военную... — По внезапной бледности Евдокии Ивановны сын догадался, как тревожно сжалось, закололо ее сердце. Немного помедлив, твердо продолжал: — Да, мама, знаю — ты очень хотела бы, чтобы я не уезжал. В связи с твоим состоянием здоровья мне могут дать отсрочку... Но пойми меня, мама! Это мой долг! Каждый мужчина должен быть солдатом, защитником Родины!

Евдокия Ивановна молча кивнула. Не возражала, услышав о желании Александра идти в воздушно-десантные войска. Не разубеждала, когда сын объявил, что служить доведется в Демократической Республике Афганистан.

...Александр нежно простился с матерью. Почти

каждую неделю получала Евдокия Иваповна его весточки, полные ласки, тепла. Служба военная, писал Александр, ему нравится, у него здесь замечательные друзья, командиры опытные, заботливые.

Сегодня строки документов, боевых донесений, листовок-молний дополняют облик наводчика-оператора Н-ского гвардейского парашютно-десантного полка гвардии ефрейтора Александра Корявина. Отважный, умелый солдат. Чуткий, отзывчивый товарищ. Мог поделиться с другом последним сухарем, последним глотком воды из фляги, лежа на испепеленной зноем земле.

Из служебной характеристики:

«Ефрейтор Корявин Александр Владимирович, 1965 года рождения, русский, член ВЛКСМ с 1982 года. В армии — с ноября 1983 года. Глубоко осознает свой воинский долг воина-десантника по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан. Свято и нерушимо соблюдает Конституцию СССР, советские законы и военную присягу. Добросовестно изучает военное дело. За зимний период стал отличником боевой и политической подготовки. В выполнении своих служебных обязанностей является образцом для всего личного состава роты. Зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Хорошо знает требования уставов Вооруженных Сил СССР и умело руководствуется ими в повседневной жизни. Принимает активное участие в общественной жизни роты. Среди товарищей по службе и у командиров пользуется заслуженным авторитетом. К товарищам по службе относится внимательно, с уважением, никогда не отказывает в помощи и поддержке...

Принимал участие в ряде боев по уничтожению бандоформирований мятежников. Всегда является примером мужества, стойкости, героизма».

Это подтверждают и боевые донесения:

«25 июня 1984 года. В бою с мятежниками в провинции был ранен в ногу ефрейтор А. Корявин. Оказав себе первую медицинскую помощь, он продолжал вести огонь из автомата и уничтожил трех снайперов. Когда рядом ранило ефрейтора В. Гаврилова, перевязал его и вытащил в безопасное место».

Хорошо помнит тот день ефрейтор Гаврилов. Труд-

ный день. И солнце палило нещадно, и бой разгорелся жаркий.

Их взвод сопровождал в отдаленную провинцию колонну автомашин с продовольствием, одеждой, медикаментами. В середине ее несколько бензовозов везли горючее.

На узкой дороге в ущелье по головной машине внезапно ударила пулеметная очередь.

— К бою!

По приказу командира взвода гвардии лейтенанта А. Ивонина воины, выскочив из кабин и кузовов, заняли огневые позиции у придорожных камней.

Корявин стрелял расчетливо, экономя боеприпасы. Из-за большого валуна внимательно приглядывался к местности, лежавшей перед ним. Заметив среди врагов душмана, вооруженного винтовкой с оптическим прицелом, тщательно прицелился. И вот уже бандитский снайпер упал, широко раскинув руки. Потом Александр снял еще одного...

Его тоже обнаружили. По валуну застрочил пулемет. Корявин выждал, пока огонь противника ослабел, и рванулся к следующему камню. Однако не успел сделать нескольких шагов, как почувствовал удар в ногу... С трудом добежав все-таки до укрытия, тут же упал.

На зеленой ткани разорванных брюк алели пятна крови. Но кость, судя по всему, не задета, пуля прошла по касательной, распоров кожу. Корявин паскоро перевязал рану и вновь взялся за автомат.

Когда Александр менял очередной магазин, услышал вдруг короткий вскрик. В нескольких шагах от него рухнул за камень ефрейтор Гаврилов.

Волоча раненую ногу, пересиливая острую боль, Александр пополз к товарищу. Гаврилов лежал закрыв глаза, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Куда тебя?

— Нога... — простонал Гаврилов.

— Меня тоже в ногу. Не робей. Коль у нас две здоровые ноги на двоих, вытянем...

Рана Гаврилова оказалась тяжелой — пуля перебила кость. Александр помог ему сделать перевязку, закинул оба автомата себе за спину, обхватил сослуживца одной рукой. Отталкиваясь другой, начал оттаскивать его в тыл...

И в вертолете, и в госпитале они лежали рядом. Правда, уже через неделю Александр, у которого рана быстро затянулась, попал в число ходячих. А еще спустя два дня Корявин, печатая шаг и стараясь не хромать, входил в кабинет начальника госпиталя.

— Разрешите? — И не дожидаясь ответа выпалил: — Товарищ подполковник, прошу выписать меня из госпиталя!

В подразделении встретили Александра радостно. Похлопывали по плечам, уверяли, что без него затосковала ротная стенгазета. И вообще, он молодец, что вернулся сразу в роту, а не воспользовался предложенным отпуском. Да, Корявин не поехал домой: увидит мама шрам на ноге, расстроится...

Через неделю после возвращения Александра объявили состав группы, назначенной для выполнения сложного задания. Корявин помрачнел: его фамилии не назвали. Обратился к командиру взвода с просьбой направить его вместе с товарищами. Ивонин объяснил:

— Вам надо отдохнуть пару недель.

— Товарищ гвардии лейтенант! — взмолился Корявин. — Я вполне здоров, обузой не буду!

Уступил-таки командир, махнул рукой:

— Собирайтесь...

— Есть!..

Строки из донесений:

«12 апреля 1985 года. Подразделение получило боевую задачу поддержать боевые действия афганской части в провинции Вардак. Ефрейтор А. Корявин, действуя решительно и смело, вел меткий огонь по мятежникам, двух захватил в плен. В дальнейшем первым обнаружил обходящую группу бандитов на автомашинах и выстрелом из гранатомета подбил идущую впереди машину. В результате группа душманов из двенадцати человек сдалась».

«16 апреля 1985 года. Ефрейтор А. Корявин, находясь в засаде в ущелье Джанту Зайдарра, умело оборудовал и хорошо замаскировал свою огневую позицию. Зорко наблюдая за местностью, своевременно обнаружил группу душманов и открыл по ним меткий огонь».

В этом бою ефрейтор Корявин уничтожил несколько душманов, захватил пять автоматов, гранатомет и большое количество боеприпасов к ним. Сам получил

при этом легкую контузию от разорвавшейся ручной гранаты, но остался в боевом строю...»

От боя к бою росло воинское мастерство солдата, накапливался опыт. Командир взвода гвардии лейтенант Андрей Ивонин не раз признавал:

— Ефрейтор Корявин — моя опора. Такими солдатами силен командир...

Александр Корявин был не просто опорой командира. В том, последнем, своем бою он стал его щитом.

23 мая 1985 года. Взвод под командованием гвардии лейтенанта Ивонина совершал марш в провинцию Кунар. Требовалась помощь подразделению афганской армии в тяжелой схватке с крупной бандой душманов.

У кишлака Сиракулай десантников встретил вражеский огонь из-за дувалов — глинобитных заборов. Скоротечное столкновение завершилось бегством мятежников. Советские воины шли через кишлак по пыльной дороге под палящими лучами солнца. Слева и справа высились почти двухметровые дувалы, узкие окна, словно бойницы, смотрели на улицу.

— Ефрейтор Корявин! — распорядился гвардии лейтенант. — Вместе с рядовым Халиловым прикроете взвод с тыла. Вы — старший! Следите за местностью...

Да, Александр не раз убеждался: в таких ситуациях надо глядеть в оба. За год службы в Афганистане он хорошо изучил волчьи повадки душманов, их обычай нападать из-за угла, убивать женщин, стариков, детей, сжигать школы, мечети, идти на зверства по указке зарубежных хозяев.

После того как воины миновали кишлак, Корявин удвоил внимание. На открытом пространстве облюбовал небольшую высотку, поросшую кустарником. Если залечь тут с пулеметом, можно отразить нападение бандитов.

— Удобная позиция, — сказал Халилову. — Ставь пулемет...

Сам Корявин притаился с автоматом неподалеку, за деревом с морщинистой корой, словно сожженной горячим афганским солнцем и скрученной свирепыми ветрами. Кишлак отсюда — как на ладони. Квадратные глинобитные желто-серые дома прилепились к самому подножию горы. А ниже — долина, по которой голубой лентой бежала, сверкая на солнце, небольшая горная речка.

Александр насторожился. От дувала к дувалу перебежали вооруженные люди в чалмах.

— Халилов! — позвал солдата. — Быстренько отползай назад и по ложине догони взвод. Доложи командиру: банда душманов выходит в тыл взвода. Я прикрою...

Корявин приготовился к бою. Он решил подпустить врагов поближе, чтобы ударить наверняка. В эти тягостные минуты ожидания считал силы противника: «Один, два, три... десять... пятнадцать...»

У крайнего дома кишлака душманы задержались. Но вот один из них, очевидно главарь, крикнул что-то гортанным голосом, махнул рукой — вперед!

Длинной очередью Александр скосил сразу трех бандитов. Остальные, укрывшись за дувалом, ответили бешеной пальбой. Били, однако, беспорядочно, не прицельно, — похоже, не успели засечь Корявина.

Через несколько минут ситуация повторилась. Вновь несколько душманов по нетерпеливому сигналу главаря попробовали выйти на дорогу — и тут же рухнули в пыль, сраженные Корявиным.

На этот раз мятежники заметили, откуда ведет огонь наш автоматчик. Их пули ложились теперь совсем близко, вздымая фонтанчики земли. У Александра вдруг потемнело в глазах — настолько больно обожгло левую руку.

Едва очнувшись, Корявин даже не смог сделать перевязку: душманы двигались по дороге вдогонку за нашим взводом. Александр лишь крепче стиснул зубы и нажал на спусковой крючок. Стрелял до тех пор, пока не опустел магазин. Только собрался заменить его запасным, как сзади, сбоку ударили автоматы...

Вскоре Александр оказался среди боевых товарищей. Радостно возбужденный рядовой Халилов, гвардии лейтенант Ивонин.

— Все в порядке, товарищ Корявин! Остатки банды уничтожены. Да вы ранены! — встревожился офицер. — Санитар, перевязку!

На какое-то время они отвлеклись от боевой обстановки. Ивонин участливо наблюдал, как санитар, нагнувшись к Корявину, осторожно разрезал рукав маскхалата, обнажил левую руку воина, закрыл рану ватным тампоном. Потому только Александр, привычно поглядывавший по сторонам, заметил, как в кустах поднялся душман, вскинул автомат, прицелился в офи-

цера. Сейчас прогремит очередь. Автомат Корявина — без единого патрона.

Крикнуть? Что это даст?

Только мгновение размышлял Александр. Распрямившись, будто туго взведенная пружина, метнулся в сторону, загородил командира. И тут же схватился за грудь, медленно осел на землю.

В угасающем сознании еще звучали выстрелы. Ивонин, низко склоняясь над Александром, увидел, как шевельнулись его губы, услышал последние слова:

— Как там наши, товарищ гвардии лейтенант?..

Говорят, героями не рождаются. Не родился им и Саша Корявин. Он был простым мальчишкой, рос в большой семье, с раннего детства не из книжки узнал, что такое труд. Учился в обыкновенной советской школе, где впервые по складам прочитал слово «Родина»... Потом всем сердцем усвоил высокие понятия — Честь, Совесть, Долг, с которыми пришел в солдатскую семью. Там принял присягу на верность Отечеству. Там встретил тот единственный миг, когда делают шаг в бессмертие...

Родина назвала своего отважного сына Героем.

...Весть о подвиге Александра Корявина всколыхнула Загорск. В актовом зале школы, которую он окончил, собрались учителя, октябрята и пионеры, комсомольцы и родители. Единодушно решили просить присвоить школе имя ее славного воспитанника.

На Загорском электромеханическом заводе светлой памяти Героя посвятили митинг.

— Александр всегда являлся примером добросовестного отношения к труду, — говорил в своем выступлении бригадир комсомольско-молодежного коллектива Михаил Курицын. — Его бессмертный подвиг зажжет наши сердца. Так пусть Александр навсегда займет место в рабочем строю! Наша бригада решила считать Корявина своим полноправным членом, а его зарплату ежемесячно переводить в Фонд мира.

У нас в бригаде немало молодых рабочих. Призыв в армию у них еще впереди. И когда наденут они военную форму, мы дадим им рабочий наказ — служить Родине так, как служил гвардии ефрейтор Александр Корявин!

Только на этом заводе еще десять комсомольско-молодежных бригад включили Героя в свои ряды.

Навечно остался гвардии ефрейтор Корявин и в

армейском строю. Приказом Министра обороны СССР он зачислен в списки 1-й роты полка, в котором начинал службу.

...Ни один день не обходится без гостей в квартире Евдокии Ивановны Корявиной. Ее навещают учителя школы № 24, пионеры и комсомольцы, молодые рабочие с электромеханического. До глубины души растрогала Евдокию Ивановну встреча с друзьями сына из далекого Афганистана — гвардии лейтенантом Андреем Ивониным и двумя солдатами. Долго беседовали воины с матерью Героя. Подробно рассказали, как служил Саша, как ценой собственной жизни спас командира.

Бережно хранит Евдокия Ивановна дорогие ей реликвии — любимые книги сына, школьные тетради. Говорит его сослуживцам о том, как мечтал Саша стать настоящим человеком, человеком с большой буквы.

— Он и был Человеком с большой буквы. — Андрей Ивонин с трудом сдерживал волнение. — Настоящим патриотом-интернационалистом. Надежным, чутким товарищем. Таким его помнит в нашем взводе каждый. А я ему обязан жизнью. Теперь мы все — ваши сыновья, Евдокия Ивановна.

...Много людей пришло в просторный светлый зал Дворца культуры, чтобы отдать дань уважения погибшему Герою, его матери. Генерал армии Д. С. Сухоруков, в то время командующий воздушно-десантными войсками, вручил Евдокии Ивановне высокие награды ее сына — Золотую Звезду и орден Ленина, Грамоту Президиума Верховного Совета СССР, произнес прочувствованное слово о солдате-десантнике.

Первый секретарь Московского обкома комсомола сообщил о том, что решением бюро ЦК ВЛКСМ имя Героя Советского Союза гвардии ефрейтора А. В. Корявина занесено в Книгу почета Центрального Комитета Ленинского комсомола. Теперь оно увековечено там рядом с именами Александра Матросова, Николая Гастелло, Юрия Гагарина...

На трибуну поднялась Евдокия Ивановна:

— Я не растила сына героем... Я хотела, чтобы он был хорошим человеком, добрым к людям. Армия воспитала из него солдата, в армии он стал Героем. За это я от всего материнского сердца благодарю его командиров...

Велико мое горе. Но переносить его мне помогают люди.

Гордость за сына я ношу в своем сердце. Я часто встречаю на улицах солдат. Немало Сашиных друзей по армии навестили меня в последнее время. И в каждом из них я вижу своего Сашу, все они — мои сыновья...

Притихший зал слушал слово Матери Героя...

И ДОЛГ ИСПОЛНЯТ ДО КОНЦА

Майор Федор Иванович Пугачев родился в 1954 году в с. Верещаки Новозыбковского района Брянской области. После окончания Ташкентского высшего танкового командного ордена Ленина училища служил в Краснознаменном Северо-Кавказском, ордена Ленина Забайкальском, Краснознаменном Белорусском и Туркестанском военных округах. С 1981 года в течение двух с половиной лет находился в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Ф. И. Пугачев удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1985 году Ф. И. Пугачев стал слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Разведрота — подразделение непростое. На первый взгляд — обычное мотострелковое. Та же техника, те же люди, те же выплывшие на солнце головные уборы, полинявшее от жары и соленого пота обмундирование. И все же разведчики — народ особый. Они первыми идут туда, где еще никто не ходил, первыми принимают на себя огонь, умеют с честью выйти из самых трудных положений. Воюют со знанием дела — умением, хитростью, точным расчетом, профессиональным мастерством добывают победу.

Небольшой гарнизон опорного пункта расположился в широкой долине у самого подножия суровых на вид гор. Воины охраняют важный участок дороги, а также мост через глубокий овраг, по дну которого весной и в редкие дождливые дни бешено мчится мутная вода. К лету ее буйство иссякает, и в иных местах

студеный, кристально чистый ручей можно перешагнуть, не замочив ног. Лишь подмытые берега оврага, стволы деревьев с кучками засохшей травы на корявых ветках да еще кое-какие приметы напоминают о своенравном характере горного потока, способного вновь мгновенно набрать силу.

Едва колонна боевых машин миновала мост, Пугачев объявил привал. Перед тем как докладывать в штаб, хотелось самому осмыслить результаты выполнения боевой задачи. Хвастать особо нечем. Правда, рота помешала банде блокировать дорогу. Душманы не смогли занять господствующие высоты — колонна с продовольствием прошла благополучно. Но и бандитам удалось уйти. «Как, куда?» — вот над чем раздумывал Пугачев.

Командир опорного пункта, рослый старший лейтенант, радостно приветствовал гостей. Обычно редко кто задерживался здесь — торопились по служебным делам.

— Последнее время у нас тихо, — рассказывал старший лейтенант. — Хотя и постреливают иногда ночью, на рожон не лезут, дорогу не трогают. Место пустынное, до ближайшего кишлака неблизко.

— А это что? — перебил Пугачев, указав отметку на карте.

— Заброшенный горный кишлак.

— Точно заброшенный?

— Да кто его знает... — пожал плечами командир опорного пункта. — Дорога, которая тянется из долины, в неплохом состоянии. Я сам смотрел. Вот только в горы не поднимался, не рискнул. Сразу за кишлаком — ущелье. Узкое такое, неприятное. Есть сведения, будто по ночам там беспокойно. Похоже, машина ездит.

— Машина? — удивился Пугачев.

— Точно не знаю. По звуку вроде двигатель работает, и свет видели. А еще, по непроверенным сведениям, кто-то по ночам наведывается в долину. Кто именно, зачем, трудно сказать. Душманы? Вряд ли. Не шумят, дорогу на моем участке не трогают. Вот и разберись.

— В самом кишлаке машины есть? — поинтересовался Пугачев.

— В том-то и дело, что нет. Всего-то техники — трактор да несколько движков с электрогенераторами.

Трактор давно сломан безнадежно. Движки молотят иногда вечером, но ночью тихо.

Пугачев внимательно слушал старшего лейтенанта, сопоставляя факты. Кажется, наконец-то разъясняются вопросы, мучившие его на марше после того, как душманы уклонились от боя: скрылись непостижимо быстро, словно растворились в горах, кинув в спешке два тяжелых ящика с минами.

Стремительный организованный отход душманов говорил о том, что банда местная. Едва ли чужаки, пришедшие издалека, отказались бы столь легко от своих намерений и тем более бросили бы мины. Кстати, в ящиках, — значит, их принесли откуда-то поблизости, возможно, из склада, замаскированного в горах по соседству с дорогой. Враги здесь давно уже проявляли повышенную активность, нередко даже днем устраивали засады. Все попытки уничтожить банду успеха не имели. Встретив сильный отпор, душманы мгновенно исчезали, а вскоре опять возвращались — уже в другом месте, в пределах того же района. Судя по всему, где-то в горах у них база, налажены каналы доставки боеприпасов и продовольствия, оповещение о движении колонн.

Внимательно изучая карту, Пугачев почти не сомневался, что покинутый жителями горный кишлак и есть та самая база. Оттуда рукой подать до перевала, от перевала — до господствующих над дорогой высот. Многочисленные ущелья вполне пригодны для спуска в долину. Дорога огибает горы глубокой дугой. От одного конца дуги до другого напрямик через хребты километров пятнадцать, по дороге — все девяносто. Очевидно, бандиты засекают колонну на этой стороне горной цепи, а встречают на той, за перевалом. Поэтому-то шуметь тут, в окрестностях своего логова, им не резон.

«Ловко устроились!» — невольно удивился Пугачев коварству и хитрости противника. Теперь надо постараться переиграть его, обезвредить осиное гнездо.

Обычный рейд не годился. Из кишлака долина и дорога — как на ладони. Опорный пункт, бесспорно, тоже под наблюдением. Бандиты заранее обнаружат опасность и примут ответные меры. Сколько их, чем они вооружены — неизвестно. В лучшем случае опять заметут следы.

Что же предпринять? И как убедительно обосновать свои доводы в штабе части? В этой ситуации единственным весомым аргументом мог стать всесторонне взвешенный план действий, осуществление которого не потребует ни больших усилий, ни привлечения дополнительных средств. Рассчитывать следует прежде всего на свою роту.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил Пугачев, прощаясь с командиром опорного пункта. — Надеюсь, скоро встретимся. Есть у меня одна идея. Если утвердят — увидимся, все обсудим.

Исчезли за поворотом мост и опорный пункт. Вдоль дороги тянулся, тыльной стороной почти вплотную прилегая к отрогам гор, большой кишлак, о котором упоминал старший лейтенант. Сочная зелень плодовых деревьев, однообразные дувалы, плоские крыши глинобитных жилищ. Кто скрывается за их стенами — друзья или враги? В каком доме здесь принимают под покровом ночи душманов? И почему принимают — из страха, сочувствия или лютой ненависти к апрельской революции?..

В штабе Пугачев неожиданно легко получил «добро». Суть замысла командира разведроты заключалась в том, чтобы устроить засаду в ущелье, на дороге из горного кишлака, и выяснить, звуки какого мотора слышались ночью.

Рано утром боевые машины роты, проскочив на большой скорости кишлак, спорный пункт, двинулись по большей дуге, на вершине которой заняли позиции. Со стороны гор это выглядело вполне обычно — БМП охраняют дорогу. Людей не видно, — значит, в машинах только экипажи, в горы никто не пойдет.

А между тем в десантных отделениях БМП изнывали от жары под раскаленной броней подчиненные капитана Пугачева. Но даже бойниц не открыли, опасаясь обнаружить свое присутствие.

Вскоре здесь же сделала привал колонна бензовозов и транспортных машин. Кормовые люки БМП, не просматривавшиеся с гор, распахнулись, воины незаметно перебрались в кабины топливозаправщиков и грузовиков.

Когда колонна продолжила путь, вместе с ней снялись с позиций БМП. Привычная картина — встретили колонну, повели ее дальше. Никто с гор не мог заметить, как возле моста одна за другой открывались

противоположные от водителей дверцы автомобилей, откуда, выпрыгивая на ходу, кубарем катились по склону разведчики Пугачева. Два взвода затаились в овраге до вечера.

Стемнело. Пугачев вполголоса переговорил с командиром солдат, охранявших мост. Один взвод бесшумно залег вдоль дороги, с другим капитан отправился в горы, взяв с собой двух саперов и поручив самым выносливым нести мины. Разведчики запаслись боеприпасами, гранатами, водой. Из еды, как всегда, взяли только сухари.

Шли всю ночь, по счастью, безлунную. И хотя спешили, шагали медленно, часто замирая, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

К ущелью добрались незадолго до рассвета. Тут же рассредоточились, блокировав вход и выход. Тем временем саперы спустились к дороге, заминировали ее.

Это был очень трудный, бесконечно длинный день. Солнце палило нещадно, камни впивались в затекшие от неподвижности тела людей, сухие губы жадно глотали разреженный воздух. Мысленно Пугачев просил каждого: надо потерпеть, очень надо. Впрочем, войны сами понимали, зачем они здесь.

Ночь принесла прохладу и облегчение, но напряжение не спадало. Вновь потекли томительные часы ожидания. По-прежнему — ни звука.

Внезапно разведчики затаили дыхание — не почудилось ли? Нет. Кто-то осторожно направлялся по дороге вниз по ущелью.

Шаги, удаляясь, стихли. И снова те же звуки. На этот раз невидимые в темноте люди вели себя смелее. Наверх из ущелья долетали обрывки негромкого разговора. Потом вдалеке заработал мотор.

За бородатым крепышом с автоматической винтовкой за спиной и керосиновым фонарем в поднятой руке двигался грузовик с кузовом под тентом. Машина ехала медленно, с выключенными фарами — слабо светились лишь подфарники.

«Значит, первыми прошли разведчики, — быстро прикидывал Пугачев. — Теперь все зависит от саперов».

В ущелье полыхнуло, оглушительно грохнул взрыв. Тяжело подпрыгнув, грузовик загорелся, неуклюже повалился набок. Из кузова с громкими криками выска-

кивали вооруженные люди. Одни тут же падали на землю, ползли прочь, другие открывали беспорядочную стрельбу, дико озираясь вокруг. Пламя озаряло их перекошенные злобой и страхом лица. На горной дороге царила паника.

Бой длился недолго. Гранатами разведчики довершили разгром бандитской группы.

До рассвета не сомкнули глаз. На всякий случай Пугачев положил рядом с собой две ракеты — по его сигналу поспешили бы на выручку те, кто остался в долине. Однако душманы больше не появлялись.

Утром воины спустились в ущелье, собрали оружие. Довольные успехом, возвратились к опорному пункту.

В штабе части, выслушав доклад о результатах рейда, роте разрешили отдыхать. Пугачев лично проверил, чтобы подчиненные хорошо поели и, не мешкая, ложились спать. Предупредил старшину роты Владимира Шафарука:

— Дневальным ходить на цыпочках, команды — шепотом.

Здесь, в Афганистане, Пугачев чувствовал себя в непрерывной готовности к броску, маневру, бою. Даже в сравнительно спокойной обстановке — словно взведенный курок. А едва касался головой подушки — проваливался в сон. И часто видел, будто наяву, далекий отчий край, родное село Верещаки, что в Новозыбковском районе Брянской области. Видел отца и мать, братьев, учителей своих — директора школы Павла Алексеевича Конькова, преподавателя начальной военной подготовки фронтовика Павла Захаровича Гордеева. Жену с дочуркой. Родные, близкие люди помогали ему в самые трудные минуты сохранить ясность ума, бодрость духа. Разве можно подвести тех, кого любил? Как тогда посмотрит им в глаза, когда вернется?

В том, что вернется, капитан Пугачев не сомневался никогда. Ему сопутствовала боевая удача, подкрепленная прочными навыками, обретенными в процессе учебы, в ратных буднях, собственным уже немалым командирским опытом. Главное, о чем помнил всегда Федор Иванович, — он отвечает за жизнь подчиненных. Потому в бою действовал дерзко, но предельно осмотрительно, бесстрашно, но не безрассудно. Доблесть солдата мерил по способности точно выпол-

нить приказ, не подвергать себя опасности больше, чем того требует ситуация.

Еще в родительском доме впитывал в себя будущий офицер, насколько почетна обязанность — Родину защищать. После разгрома милитаристской Японии отец, Иван Елисеевич, пришел домой с орденом Красной Звезды и двумя медалями. В 1985 году ему, ветерану, вручили в военкомате орден Отечественной войны II степени. А у сына Федора к тому времени было за плечами десять лет офицерской службы, из них два года — на горячей афганской земле. Уже без малого полтора года носил тогда майор Федор Иванович Пугачев высокое звание Героя Советского Союза.

Его судьба определилась не сразу. В школьные годы внезапно пристрастился к охоте. Любовь к родному краю Федор связывает именно с этим занятием. Открывая лесные тайны, не боялся забираться в самую глушь, где разумом и душою постигал природу. Одновременно развивал выносливость и осмотрительность, наблюдательность и умение по едва заметным приметам разгадывать секреты леса. В будущем видел себя лесником или егерем. Заносил в тетрадь интересные наблюдения, загорелся даже идеей когда-нибудь написать книгу об охотничьих приключениях. Но...

Приехал в отпуск сосед Иван Шендрик — курсант военного училища. Его рассказы, новенькая красивая форма буквально покорили Федора. Юноша всерьез увлекся художественной, военной и военно-мемуарной литературой. Его настольными книгами стали «Как закалялась сталь» Н. Островского, воспоминания Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Прославленные полководцы Великой Отечественной войны вызывали в нем восхищение. Их умение добиться победы малой кровью, отеческая забота о подчиненных пришлились по душе юноше, с детских лет полюбившему не только родную землю, но и замечательных людей, которые трудились на ней, самоотверженно ее защищали. Единственным в семье избрал Федор профессию кадрового военного.

Пройдут годы. И вот уже Пугачев — выпускник Ташкентского военного танкового училища. Лейтенант, коммунист, командир танкового взвода, один из немногих, кого сразу аттестовали на должность ротного командира.

К молодому офицеру приехала жена. Невестой Аня ждала его долгие четыре года. Скоро опять наступила разлука — Федора перевели к новому месту службы, где он возглавил роту. Радовался Пугачев, когда семья наконец-то собралась вместе. Тем более теперь у них подрастала светловолосая Оксана. Только обжились, благоустроились — очередное назначение. Осенью 1981 года капитана Пугачева направили в ограниченный контингент советских войск в Демократической Республике Афганистан.

Первые дни на афганской земле запомнились непривычно теплой для поздней осени погодой, рассказами сослуживцев, уже испытавших накал схваток с бандитами, да еще тем, что на сборном пункте перед отбоем предупредили: услышите ночью стрельбу — не волнуйтесь, дело, мол, обычное. В отделе кадров полковник, пожимая после беседы ему руку, заметил:

— Трудно здесь. Но вы не робейте. Желаю удачи.

Пугачев принял разведроту. Быстро наладились деловые, товарищеские отношения с ближайшими помощниками — командиром взвода старшим лейтенантом Алексеем Матвеевым и старшиной роты прапорщиком Юрием Сидоровым. Оба коммунисты, имели немалый боевой опыт. Федор не считал для себя зазорным советоваться с подчиненными, подчас учиться у них.

Командир взвода Матвеев, высокий, сильный, отличался твердым нравом, требовательностью. Вместе с тем искренней заботой о воинах заслужил их уважение. Его любили настолько, что даже подражали жестам, манере говорить, держаться.

Ни внешностью, ни характером не походил на Матвеева старшина роты Сидоров. Светловолосый, среднего роста крепыш, человек темпераментный, даже горячий. Словоохотливость сочеталась у него с исключительной исполнительностью, добросовестностью. Он поистине душой болел за дело, болел всерьез, не ради показухи.

Вскоре Пугачев отправился на свое первое боевое задание. Роте поручили обезвредить банду, засевшую в горном селении и преграждавшую путь колонне афганских автомашин.

Скрытно заняли позиции так, чтобы воспрепятствовать отходу душманов. Тем временем боевые машины пехоты, совершив марш, внезапно атаковали против-

ника. Стремительным натиском наши воины вынудили врагов искать спасения в горах, где их встретил плотный огонь. Бой постепенно угас. Дорога была свободна.

Эта победа вызвала у капитана Пугачева смешанные чувства радости и волнения. Его удивляло, почему успех не пробудил у разведчиков никаких эмоций. Неужели настолько огрубели сердца совсем еще молодых ребят?

Как нельзя кстати попался на глаза прапорщик Сидоров. Вот с кем можно без стеснения поделиться своими сомнениями: непринужденностью общения старшина невольно привлекал к себе людей.

Сидоров внимательно выслушал Федора Ивановича. Ответить, однако, не успел — поблизости прогремел одинокий выстрел.

Предательская вражеская пуля оборвала жизнь коммуниста, кавалера ордена Красной Звезды старшего лейтенанта Алексея Матвеева. Смертельно раненный офицер в тот же день скончался в полевом госпитале. Когда его, еще живого, бережно несли на плащ-палатке к вертолету, солдаты, всего несколько минут назад такие невозмутимые, плакали, не пряча слез...

Постепенно, день за днем, в напряженных боевых буднях накапливал Пугачев опыт, малейший промах подвергал скрупулезному анализу. О разведроте и ее командире заговорили далеко за пределами части. Правда, мало кто из других подразделений знал Пугачева в лицо: большую часть времени проводил Федор Иванович вдали от гарнизона, выполняя ответственные, полные опасностей задания. Всякий раз старался как можно меньше рисковать жизнью подчиненных.

Высокая выучка воинов, тщательный подбор младших командиров, умело организованное взаимодействие и взаимопомощь в каждом отделении, взводе, точное, конкретное разъяснение боевого приказа, всесторонне продуманное оптимальное распределение сил роты — вот что способствовало успеху. И еще: на марше или в рейде, в засаде или в бою с численно превосходящим противником командир роты всегда служил образцом для подчиненных. Сто двадцать два боевых задания на его счету. Нередко неделями без сна и отдыха действовали разведчики.

А первая половина того памятного осеннего дня прошла относительно спокойно...

После обеда Пугачев поспешил в канцелярию роты: еще утром решил написать родителям и жене. В его распоряжении имелось полчаса свободного времени.

Что успеешь рассказать за полчаса? Сообщил, что к концу службы в Афганистане попал в спокойное место, где, дескать, даже надоело отдыхать. Машинально подперев ладонью подбородок, потрогав впалые щеки, добавил: «Поправляюсь, как в санатории. Сегодня поменял форму. Мой размер мне уже тесен».

Это была полуправда. Форму он действительно менял. Старая, полинявшая от пота, горячего солнца, порядком поизносилась. К тому же Федор Иванович заметно похудел. Лишь усы да хитроватая улыбка на осунувшемся загорелом лице остались прежними. Брюки и куртка, которые когда-то ладно сидели на его крепкой фигуре, вдруг сморщились многочисленными складками. И тогда капитан решил взять форму меньшего размера, по фигуре.

В канцелярии роты зазвонил полевой телефон: срочно вызывали в штаб. Опыт и интуиция подсказывали, что наверняка последует новое боевое задание. Потому уже на ходу обдумывал, кому какие отдать распоряжения. Попутно заглянул в парк боевых машин, попросил техника роты прапорщика Заеца:

— Все машины проверь лично. Настрой людей на марш.

— Понял.

Возле БМП командира роты хлопотал механик-водитель рядовой Готлиб Кноль, которого товарищи дружески именовали Костей. Не отличавшийся ни ростом, ни могучим телосложением, Готлиб пользовался всеобщим уважением за отличное содержание и эксплуатацию техники. Не беда, что «наращивал» для себя сиденье чем придется, — это никогда не являлось поводом для острот, подначек.

О каждом своем подчиненном Пугачев знал, как зовут, откуда родом. Увидев сосредоточенное лицо Готлиба, с улыбкой заинтересовался:

— Что случилось, Костя?

Солдат от волнения сглотнул, острый кадык на его тонкой шее дрогнул.

— Надо срочно готовиться к маршу, товарищ капитан, а я, как назло, в двигатель залез...

Кнюль частенько ловил себя на том, что относится к командиру с таким же почтением, как к отцу. Это выражалось в его безупречной службе, неизменном горячем стремлении оперативно, точно выполнить любое распоряжение. И не желал Готлиб награды выше, чем похвала командира. Вот и сейчас, ободренный доверительным обращением офицера, твердо пообещал быстро закончить работу.

Самым надежным способом испытать человека на крепость духа Пугачев считал бой, точнее, два боя. В первом даже смелый, неплохо овладевший военной специальностью солдат может растеряться. Если все повторится во втором бою, надежный разведчик из него вряд ли получится. Федор Иванович очень тщательно сам подбирал подчиненных. Наглядное тому свидетельство — все воины разведроты Пугачева возвратились домой с боевыми наградами, завершив службу там, где победа достигалась нередко на грани жизни и смерти.

...В штабе полковник жестом пригласил капитана подойти к столу, на котором была расстелена карта. Показал:

— Здесь подразделение афганской армии блокировало душманов. Они, очевидно, вызвали подкрепление — другая, более многочисленная банда окружила афганских воинов. Там идет бой. Силы неравные. Все зависит от того, насколько быстро сумеете вы прийти на помощь. Ваша задача: совершить марш, атаковать противника, деблокировать афганское подразделение.

Пугачев хорошо знал эту местность и этот кишлак. «Слоеный пирог», — подумал он, оценив ситуацию.

— Тут, у моста, — продолжал полковник объяснять обстановку по карте, — вас будет ждать подразделение афганской армии. Свернете с дороги и по долине реки выйдете на подступы к кишлаку. Все ясно?

— Так точно!

По дороге в расположение роты, взвесив все «за» и «против», Пугачев мысленно прикинул план действий. В первую очередь нужно посоветоваться с начальником разведки полка майором А. Пивтораком, с какого края лучше браться за «пирог».

Замысел командира роты сводился к тому, чтобы на максимальной скорости проскочить долину реки, с

ходу развернуться в боевой порядок. Пока часть роты огнем и маневром отвлечет внимание врагов, основные силы и десант атакуют их с другой стороны.

Особенно много опасностей таил в себе маршрут по долине реки. Песчаный грунт, узость долины лишали воинов возможности быстрого маневра. Почти вплотную к реке подступали скалы, на противоположном берегу — густые заросли. Устроят душманы там засаду — будут стрелять практически в упор, оставаясь сами неуязвимыми. К тому же день ветреный, и, даже если удастся беспрепятственно миновать долину, пыль, поднятая боевыми машинами, обгонит колонну, предупредит противника о ее приближении.

Вот этими соображениями Пугачев поделился с майором Пивтораком. Не умолчал и о своих опасениях.

— Да... — Начальник разведки полка чуть помедлил. — С чего думаешь начинать? Давай конкретно, с обоснованием.

Пугачев говорил, как всегда, немногословно:

— Первое — времени на предварительную разведку маршрута нет. Поэтому высылаю усиленный дозор — две машины...

Полностью изложив свой план, Федор Иванович вопросительно посмотрел на Пивторака. Тот одобрительно кивнул:

— Мне добавить нечего. Впрочем, есть одна просьба: будь предельно осторожен на маршруте. Не нравится мне он. Но выбирать не приходится. Словом, осторожность, осмотрительность — вот твой девиз. И мой, если хочешь, наказ.

— Ничего, — улыбнулся в ответ Пугачев. — На то мы и разведчики, чтобы из огня да в полымя.

Что означала последняя фраза, оба хорошо понимали.

Начальника разведки полка связывали с командиром разведроты не только служебные отношения. В трудностях и лишениях совместной службы в Афганистане родилась, закалилась их дружба. Пивторак не упускал удобного случая отправиться с ротой Пугачева на задание. Осуждая неоправданный риск в бою, оба демонстрировали высокое мастерство, подлинное мужество, инициативу.

...Колонна двинулась в путь. Возле моста ее поджидало подразделение афганской армии — человек

пятьдесят пехотинцев с офицером. Через переводчика командир разведроты уточнил с ним порядок дальнейших действий. Афганские солдаты разместились кто в машинах, кто на броне. Офицеру Пугачев предложил занять место в десантном отделении, но тот отказался. Пояснил:

— Солдаты должны видеть своего командира, это укрепляет их веру в успех.

БМП по очереди спустились в долину реки. Дозор сразу же пошел вперед, за ним — главные силы. На вязком сухом песке натужно ревели двигатели. Сидя на броне, Пугачев и черноусый афганский командир вместе с солдатами напряженно вглядывались в сулившую неожиданности зеленую чащу. Молчание в те тревожные минуты сближало их крепче самой душевной беседы. Оба чувствовали дружеское расположение друг к другу — в преддверии боя это уже немало.

Колонна приближалась к излучине реки. До выхода из долины, которая здесь чуть расширялась, — считанные километры. К Пугачеву вдруг повернулся механик-водитель, хотел что-то сказать, но в тот же момент ослепительная вспышка погрузила офицера в забытие.

Очнулся Федор Иванович от неприятного ощущения: кто-то тянул его за голову. Открыв глаза, увидел высокое небо, возбужденное лицо санинструктора сержанта Куцего, пытавшегося сорвать с командира шлемофон. Сгоряча сержант не обратил внимания на туго застегнутый ремешок ларингофонов.

— Что ты делаешь, Боря? Ты же меня задушишь, — негромко, но внятно произнес Пугачев.

— Так ведь слышите, как стреляют, товарищ капитан! А шлемофон на песке хорошо заметен, — от волнения скороговоркой выпалил сержант.

Куцый оттащил офицера к реке. Вокруг кипел бой. Боевые машины, афганские солдаты и наши разведчики, залегшие вдоль кромки левого берега, вели огонь по кустам, откуда палили враги из пулеметов, автоматов, винтовок. Объятая пламенем командирская БМП медленно катилась по песку вперед в сторону от колонны.

Пугачев пошарил около себя правой рукой, но не нащупал ничего, кроме обжигавшего, раскаленного на солнце песка.

— Где мой автомат? — спросил сержанта.

— Не знаю, товарищ капитан. Его с вами не было.

— А афганский командир жив?

— Убит гранатой.

Метрах в двадцати от них стоял, слегка покачиваясь, Кноль — почему-то по пояс голый, без шлемофона, правое плечо и половина лица в крови.

Из накладных карманов на брюках Федор Иванович вынул два индивидуальных пакета, отдал Куцему:

— Помоги Косте, он ранен.

— Сейчас, сейчас, товарищ капитан...

Сержант передвинул офицера в небольшое углубление, в котором ноги Пугачева по самые бедра очутились в воде.

— Как себя чувствуете, товарищ капитан?

— Теперь совсем хорошо, — ответил Федор Иванович, ощутив приятную прохладу. — Помоги Косте.

— Сейчас, сейчас, — торопливо повторил Куцый и пополз к Кнолю.

Все тело Пугачева ныло, в голове звенело. Он попытался включить портативную радиостанцию, которая висела у него на боку, но вскоре понял, что рация безнадежно повреждена. Оставалось ждать возвращения сержанта. С трудом перевернувшись на живот, Пугачев не отрывал взгляд от долины.

Подожженная БМП командира наполовину съехала в реку, задрав корму. Рядом таскали ведрами воду и лили ее на машину техник роты прапорщик Заец с двумя бойцами, заслоненные корпусом другой БМП. В густом облаке дыма и пара языки огня уже исчезли.

«Молодец Миша», — подумал Пугачев о технике роты.

Боль усиливалась. Сжав зубы, Федор Иванович приподнял ноги из мутной воды. Брюки во многих местах порваны, в бурях разводах.

Вернулся сержант Куцый.

— Что с Костей? — спросил командир.

— Ранен в плечо и голову.

— Перевязал?

— Да.

— Теперь давай меня.

Куцый виновато опустил голову:

— У меня нет больше индивидуальных пакетов.

— Ладно, потерплю, — постарался улыбкой успо-

коить воина Федор Иванович. — Вызови ближайшую к нам машину.

— Слушаюсь, товарищ командир.

Выполнить приказание сержант не успел: совсем рядом просвистели пули.

Тем временем невдалеке, качнувшись, остановилась БМП. Из машины бросились к Пугачеву прапорщик Шафарук с солдатом, но тут же замерли от резкого окрика офицера:

— Назад! Куда под пули лезете?!

По многим признакам Пугачев понял, что место, где он лежит, пристреляно. Нужно срочно сменить позицию, которая к тому же не позволяла ему видеть все машины роты. Вот если бы переправиться на противоположный берег — оттуда из ложбинки за небольшим холмиком должна открываться, по его расчетам, панорама боя в полном объеме.

— Старшина! — позвал офицер. — Индивидуальные пакеты есть?

— Есть, все есть, товарищ капитан! — донесся сквозь грохот боя ответ.

— Бросай сюда!

На песок шлепнулись два перевязочных пакета. Пугачев засунул их в карманы, повернул голову к сержанту Куцему:

— Боря, раздобудь у старшины радиостанцию и автомат. Ложбину на том берегу видишь?

— Вижу, товарищ капитан.

— Жду тебя там.

— Товарищ капитан, так вас же ранило.

— Ничего, доберусь. Мы еще попляшем на твоей свадьбе. А теперь — вперед! Только аккуратно. И скажи старшине, чтобы вывел отсюда машину. Незачем внимание привлекать.

Сержант отполз, а потом броском преодолел опасный участок. Возле места, откуда он сделал рывок, запоздало взметнулись фонтанчики пыли.

До противоположного берега — метров шесть, не больше, еще около десяти метров — до заветной ложбины. Река неглубокая, не будь он ранен, перемахнул бы ее в считанные секунды.

Все долгие минуты, пока двигался через реку, Пугачев служил хорошей мишенью для врагов: рядом свистели пули, каждая из которых предназначалась именно ему. Несколько раз нырял в мутную воду, за-

держивая дыхание. Едва выкарабкался на берег, рухнул почти без сил. После короткой передышки чуть отполз в сторону, вытер рукавом перепачканное лицо. Разорвав индивидуальные пакеты, сделал себе перевязку прямо поверх брюк.

Вскоре появился Куций. Сержант принес радиостанцию, автомат, переложил из карманов на песок гранаты.

Сквозь треск в эфире Пугачев различил, как командир взвода пытается сообщить в штаб, что ротный тяжело ранен. Тут же прервал его:

— Отставить «тяжело ранен»! Слушай мою команду...

Бой продолжался до самого вечера. Когда стрельба утихла, Пугачеву удалось наконец выйти на связь. Доложив обстановку, получил распоряжение возвращаться в гарнизон.

В части Федор Иванович прежде всего справился о судьбе афганского подразделения, к которому его рота спешила на выручку. К радости своей, узнал, что бой в долине реки вынудил душманов выслать к засаде подкрепление. Удобным для себя моментом воспользовался командир заблокированного афганского подразделения — вырвался из окружения. В результате рота Пугачева, отвлекая силы противника, свою основную задачу выполнила.

...Среднего роста, в плечах неширок, лукаво прищуренные глаза глядят с живым интересом, в усах прячется улыбка. Смотрю на Федора Ивановича и невольно ищу в его лице следы лишений, тревог, смертельной опасности, неоднократно подстерегавшей командира разведроты с его подчиненными при выполнении интернационального долга. Ищу и не нахожу...

ИСПЫТАНИЕ

Капитан Сергей Викторович Филипченков родился в 1960 году в пос. Бородинский Киреевского района Тульской области в семье шахтера. После окончания средней школы поступил в Саратовское высшее военное авиационное училище летчиков, которое окончил в 1981 году. Служил в Группе советских войск в Германии, в составе ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан.

С. В. Филипченков удостоен звания Героя Советского Союза, награжден орденами Ленина и Красной Звезды.

В настоящее время — командир вертолетного звена в Белорусском военном округе.

Винтокрылая машина шла рывками, отклоняясь от курса. Так летит домой, в родное гнездо, раненая птица — из последних сил, припадая на подбитое крыло.

На аэродроме, расположенном у подножия гор, все напряженно следили за идущим на посадку вертолетом, ловили каждое слово диалога земли с небом. Тревожное ожидание достигло апогея, когда летчик доложил, что не выпускается шасси.

...Для экипажа капитана Сергея Филипченкова день начался удачно: поддерживая боевые действия афганских воинов, вертолетчики подавили две душманские огневые точки. На аэродром вернулись с хорошим настроением. Командир поздравил экипаж, особо отметил действия летчика-оператора старшего

лейтенанта Александра Миронова, первой же очередью уничтожившего расчет крупнокалиберного пулемета.

Отдыхали здесь же, у вертолетов, готовые к выполнению новых заданий. Приказ не заставил себя ждать — требовалось вывезти раненых афганских воинов.

В указанный район прибыли без приключений. Пока товарищи забирали раненых, майор Кадыров и Филиппченков прикрывали их с воздуха.

— Справа, на склоне, — душманы, — сообщил ведущий. — Наблюдаете?

— Наблюдаю, — отозвался Филиппченков. — На склоне и на вершине.

— Атакуем. Ваша цель — справа.

Будто связанные невидимыми нитями, вертолеты, развернувшись, устремились в атаку. Вновь потянулись вверх, навстречу винтокрылым машинам, пулеметные очереди. Огонь в лицо. Это страшно. Невыносимо. Но надо преодолеть себя. Надо победить.

Машины — в пике. Несутся к скалам ракеты и свинцовые трассы. Один заход. Второй. И вдруг слева — мощный взрыв. Вертолет встряхнуло так, будто он ударился при посадке о землю. В кабине Филиппченкова гарь, куски искореженного металла. Вышли из строя приборы указателей высоты и скорости, отказали насосы топливной системы, перебиты жгуты электропитания. Сто тридцать две пробоины насчитают потом в кабине вертолета.

Взрыв откинул Сергея назад, втиснул в кресло. В глазах потемнело. Трудно стало дышать. Машина словно катилась по ухабистой дороге — так ее бросало.

На мгновение Филиппченков выпустил ручку управления. Но уже в следующий миг с силой потянул ее на себя. Ручка не поддавалась.

— Саша, Саша, помоги! Слышишь?

В ответ — молчание. Уже на земле определяют, что старший лейтенант Миронов погиб сразу — большинство осколков попало в кабину. А вертолет неумолимо тащило вниз, и, казалось, его уже не выровнять.

...Говорят, в экстремальной ситуации перед человеком проносится вся его жизнь. Было ли так с Филиппченковым, он не помнит. Достоверно лишь одно — день за днем, шаг за шагом Сергей готовил себя к труднейшим испытаниям, к подвигу. Вслушал: в кри-

тический момент должен проявить твердость духа, решимость, высокое летное мастерство.

О небе Сергей мечтал с детства. Еще в школе перечитал все книги о летчиках, какие только находил в местной библиотеке. Интересовался повседневной жизнью героев, искал в ней то, что можно и нужно воспитать в себе. Понимал: небо слабых не любит. Когда окончил среднюю школу, сомнений не было — только в военное, летное.

В семье Филипченковых ценили любую профессию. И мать, Анна Егоровна, и отец, Виктор Иванович, прививали сыновьям любовь к труду, с детства приучали к трудностям. Виктор Иванович, более двадцати лет добросовестно проработавший проходчиком в шахте «Бородинская», отличался скромностью, не чурался любых черновых дел. Такими же росли сыновья, Иван и Сергей, всегда готовые прийти людям на помощь.

А самой почетной считалась в семье Филипченковых профессия защитника Родины. Способствовал тому дед, Иван Васильевич, фронтовой сапер. Сергей любил, когда вечером, после всех трудов и забот, дед садился на диван, начинал вспоминать бои, в которых участвовал. Слушая его рассказы о мужестве и героизме советских солдат в битве с фашистами, внук представлял себя то в танке, мчавшемся навстречу лавине огня, то артиллеристом в поединке с гитлеровским «тигром». Или сапером, прокладывавшим, как дед, под пулеметным ливнем путь в минном поле разведчикам.

Но чаще всего видел себя в кабине самолета — краснопозвездного истребителя. Вот он сражается с фашистскими стервятниками. — не на жизнь, а на смерть. Один против десяти. Кончается боезапас — и «ястребок» идет на таран...

Дед поддержал внука:

— Молодец! Только помни, Сережа, военная служба не для слабых. Закаляй характер, чтобы испытания не застигли тебя врасплох.

Отец в душе надеялся, что уж младший-то пойдет по его, шахтера, стопам. Когда сын объявил о своем решении, Виктор Иванович недовольно крикнул. Однако не отговаривал:

— Хлеб ты выбираешь нелегкий, сын. Потяжелее нашего будет, шахтерского. Простых путей не ищешь, это хорошо.

Лишь Анна Егоровна воспротивилась, запричитала:
— Не пущу! Пусть лучше в инженеры идет. Склонности у него к точным наукам. Армия — это же дисциплина... Трудно там...

— Ну, мать, заладила: трудно, дисциплина... — Виктор Иванович поднялся из-за стола. — Хватит! Кому в армии служить, как не мужчинам?

— Кто с нами-то останется? — не успокаивалась Анна Егоровна. — Иван уже вылетел из родительского гнезда. Теперь Сережа. Поди на край света потом умчится?

— Может, и на край света, — улыбнулся Сергей. Подошел, обнял мать. — В гости буду приезжать, мама. С женой, детьми...

— Утешил. — Из глаз Анны Егоровны покатались слезы. — Вот у наших соседей сын — офицер. Часто они его видят? Ну, да что с тобой поделывать...

Так закончился тогда недолгий, запомнившийся Сергею на всю жизнь семейный совет Филипченковых.

В тот день еще один разговор имел самое непосредственное отношение к дальнейшей судьбе будущего офицера.

...Подполковник усадил Сергея за стол, напротив себя, перелистал тоненькую папку — личное дело абитуриента в военное училище, спросил:

— Так в какое училище думаете поступать?

— Что ж тут думать? Все давно определено — в авиационное, летное.

— Говорите, в летное? И конечно, в истребители?

— В истребители.

— А мы предлагаем — вертолетное училище.

— Вертолетное?! — Брови Сергея удивленно поползли вверх. — Стрекозой управлять?

— Вертолетчики — тоже профессия мужественных. — Подполковник будто не расслышал последних слов Филипченкова. — Поэтому и предлагаем вам. Уверен, не пожалеете.

Уже курсантом Саратовского высшего военного авиационного училища летчиков убедился Филипченков в правоте военкома. Полюбилась ему винтокрылая машина, не мыслит себя без нее. Если бы начинать сначала, говорил он мне, без колебаний повторил бы тот же путь.

В училище, которое Сергей окончил в 1981 году, его заметили сразу. Именно тогда в служебных ха-

рактеристиках Филипченкова отмечаются отличная техника пилотирования, умение грамотно действовать в сложной воздушной обстановке, смелость при выполнении полетных заданий, выдержка, хладнокровие, упорство в достижении цели.

Как одному из лучших выпускников Сергею предложили должность инструктора в училище. Отказался. Только в боевую часть, где каждый день — полеты.

Первые шаги в офицерской службе Филипченков сделал в Группе советских войск в Германии, куда приехал вместе с однокурсниками — Петром Росляковым, Александром Сердюковым, Николаем Авдеевым. Лейтенантам не терпелось скорее в небо, а пришлось осваивать на земле новую для них машину.

— Успеете еще, — охлаждал пыл своих питомцев командир звена капитан Вакулин. — Всею свое время. Подкуем вас теоретически, потренируемся в кабине, сдадите зачеты — и, пожалуйста, в небо. Одно прошу запомнить: отлично знать авиатехнику для летчика не менее важно, чем отлично летать.

Капитана Владимира Андреевича Вакулина, военного летчика 1-го класса, требовательного, талантливого инструктора, в полку называли авиационной ходячей энциклопедией — инструкции и наставления помнил назубок. К подчиненным предъявлял такие же требования. Под его началом молодые офицеры быстро становились на крыло, уверенно начинали восхождение к вершинам летного мастерства.

Командир звена на первых порах не приглянулся лейтенантам.

— Сухарь какой-то, — кипятился Росляков. — «Учите инструкции»!.. Четыре года учили.

— Не торопись с выводами, — урезонивал товарища Филипченков. — Сразу и сухарь. А мне капитан нравится. Спокойный, не придирается по пустякам. Летчик отменный. Нам до него... Так что учите инструкции. Полетать действительно еще успеем.

С мнением Сергея друзья считались. Наверное, сыграло роль то, что он лучше других знал материальную часть машины, летал чище, увереннее. Отличался усидчивостью, желанием до всего дойти своим умом. Говорил обычно мало, но конкретно, убедительно.

— Работать с Филипченковым было приятно, — вспоминает капитан Вакулин. — К учебе Сергей относился серьезно, занимался охотно. Все схватывал на

лету. Покажешь какой-либо маневр — скопирует один к одному. Любил, когда подбрасывали ему задачки, над которыми требовалось поломать голову. Неудачи, если случались, не выбивали его из седла, наоборот, побуждали трудиться еще упорнее.

Поначалу Филипченков допускал ошибки при посадке. Переживал очень, места себе не находил. Не давал покоя своему командиру экипажа капитану Егорову, командиру звена. Занимался на специальном тренажере каждую свободную минуту до тех пор, пока не добился безупречного приземления.

На «смотрины» — в первый свой полет в полку — Сергей шел безоблачным ясным днем вместе с Вакулиным. Волновался, конечно. Ведь это своеобразная визитная карточка его летного почерка. Одну за другой выполнил необходимые операции. Вакулин молчал.

Последний разворот, и через несколько минут — взлетно-посадочная полоса. Шасси плавно коснулось бетонки.

Летчики выбрались из кабины.

— Ждете замечаний? — улыбнулся капитан Сергею. — Их не будет. На первый раз неплохо. Так держать!

В эскадрилье у Филипченкова сложились ровные, доброжелательные отношения со всеми сослуживцами, к его слову прислушивались. Не случайно спустя год он возглавил комсомольскую организацию.

— Уважали Сергея комсомольцы, — говорил мне заместитель командира эскадрильи по политчасти майор М. Кадыров. — Его авторитет был непререкаем. Знали: если что задумал, обязательно доведет до логического конца. Пообещает — выполнит, невзирая на любые трудности.

Нелегко совмещать каждодневные полеты с обширными обязанностями комсомольского вожака. Филипченков делал все вроде бы не спеша, зато добротнo, ни один вопрос не ускользал из поля его зрения. Под влиянием Сергея комсомольцы эскадрильи стали инициативнее, зубастее. Активно вмешивались в жизнь коллектива, в ход боевой учебы, являлись надежными помощниками командира.

Уверенно совершенствовал Филипченков и профессиональные навыки. Через год — летчик 3-го класса, командир боевой машины. Его экипаж неизменно демонстрировал хорошую слетанность, мастерство. Одна-

ко авиаторы не успокаивались: равняясь на командира, осваивали новые приемы боевого применения, пополняли знания. Будто предвидели, что самое трудное у них впереди.

Время такое пришло, когда экипаж, в котором служил старший лейтенант Филипченков, направили в ограниченный контингент советских войск в Афганистане. Все, что освоили, приобрели авиаторы в учебных буднях, теперь подвергалось испытанию в трудных условиях.

Небо Афганистана... Сколько опасных неожиданностей подстерегало в нем! В любую минуту оно могло взорваться кровавым сполохом ракеты, огненным росчерком пулеметной очереди.

Не так уж редко вертолетчики поддерживали с воздуха афганских воинов, вывозили раненых, подавляли душманские огневые точки. Чуть не на брюхе ползали по горам, выкуривая бандитов из нор.

Одной из лучших считалась пара Ермаков — Филипченков. Капитан Виктор Ермаков — ведущий, Филипченков — ведомый. Офицеры понимали друг друга с полуслова, быстро, точно оценивали воздушную ситуацию, что не раз выручало их в бою.

Надолго запомнился в части случай, когда Филипченков спас экипаж своего ведущего от верной гибели. Вертолеты прикрывали над площадкой высадку афганских десантников. Откуда-то сбоку, из-за скал, ударили вражеские пулеметы. Машина Ермакова, в которой заклинило управление, попала «в подхват» — зависла на одном месте, превратилась в мишень для бандитов. Все решали секунды. Их хватило Сергею, чтобы бросить свой вертолет в крутое пикирование, заслонить командира. Пока душманы, поворачивая пулеметы, переносили огонь на него, экипаж Филипченкова успел уничтожить две их огневые точки. А Ермаков тем временем вывел машину из-под обстрела.

— Как летал Филипченков? — Командир эскадрильи подполковник Алексей Афанасьевич Чумаков, налетавший в Афганистане около двух тысяч часов, на секунду задумывается. — Если сказать одним словом — мастерски. Большей частью — на ракеты и пулеметы, где требовались смелость, хладнокровие, чтобы не свернуть с выбранного курса, победить. Не случайно мятежники боялись нас, называли шайтан-арба.

Пара Ермаков — Филипченков летала даже там, где, казалось, вот-вот заденешь лопастями каменные скалы.

Однажды сопровождали они колонну наших войск. Шли низко, у самых гор. Вдруг впереди что-то блеснуло в лучах солнца. Вертолетчики сделали круг — ничего. Поскольку времени в обрез, продолжали идти по маршруту. Но мысль, что, возможно, проглядели огневую точку противника, не давала им покоя. На обратном курсе вновь задержались там, усилили наблюдение. Обнаружили-таки вражескую реактивную установку, уничтожили ее. Глазастые парни. За короткий срок после приезда в Афганистан ликвидировали больше десятка бандитских огневых точек. Орден Красной Звезды Ермаков с Филипченковым получили одними из первых.

Умели авиаторы и отдохнуть хорошо после напряженных полетов. С Сергеем поселились семь человек — молодые офицеры и прапорщики. Самому старшему, капитану Александру Бондаренко, чуть за тридцать, самому младшему, старшему лейтенанту Александру Миронову, только что исполнилось двадцать два. Сдружились быстро. Вместе ходили в кино, играли в теннис. Переоборудовали комнату по схеме Филипченкова — стало удобнее, уютнее. Почти всегда здесь собиралось много народу. На Новый год нарядили елку. На нее приходили смотреть, как на диковинку, удивлялись, откуда взяли. Выяснилось — подарок Филипченкову и Ермакову от мотострелков в знак признательности за боевую поддержку.

Внимательно слушаю рассказ Филипченкова о самых обыкновенных вещах: о погоде, горах, растительности. О том, как летчики отмечали дни рождения, устраивали чемпионаты по нардам и теннису. Вспоминая забавные происшествия с товарищами, Сергей разразительно смеялся.

Но едва я переключал разговор на боевые дела, улыбка исчезала с лица моего собеседника. В Афганистане Филипченков потерял боевого товарища, друга. До сих пор не утихает боль. С Александром Мироновым Сергей летал в одном экипаже. Почти ровесники, они во многом были похожи: характерами, влюбленностью в свою профессию, отзывчивостью, добротой...

Каждый эпизод в афганском небе, скупо обрисованный Филипченковым, подтверждал: полеты в горах

требуют высочайшего мастерства, хладнокровия, интуиции.

Интуицию Сергея хочется выделить особо.

...В тот день пара Багонин — Филипченков выполняла обычное задание — поддерживала с воздуха войнов афганской армии, окруживших душманскую банду. Совершили три вылета — один за другим, приземляясь лишь для того, чтобы заправиться горючим, пополнить боеприпасы. Утюжили небо у самых гор, засекали огневые точки, тщательно замаскированные душманами в складках местности, поливали их пулеметным и ракетным огнем.

На аэродром возвратились уже в сумерках. Комэск разрешил отдыхать. Однако не успели офицеры умыться, как их опять пригласили к командиру.

— Из Пакистана пересек границу караван с оружием для душманов. В этом районе, — подполковник Чумаков отметил точку на карте, — вы уже летали. Потому вас и посылаю. Понимаю, устали. Но надо.

Слово «надо» для Филипченкова звучало и приказом, и призывом совести. Надо — и он взваливал на свои плечи ношу потяжелее. Надо — перешел в другой, слабее, экипаж для его усиления. Надо — все свободное время оформлял наглядную агитацию на территории временного военного городка.

Словно фантастические птицы, парили вертолеты над горами, ощупывали, почти в буквальном смысле, горные склоны и ущелья, откуда, того и гляди, ударит душманский пулемет. Одно, другое... Ничего подозрительного. В третьем сразу же увидели караван. Около десятка верблюдов, навьюченных поклажей, отдыхали. Рядом — люди. Услышав шум вертолетов, дружески замахали поднятыми вверх руками.

— Дехкане. — В голосе капитана Багонина полутверждение, полувопрос.

— Какие-то странные, — усомнился Филипченков.

— Приветствуют для формы. Проверим.

Багонин сделал разворот, рванулся по ущелью в обратном направлении. Филипченков — за ним. Машины снизились, устремились прямо на караван. И нервы тех, внизу, не выдержали — воздух вспороли автоматные очереди.

— Молодец, Сергей! — воскликнул Багонин. — Атакуем!

Приземлились вертолетчики, когда почти совсем

стемнело. В пулеметных лентах — считанные патроны, в баках — почти пусто. Но главное — большая партия оружия не попала в руки бандитов. А это десятки, сотни спасенных жизней мирного населения.

В Афганистане Сергея принимали в члены КПСС. Одну из рекомендаций написал капитан Ермаков.

— Если бы мне предстояло идти в разведку, не колеблясь взял бы с собою Сергея, — твердо заявил офицер на собрании. — Надежен, смел, решителен. Убедился в совместных полетах. Верю, наша парторганизация в лице Филипченкова пополнится настоящим бойцом. Краснеть за него не придется.

С мнением Ермакова единодушно согласились коммунисты эскадрильи.

Боевые товарищи, с которыми Сергей служил в Группе советских войск в Германии, Афганистане, Белорусском военном округе — подполковник В. Колчинов, капитан В. Ермаков, старший лейтенант Н. Иванов, — говорили мне, что Филипченков рожден для неба. Не дрогнет в самой опасной ситуации. Когда я передал их отзывы Сергею, он смущенно поправил:

— Заслуга в этом не моя. Просто мне везло на хороших учителей.

Да, на учителей Филипченкову действительно везло. Филигранной техникой пилотирования, точным расчетом, хладнокровием молодой офицер во многом обязан инструкторам в училище — майору Юрию Саркисовичу Казаджянсу, лейтенанту Анатолию Хамицкому, своему первому командиру звена капитану Владимиру Вакулину.

Помогая воинам афганской армии, Филипченков совершил около четырехсот боевых вылетов. И каждый — труднейшее испытание под огнем врага на мастерство, мужество, стойкость. По свидетельству сослуживцев, Сергей ни разу не вернулся с невыполненным заданием...

Осенью 1985 года капитан Филипченков приехал в очередной отпуск на родину. Как всегда, наведаясь в школу, где учился, встретился с ребятами, которые забросали его вопросами, — ведь перед ними летчик, имеющий боевой опыт, награжденный орденом Красной Звезды. Школьников интересовало все: правила поступления в военное училище, жизнь афганцев, не страшно ли летать. А один десятиклассник с непокорным чубом-ежигом задорно полюбопытствовал:

— Как стать Героем Советского Союза?

— Честно выполнять воинский долг перед Родиной, — без промедления ответил Сергей.

Не думал, конечно, тогда Филипченков, что всего через полгода и на его груди засияет Золотая Звезда Героя Советского Союза.

...Земля приближалась. Неимоверными усилиями Сергей сумел подать ручку управления на себя — вертолет выровнялся, начал набирать высоту.

— В чем дело? Доложите обстановку, — услышал Сергей голос ведущего — майора Кадырова.

Коротко сообщил о том, что случилось.

— Идем на аэродром! — распорядился Кадыров. — Буду вести.

От ущелья до аэродрома всего десять минут лета, которые для Филипченкова тянулись вечность. Вот наконец и площадка для посадки. Сергей нажал на кнопку — шасси не выпускалось.

— Катапультируйтесь! — приказала земля.

А как же Миронов? Если молчит, значит, ранен, без сознания. И бортовой техник? Разве можно бросить их в беде? Мысли о судьбе товарищей продиктовали решение:

— Буду приземляться.

— Разрешаю, — одобрила земля.

Вертолет медленно снижался. Из последних сил давил Филипченков на ручку управления, орудовал шаг-газом. Площадка исчезла в тучах желтой пыли, поднятых лопастями машины. Вертолет мягко опустился на брюхо.

Тут же подкатили санитарная машина, пожарная. Товарищи вытащили Сергея из кабины. Он отошел в сторону от вертолета, сел прямо на землю. И только теперь почувствовал свинцовую тяжесть во всем теле...

Мы беседуем в уютной квартире Филипченковых. Вероника Петровна, миловидная, обаятельная женщина, показывает мне семейные альбомы. Есть снимки и из Афганистана. По моей просьбе Сергей комментирует отдельные фотографии. Ему помогает четырехлетний Максимка:

— Это папа!

— Максим в отце души не чает, — улыбается Вероника Петровна. — Говорит, буду летчиком. Как папа.

Трехлетняя Светлана родилась, когда Филипчен-

ков находился в Афганистане. Сейчас сидит на коленях у отца. Тербит ручкой Золотую Звезду на его кителе.

Сергей охотно рассказывает о своей службе в ДРА, о боевых товарищах. Но почти не употребляет слов «мужество», «отвага», «героизм». Их мы прочитаем в личном деле Филипченкова: «За образцовое выполнение поставленных боевых задач, проявленные при этом мужество, героизм и исключительное самообладание в сложной критической обстановке при выполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Такие же слова писались когда-то на фронте в наградных листах на тех, кто отличился в боях с фашистскими захватчиками. По праву засияла Звезда Героя и на груди двадцатисемилетнего военного летчика 1-го класса коммуниста Сергея Филипченкова.

ТОЛЬКО ОДИН МИГ

Лейтенант Николай Анатольевич Кузнецов родился в 1962 году в с. Первая Питерка Моршанского района Тамбовской области. В 1979 году окончил Ленинградское суворовское военное училище, а затем Военное общевойсковое командное училище имени С. М. Кирова. По собственному желанию лейтенант Кузнецов был направлен для прохождения службы в одну из воинских частей в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Н. А. Кузнецов удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно).

Тот хмурый апрельский день теперь уже, видимо, никогда не уйдет из сердца и памяти Дарьи Дмитриевны Кузнецовой, жительницы села Первая Питерка, что на Тамбовщине. В совхозе «Моршанский», где она проработала всю свою жизнь, сажали картофель. Не хватало рук перебрать семенные клубни. В хранилище пришли пенсионерки. И конечно, семидесятилетняя баба Дарья, не привыкшая сидеть без дела.

К обеду вдруг появился военкоматовский уазик. Двое военных интересовались, где дом Кузнецовой. Вздрогнула Дарья Дмитриевна, выронила из рук лопату. С войны, с тех долгих жестоких четырех лет, когда терзалась душой за судьбу мужа Василия, простого пехотинца, прошедшего с боями от Москвы до Берлина, боялась женщина таких официальных встреч. Всегда с тревогой брала в руки солдатский треугольник — в страхе перед надвигавшейся бедой.

Тогда, к счастью, ей повезло. Хотя израненный, без ноги, вернулся домой фронтовик Василий Кузнецов.

А теперь страшное предчувствие не обмануло ее. Выслушала молча, войдя в избу.

— Ваш внук, Дарья Дмитриевна, лейтенант Кузнецов пал смертью героя на земле Афганистана. Он до конца выполнил свой воинский и интернациональный долг...

Подошла к столу, взяла фотографию своего Коли в новенькой лейтенантской форме, прижала к груди. Обвела печальным взглядом висевшие на стене пожелтевшие от времени снимки красноармейца Василия Михайловича, рано ушедших из жизни родителей Николая, которых ему со всей душевной щедростью простой русской женщины заменила она, бабушка. Посадила гостей за стол, попросила рассказать все, что знали о ее внуке.

Николай Кузнецов... Это имя хорошо известно всем советским людям. Бесстрашному советскому разведчику военных лет посвящены книги, кинофильмы. Подвиг лейтенанта Кузнецова, двадцатидвухлетнего командира взвода одного из подразделений ограниченного контингента советских войск в ДРА, достоин подвига его фронтового тезки. Ярко высвечивается преемственность героических традиций советского народа, верность советской молодежи, воинов Вооруженных Сил СССР Родине, народу, воинскому долгу.

Прекрасно помню места, где служил Николай Кузнецов. Когда я улетал в далекую горную провинцию, в штабе мне советовали:

— Обязательно побывайте в нашем мотострелковом батальоне. Смелые, отчаянные парни служат там. Недавно здорово отличились, попав в душманскую засаду. Выдержали трудную вооруженную схватку. И победили...

Наш небольшой транспортный Ан-26 быстро набрал высоту. Внизу — глухое каменное безмолвие глубокого ущелья, каньоны, темные ребристые горные отроги. Кое-где под крылом вдруг проплывет крохотная долина, упершаяся опять же в горы. Заблестят на солнце плоские белые крыши одинокого кишлака. Типичный афганский пейзаж...

В одной из таких узких небольших долин садимся. Долгожданная встреча с воинами-мотострелками. Городок небольшой, заботливо ухоженный. В казар-

мах и офицерском общежитии над кроватями — фотографии родителей, жен и невест, детей. Вернется воин на отдых после похода или с трудного задания, взглянет в дорогое лицо — потеплеет на душе. Вспомнятся отчий дом, родной край, далекие отсюда, где-то за вершинами Гиндукуша, российские просторы.

Но вот другие, так сказать, картины. С натуры. Жуткие, убийственные, предельно раскрывающие смысл твоей бескорыстной интернациональной миссии. Их видел лейтенант Кузнецов сперва по афганскому телевидению, потом — наяву. Мулла, застреленный во время молитвы в мечети близ древнего Герата. Девушки-лицеистки из Кабула, отравленные сильнодействующим ядом лишь за то, что решили получить образование и помогать народной власти. Противотанковая чужеземная мина, разорвавшая в клочья дехканскую повозку с многодетной семьей на выезде из торговой улицы Джелалабада... Всего несколько таких «картин». Чудовищный душманский почерк. Вот чем оборачиваются сотни миллионов долларов, брошенных американскими и другими спецслужбами для поддержки, боевого оснащения афганской контрреволюции.

Кто эти люди, полуобразованные, порой не умеющие читать и писать, одетые в яркие халаты, увенчанные чалмой, поднявшие по наущению империалистов руку на свой народ? Насквозь отравленные ядом империалистической пропаганды, еще недавно бодро маршировали они на выжженных солнцем военных плацах Пешавара, ловко вскидывали вверх автоматы, дальнобойные винтовки с оптическим прицелом. Учились метать гранаты из-за укрытий. Сутками в глухих засадах постигали, как устанавливать хитроумные мины-ловушки, ловчились скрытно действовать ножом, прикладом, штыком. Словом, занимались под пристальным контролем иностранных военных инструкторов тем, что нужно в пиратских разбоях. А теперь реализуют свои черные замыслы на территории ДРА.

Взвод, которым командовал Николай Кузнецов, получил задачу — в составе роты помочь афганским подразделениям в разведке места расположения и уничтожении банды душманов, засевшей в высокогорном кишлаке провинции Кунар — одной из основных житниц республики, граничащей с Пакистаном. Бан-

диты уже давно нарушали мирную жизнь провинции: нападали на автомобильные колонны, жгли школы, мечети, убивали активистов, обстреливали посты советских войск.

Лейтенант Кузнецов шел со своим подразделением в авангарде роты. Именно потому основная мощь огня душманов из засады обрушилась на этот взвод. Вражеские пулеметы застрочили неожиданно и почти в упор. Крупнокалиберные пули высекали искры из базальтовых скал, рикошетом, с пронзительным визгом, отлетали в стороны. Стреляли все гуще, интенсивнее.

Вскоре Николай понял, что взвод отрезан от роты. Нужно занимать круговую оборону, сдерживать ожесточенный натиск душманов. Тем более что по радиосвязи он узнал: в таком же тяжелом положении оказались малочисленные подразделения лейтенанта Кистеня и старшего лейтенанта Тарана. От него, лейтенанта Кузнецова, от его грамотных, быстрых, смелых решений теперь во многом зависит, выйдут ли его товарищи из-под огня.

Озверевшие душманы стремились любой ценой сломить сопротивление отважных воинов. Появились раненные. Рядом с Кузнецовым выронил из рук автомат прапорщик Бахмутов — лейтенант перенес его в укрытие за скалой.

К этому времени основные силы роты сумели приблизиться к месту боя. Кузнецов приказал взводу отойти, а сам с тремя воинами остался прикрывать их отход.

И тут тупая боль обожгла ногу, на брюках выступила кровь. Ранен... Николай, стиснув зубы, продолжал строчить из автомата. Вскоре он понял, что бандиты решили взять его группу в плен. Тогда лейтенант отправил солдат на соединение со взводом, а сам продолжал разить врага, чувствуя, что из-за ранения ему уже не пробиться к своим.

Кончились патроны. Пустые магазины горкой лежали у ног офицера. Но были еще гранаты. Целых шесть. «Нет, гады, не пропущу я вас», — прошептал, истекая кровью, Кузнецов и прицельными бросками вынудил душманов залечь. В руке — шестая граната. Последняя...

Лейтенант приподнялся, выдернул чеку. Увидев офицера одного, без автомата, бандиты гурьбой ки-

пулись к нему. Почти в полубреду Николай различил их оскаленные лица, услышал гортанные вопли.

— Ну, подходите, гады, подходите сюда! — прокричал из последних сил. И когда душманы окружили его плотным кольцом, стукнул гранатой о камень у своих ног.

Дорого заплатили враги за смерть советского офицера. У места последнего боя Кузнецова подоспевшие воины нашли десятки трупов бандитов...

Подвиг всегда прекрасен. Словно яркий факел, зажигает он людей, возвышает их думы, стремления, вдохновляет на героические, благородные поступки. А совершает его человек, окрыленный высокой идеей, твердый своими убеждениями, искренним желанием принести пользу Родине, образцово выполнить воинский или трудовой долг, хотя сам порой внешне прост, скромен, незаметен. «Подвиг, как и талант, — говорил писатель Леонид Леонов, — сокращает путь к цели».

Именно таким скромным, но сильным духом был Николай Кузнецов. Десятки встреч в Моршанском районе с теми, кто знал офицера с детства, — и вот портрет, хотя, конечно, и неполный, нашего славного героя.

Отчий дом в селе Первая Питерка. Рассказывает Дарья Дмитриевна Кузнецова:

— Родился Коля летом шестьдесят второго года. Его сестренке Нине исполнилось четыре года. Они двое остались после смерти родителей у меня на руках. Предлагали мне определить их в интернат. Мол, легче тебе будет, Дарья. Государство поможет. Коля и слушать не хотел об этом. Просил, прижавшись к моей щеке: не хочу от тебя, бабая Даша, никуда. Стану помогать тебе во всем. И действительно, к труду приохотился с детских лет — дрова пилил, рубил, за овцами и ягнятами смотрел, двор в чистоте держал. Когда подрос, сено косил, огород выпалывал, любил картошку сажать, помидоры, огурцы. Придет из школы — и сразу за хозяйство принимается, уроки вечером учил.

Когда надумал в суворовское училище поступать, усиленно спортом занялся. Бегал за околицей по зимнему и весеннему тракту, каждое утро на зарядку выскакивал, в хоккей играл на замерзшем пруду, что возле нашего дома. А летом плавал, карасей и карпов

ловил. Говорил мне: без крепкого, натренированного организма добрый суворовец и офицер не получится. Вот когда уже к лейтенантским погонам примерялся...

Иван Петрович Титов, бывший директор сельской школы-восьмилетки:

— Рослый, крепкий, с добрыми голубоватыми глазами — таким все мы помним нашего воспитанника. На уроках всегда вдумчивый, любознательный. Любил историю, литературу, родную тамбовскую землю, сам древний город Тамбов, о котором часто цитировал прекрасные поэтические строки:

Впереди него — Россия,
Позади него — Россия,
С четырех сторон — Россия,
А на пятой — Млечный Путь.

Паренек честный, очень справедливый. Не выносил лжи, лести, зазнайства. Не позволял обижать младших, особенно девочек. Однажды ему как отличнику учебы предложили путевку в Крым, в пионерлагерь Артек. На второй день попросил отдать путевку соседке по парте Оле. Почему, спрашиваем? У нее мама болеет, отвечает, сама бледная, хилая, солнце южное требуется ей. Пусть покупается в море, позагорает. Наотрез отказался...

Храбро сражались тамбовчане на фронтах Великой Отечественной войны. 250 воинов стали Героями Советского Союза, 44 фронтовика — полными кавалерами ордена Славы. В городе разместилось более тридцати госпиталей, где излечивались раненые бойцы, а труженики совхоза «Красный доброволец» на свои средства построили танковую колонну, которая приняла первое боевое крещение в Сталинградской битве. Все это прекрасно знал комсомолец Николай Кузнецов, не пропускал в школе ни одного урока мужества.

Особенно гордился героями-моршанцами. Его земляк прославленный летчик Петр Харитонов из села Княжево уже на шестой день войны таранил фашистский «Юнкерс-88». Позже он смело шел на таран новейших «хейнкелей» в воздушном бою на подступах к Ленинграду, а в третий раз уничтожил таким образом гитлеровский стервятник, прикрывая ледовую Дорогу жизни через Ладожское озеро. Сейчас герой живет в Донецке, часто приезжает в родные места,

На одной из его встреч с молодежью школьник Кузнецов записал рассказ отважного сокола. В ученической тетради Николая собраны воспоминания и других ныне здравствующих моршанцев — Героев Советского Союза Григория Коробова, стойко удерживавшего огненный плацдарм на Днестре в феврале 1944 года, жителя села Плоская Дубрава Петра Синельникова, штурмовавшего вместе со своей артиллерийской батареей вражеское логово — Берлин.

Однажды в канун Дня Победы совхоз организовал экскурсию в областной центр. Взяли и школьников. Коля Кузнецов привез в Тамбов букетик полевых цветов. Когда автобус остановился на улице Советской, мальчик положил их к подножию памятника Зое Космодемьянской.

В пятнадцать лет Николай увидел Ленинград, поступил там в суворовское военное училище. Побывал в Смольном, Таврическом дворце, музее-квартире В. И. Ленина, у памятника Ильичу у Финляндского вокзала.

«Мне повезло, — писал Николай родным, — живу в прекрасном городе. Ведь Ленинград — город-герой, вписавший славные страницы мужества и героизма в летопись Великой Отечественной войны. Мы, суворовцы, обращаемся к прошлому, посещаем Пулковские высоты и район Невской Дубровки, где шли наиболее ожесточенные бои с фашистами». Молча застыли мальчишки у плит Пискаревского мемориального кладбища, у памятников отважным защитникам города на площади Победы...

Учеба в необычной воинской школе увлекла Николая. Все здесь захватывало, правилось сельскому пареньку: и строгий распорядок, как в армейской части, — ранний подъем по сигналу, крепкая, бодрящая физзарядка, утренний осмотр, завтрак, и, конечно, напряженные занятия. До самого отбоя — все по плану, в определенные часы.

В Ленинградском суворовском училище был не просто спортзал, а подлинный спортивный дворец с множеством инвентаря, снарядов. В какую записаться секцию? Бокса, гимнастики, легкой атлетики, военного многоборья или спортивных игр? Хотелось попробовать себя во всех видах спорта. А еще лыжные походы, плавание, состязания, участие в спартакиадах.

Окреп, возмужал юноша, к концу учебы получил несколько спортивных разрядов.

Больше всего, однако, гордился Николай нагрудным знаком с силуэтом А. В. Суворова. Не раз впоследствии молодые солдаты рассматривали на его груди этот скромный, но впечатляющий знак: лавровый венок выпуклой формы, в верхней части — пятиконечная звезда золотистого цвета, внизу на красном эмалистом щитке буквы «СВУ». Над щитком надпись «СССР», покрытая красной эмалью. Кузнецов читал подчиненным строки из замечательной песни суворовцев:

Будьте строже и краше,
Годы юности нашей.
Мы сегодня на марше,
Мы в походном строю.
Нам отцы завещали,
Чтоб мы грудью стояли
За Отчизну, за землю свою.

На всю жизнь врезались в сердце Николая военные ритуалы — торжественное построение и митинг, посвященные началу учебного года, вручение оружия, последний звонок, торжественная церемония выпуска суворовцев из училища, прощание со Знаменем. Тогда, в момент прощания с воинской святыней, Кузнецов поклялся быть настоящим воином!

После двух лет учебы Николай приехал на каникулы к своей любимой бабانه Даше, показал ей аттестат о среднем образовании — по всем предметам только «хорошо» и «отлично». А предметов очень много — литература, математика, история, строевая подготовка, общевойсковые уставы, тактическая подготовка, военно-инженерная подготовка, топография, связь, автомобильная подготовка и другие. Снял парадную форму, засучил рукава. И снова в руки косу, пилу, топор. Взялся за хозяйство...

Перед нами — аттестация на присвоение первого офицерского звания курсанту Н. Кузнецову, датированная июлем 1983 года. В том году он окончил с золотой медалью Ленинградское высшее общевойсковое училище имени С. М. Кирова. За всеми отличными оценками — бессонные ночи, адский труд до седьмого пота, десятки дерзких победных учебных атак на заснеженных полигонах в условиях, максимально приближенных к боевым, квалифицированное вожде-

ние и грамотная расстановка на позициях боевых машин пехоты.

Потому и появилась в конце аттестации короткая, но выразительная запись: «Честен, трудолюбив, принципиален. Умеет правильно оценивать обстановку и принимать решения. Свои знания умеет применять в обучении и воспитании подчиненных. Достоин присвоения звания лейтенант и назначения на должность командира мотострелкового взвода».

Как золотой медалист, Кузнецов имел право выбора места службы. По велению сердца попросил в одном из рапортов после короткой стажировки в прославленной дивизии направить его в Афганистан. Домой ни бабушке Дарье, ни сестре Нине ничего пока не сообщал. Не хотел их тревожить.

Письма, поздравительные открытки Николая родным проникнуты удивительной теплотой, нежностью: «Моя дорогая бабушка! Извини, долго не писал, был на учебных сборах. Научился прыгать с самолета с парашютом. У меня уже двенадцать прыжков. Мало-вато, конечно, но буду продолжать прыгать. Все это крайне нужно для современного офицера. У меня все хорошо. Служу, работаю, обучаю своих солдат тому, что нужно в современном бою. Хотя пусть всегда будет мир и ясное спокойное солнце над головой. Как у тебя, милая, домашние дела, как на огороде? Много, видно, травы повыврастало. Приеду в отпуск — помогу по хозяйству... Не болей, дорогая, береги себя».

Или письмо Нине Кузнецовой: «Милая сестричка, здравствуй. Переехал на новое место службы. Нахожусь сейчас под Ташкентом. Тепло, много цветов. Принял новый взвод. Ребята толковые, дисциплинированные. Но забот по-прежнему много. Скучаю по тебе и бабушке. Хотя, честно говоря, и скучать-то особенно некогда. Служба есть служба. Не удивляйся, если окажусь еще южнее, там, где сейчас требуются мои знания, бойцовский дух. Целую тебя, счастья и добра тебе в жизни. Помни обо мне...»

Это была последняя весточка Николая к сестре. Нина Анатольевна, ныне лаборантка областной санэпидстанции, показывает мне письма, фотографии, записные книжки, полевую сумку и другие личные вещи погибшего брата. Их привезли товарищи, боевые

друзья Кузнецова. Старший лейтенант Илья Рыжанков рассказывал:

— Мало послужил с нами Николай, но мы всю жизнь будем помнить его яркий, благородный облик. Его доброту, заботу о солдате, жгучую ненависть к врагу. Кузнецов быстро стал умелым горным следопытом, остро чувствовал опасность: где, за каким камнем, валуном притаился душман с автоматом или гранатометом. Перед тем как вести воинов на задание в глухое ущелье или на горную тропу, всегда внимательно проверял их оружие, бронежилеты, фляги с водой, есть ли у каждого индивидуальные меднакеты. Учил подчиненных осторожности, правилам маскировки. Берег каждого своего солдата, хотя самому было немногим более двадцати.

Моршанский район Тамбовщины... Родина Героя. Край умелых, трудолюбивых людей, беззаветно преданных социалистической Родине. Узнав о подвиге своего земляка, молодежь района с новой силой взялась за пропаганду боевых традиций, наполнила нравственным и идейно-политическим смыслом всю героико-патриотическую работу. Создано шесть музеев и двенадцать комнат боевой славы. Ежегодно летом свыше ста юношей старших классов готовятся к армейской службе в оборонно-спортивном лагере. В 17 школах открыты стрелковые тиры. В районе регулярно организуется соревнование на приз Героя Советского Союза П. Т. Харитонов...

В школах, клубах, микрорайонах проводятся циклы лекций и кинолектории по темам: «Уроки истории», «Всемирно-исторический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», «Никто не забыт, ничто не забыто». В различных аудиториях проходят вахты мира и памяти, встречи представителей поколений, чествования ветеранов войны.

В молодежных аудиториях, школьных коллективах развернулось соревнование за право нести Вахту памяти у обелисков воинам-односельчанам, павшим в боях за Родину. Участвуя во Всесоюзной поисковой экспедиции, учащиеся района собрали 975 воспоминаний фронтовиков.

В районном центре, в трудовых коллективах вошли в традицию «дни призывника». Будущих воинов провожают в армию партийные, советские, комсомольские работники, ветераны партии, войны и труда. Лучшие

юноши направляются по путевкам комсомола для службы в различные рода войск, для поступления в военные училища. Систематически с молодежью района встречаются Герои Советского Союза Григорий Ефимович Коробов, Василий Егорович Глазков. Новотомниковская средняя школа постоянно переписывается со своим выпускником Героем Советского Союза П. Т. Харитоновым.

Весьма популярны в школах уроки военной начальной подготовки. Ребята усваивают основные требования военной присяги, уставов Вооруженных Сил СССР, приобретают навыки обращения с учебным оружием, посещают занятия по огневой, тактической, строевой подготовке. Возрастает интерес старшеклассников к овладению воинскими специальностями. Школьники регулярно встречаются на уроках мужества с военнослужащими и ветеранами Великой Отечественной войны, активно участвуют в месячниках оборонно-массовой работы, соревнованиях по военно-прикладным видам спорта, играх «Зарница», «Орлепок».

И вот теперь моршанцы бережно собирают, изучают странички биографии Николая Кузнецова. Его короткий жизненный путь — яркий маяк для современной молодежи. Еще великий русский писатель М. Салтыков-Щедрин писал: «Одно остается небезрассудным и неизменным — это жажда подвига. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пылкий и никогда не успокаивающийся человеческий разум». В нашем обществе жажда подвига питается желанием принести пользу Родине, великому делу интернационализма.

Да, храбрый, волевой, стойкий!.. Так все говорят об отважном лейтенанте. Он любил повторять крылатые слова, услышанные от ветеранов-фронтовиков: «Дисциплина — мать порядка». А в записной книжке на одну из первых страниц занес известное высказывание А. В. Суворова, ставшее для него жизненным правилом: «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими».

Николая отличала тонкая, нежная влюбленность в поэзию. Истинный лирик в душе, суворовцем, позже — курсантом военного училища с удовольствием посещал занятия по литературе, эстетике, этике, навещался в кружки танцев, музыки. Прекрасное, воз-

вышенное всегда волновало его. В личной записной книжке офицера сохранились поэтические строки и мысли философов, писателей, ученых о дружбе, любви, супружеской верности, о любимой женщине. В Ленинграде Николая ждала девушка. И кто знает, может, перед последним своим боем он вновь перечитал стихи:

А я приеду наудачу,
Куда бы мчаться ни пришлось.
Тебя увижу и вздохмачу
Копну твоих ржанных волос.
В твои прохладные колени
Уткнусь горячей головой.
И тихий, словно в отдаленье,
Я слушать буду голос твой...

Подвиг порою длится всего секунду. Всего один миг из человеческой жизни. Но свет его озаряет надолго, навсегда дорогу идущим позади.

МАСТЕРСТВО КОМАНДИРА

Гвардии майор Николай Васильевич Кравченко родился в 1952 году в Омске. После окончания средней школы поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола. С 1983 года находился в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА.

Н. В. Кравченко удостоен звания Героя Советского Союза. В настоящее время является слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Первый бой глубокой зарубкой лег в сердце гвардии капитана Николая Кравченко. Этот бой часто вспоминался ему, порой помимо его желания. Весь. От начала до конца. В мельчайших подробностях...

Кравченко прибыл в Афганистан весной 1983 года. Позади — почти восемь лет офицерской службы в гвардейской Свирской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии: командиром взвода, заместителем командира роты. Приняв роту, вывел ее в отличные. Считал себя, да и начальство, похоже, придерживалось того же мнения, опытным офицером, вполне сложившимся командиром.

В Афганистане Кравченко назначили на равную должность. Его рота располагалась на окраине аэродрома. Люди первое время жили в палатках, поставленных между самолетными капонирами. Строевой подготовкой занимались на бетонных плитах рулежных

дорожек. Все другие занятия — в поле, выжженном солнцем до желто-бурого цвета.

На горизонте синели горы Гиндукуш с белыми снежными шапками вершин. Жара чувствовалась и в прямом, и в переносном смысле. Уже в мае, поднявшись высоко в зенит, солнце палило немилосердно. К тому же донимал афганец — здешний ветер: нес с собой тучи песка, швырял мелкими камешками. Утро обычно выдавалось тихое, солнечное, но к полудню с каждой минутой начинало задуть все сильнее. Вечером опять стихало — порой даже не верилось, что всего час-другой назад не видно было ни неба, ни тропинки под ногами.

Не уступал зною природы накал передних стычек с бандами душманов. Избрав аэродром постоянным объектом нападений, мятежники то и дело появлялись в округе.

Первое боевое задание Кравченко получил спустя неделю после своего приезда в часть. Самое обычное — обеспечить движение колонны автомобилей с продовольствием, горючим, медикаментами в отдаленный район.

Командир батальона гвардии майор Василий Васильевич Пименов тщательно проинструктировал Кравченко. Вместе они мысленно проследовали по всему маршруту, сверяя по карте узкие проходы — дефиле, броды через горные речки. Комбат обратил внимание Кравченко на наиболее вероятные места засад. Крепко пожимая ему руку, добавил:

— Будьте осторожны, берегите людей...

Колонна медленно вытягивалась на подъем. Здесь, высоко в горах, на перевале еще лежал снег. Дорога обледенела, колеса буксовали, водители почти непрерывно подсыпали щебенку. Каждый метр пути одолевали с трудом. Когда миновали перевал, стало немного полегче.

Из кабины бронетранспортера Кравченко внимательно смотрел по сторонам. Слева и справа вдоль всего серпантина дороги высились крутые скалы. Кругом — девственный, нетронутый снег. Ни малейшего признака жизни. Никого...

И вдруг впереди ударили пулеметы. «Крупнокалиберные! — сразу по звуку определил Кравченко. — По голове колонны бьют!»

Решение принял в одно мгновение. Оставив за себя заместителя, на бронетранспортере рванулся вперед, навстречу свинцовому смерчу: успел заметить, откуда он извергался. Засек огневые точки душманов и пулеметчик гвардии сержант Николай Усанин, на груди которого капитан видел медаль «За отвагу», — точно накрывал их короткими очередями.

Бандиты целиком переключились на одинокий бронетранспортер. Хотя интенсивный обстрел продолжался всего несколько минут, Кравченко показалось, что прошел не один час. Душманы прятались за скалами, советских воинов прикрывала броня.

Дуэль завершилась победой гвардии сержанта Усанина, продемонстрировавшего высочайшее боевое мастерство: один из двух вражеских пулеметов Николай вынудил замолчать, расчет другого уничтожил.

Выполнив задачу, колонна бронетранспортеров роты вернулась в часть без потерь. Кравченко доложил комбату подробности боя.

— Так... Значит, отвлекли огонь на себя, — с непонятной интонацией произнес гвардии майор Пименов. — А колонну бросили?

— Оставил за себя заместителя.

— Группой командовали вы! Для рядового солдата ваш поступок, несомненно, мужественный, даже героический. Но вы не солдат!

Кравченко удрученно молчал.

— Мужество командира, товарищ гвардии капитан, заключается прежде всего в умелом и твердом управлении вверенным ему подразделением, — уже спокойнее заключил Пименов. — Запомните это!

Кравченко запомнил. На всю жизнь...

Начиналась она у Николая в сибирском городе Омске. Отец, Василий Федорович, работал на заводе. Трудилась на производстве и мать, Елена Николаевна.

Отца, у которого брал первые уроки мужества, Николай лишился рано, в неполных семнадцать лет. Тяжелейшей утратой легло горе на сердце. Отчетливо помнилось время, проведенное с отцом.

Боевал Василий Федорович рядовым бойцом. Возвратился с фронта израненным, с солдатским орденом Славы и несколькими медалями. По вечерам любил беседовать с сыном, отвечать на его бесконечные вопросы. Вот только о своих заслугах на поле боя скром-

но умалчивал. Когда же Николай допытывался особенно упорно, чутьчку глуховатым голосом внушал:

— Мы, сынок, сражались с врагом не за награды. Воевали за жизнь, за то, чтобы ты рос у меня сейчас, за мир на нашей земле. Это для нас, солдат, самая высокая награда.

Василий Федорович избегал громких фраз, не докучал нотациями. Обычно скупой на ласку, порой ерошил непокорные вихры сидевшего за уроками Николая. Может, именно потому хранит в памяти Кравченко-младший и поныне каждое его слово, тепло шершавой отцовской ладони.

С детства Николай привык не давать себя в обиду. Это тоже привил ему Василий Федорович, который никогда не вмешивался в ребячьи ссоры.

— Жаловаться, сынок, последнее дело, — говорил. — Ты мужчина, значит, умей постоять за себя сам. А главное — будь сильным, добрым...

И Николай не плакал, если ушибался, учился стойко, по-мужски переносить свои мальчишеские невзгоды. Молчаливое одобрение отца ценил дороже любых похвал.

Со сверстниками часто играл в войну. Увлекался книгами о Великой Отечественной, о боях, в которых солдаты самоотверженно сражались за свободу, счастье нашей страны. И сам не заметил, как окрепла мысль стать военным. В один из вечеров поделился жизненными планами с отцом.

— Что ж, — по-рабочему кратко согласился Василий Федорович. — Дело нужное. Помнишь, кино смотрели — «Офицеры»? «Есть такая профессия — Родину защищать». В мире сейчас неспокойно...

Эту, одну из их последних душевных бесед Николай воспринял как отцовский наказ. После окончания школы твердо выбрал военную специальность — поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени Ленинского комсомола.

Четыре года пролетели очень быстро. С огромной благодарностью вспоминает Кравченко своих первых преподавателей, инструкторов. Особенно командира роты капитана Георгия Ивановича Шпака, ныне генерала, возглавляющего прославленное соединение воздушно-десантных войск — гвардейскую Черниговскую Краснознаменную дивизию, пятьдесят бойцов и командиров которой отмечены Золотой Звездой

Героя Советского Союза за подвиги в битве с фашистами.

Капитан Шпак неуловимо напоминал Николаю отца. Нет, не внешне — по складу характера. Его уроки тоже запали в душу, явились для Кравченко второй школой жизни. Именно ротный командир привил ему твердое убеждение — офицер всегда впереди, личным примером призван увлекать солдат.

А мудрый суворовский завет «поспешай с умом» гвардии капитан Кравченко усвоил уже на афганской земле.

Многое довелось испытать офицеру: опасные походы в горах, через бурные речки, перевалы, студеные почвы во время охраны объектов на аэродроме, ожесточенные схватки с бандами душманов. И всякий раз десантники роты с честью выполняли задания. Свидетельство тому — высокое звание Героя Советского Союза, присвоенное командиру батальона гвардии майору В. В. Пименову, награждение орденами и медалями многих офицеров и солдат. Орден Красной Звезды вручили и гвардии капитану Николаю Кравченко. За бой в районе населенного пункта Агилак.

В январе 1984 года рота Кравченко получила боевой приказ — совместно с батальоном афганских вооруженных сил разгромить базу крупного душманского бандоформирования. В распоряжение части прибыло подразделение армии ДРА, с командиром которого, майором, Кравченко, развернув карту, обсудил план действий.

Готовились к выходу и солдаты. Старшина роты выдал им патроны, гранаты, пакеты с сухим пайком.

Пока воины с аппетитом завтракали — над пловом повар явно постарался, Кравченко беседовал со своим комиссаром. Заместитель командира по политической части гвардии старший лейтенант Игорь Бруснин зарекомендовал себя толковым, грамотным офицером, досрочно заслужил очередное воинское звание.

— Разрешите обратиться, товарищ гвардии капитан? — подошел секретарь комсомольского бюро роты гвардии сержант Тажетдинов с орденом Красного Знамени на груди.

— Разрешаю. Что-нибудь случилось, Федор Федорович?

Вообще-то Тажетдинова звали Фаруком Фатхетдиновичем, но это имя-отчество в роте переиначили на свой лад, попроще.

— Посмотрели мы, как афганские солдаты едят...

— Ну и что?

— Бедно очень, товарищ гвардии капитан. Лепешки сухие, вода... Просим вашего разрешения поделиться с ними маслом, сахаром.

— Дело предлагает комсомольский секретарь, — поддержал замполит. — Нам ведь с ними воевать бок о бок.

— Согласен. Добро, Федор Федорович, разрешаю!

Вскоре советские и афганские воины дружно пили чай.

В глаза Кравченко бросился молодой солдат ДРА с едва пробившимися черными усиками над верхней губой: он осторожно взял в руки кусочек сахара, осмотрел его со всех сторон, о чем-то спросил у Тажетдинова. Едва тот ответил, помогая себе выразительным жестом, афганец восхищенно зацокал языком.

— Чему он радуется, Федор Федорович?

— Интересовался, товарищ гвардии капитан, на сколько дней дали ему этот сахар и масло.

— И что вы сказали?

— На завтрак, мол...

Расположение душманского склада разведали работники службы государственной информации — ХАД, которая занималась вопросами безопасности. На пути к нему афганские и советские подразделения пять-шесть раз вступали в быстротечные схватки с вражескими засадами.

Бандиты оборудовали базу высоко в горах. В глубоких пещерах хранились оружие, боеприпасы, снаряжение, продовольствие, переправленное мятежникам их заграничными покровителями.

По ущелью гремела река. Даже морозы не смогли сковать льдом ее бурное течение. На самом верху, под водостоком, — вход в пещеры, куда требовалось прорваться.

Кравченко предложил план штурма: одной ротой отвлечь в центре внимание душманов, а другим обойти их по скалам, чтобы ударить с тыла и сверху. На себя Николай взял самое трудное — завязать с бандитами бой, пока афганские товарищи, выполнив задуманный маневр, займут удобные для штурма свер-

ху позиции. После их сигнала ракетой — совместная атака с фронта и тыла.

Непосредственно на Кравченко лежало решение еще одной сложной, опасной задачи — завладеть выгодным рубежом под обзором и обстрелом противника для натиска снизу. Буквально для каждого солдата сержанты и офицеры отыскивали в нагромождении скал место, укрытое от свинцовых трасс сверху и вместе с тем позволяющее прицельно стрелять по врагу.

Выдвижение воинов на позиции осуществлялось строго по командам Кравченко. В соответствии с его указаниями пулеметчики, автоматчики прижимали душманов к скалам плотным огнем, под надежной защитой которого бежал вперед, к рубежу, очередной солдат. Так друг за другом переместилась вся рота. И начался бой.

Несколько часов без передышки раскатывалось в ущелье эхо пулеметных и автоматных очередей. Солдаты, даже тепло одетые, промерзли до костей в узких каменных укрытиях. Когда над скалой рассыпалась на несколько звездочек красная ракета, десантники вихрем рванулись в атаку. Полностью уничтожив банду, трое суток вывозили из пещер оружие, ящики с патронами, гранатами, минами, мешки с продовольствием... Каких только марок оружия тут не было!..

Рота Кравченко не потеряла ни единого человека. С тех пор его воины любили повторять:

— Мы с нашим капитаном прошли сквозь огонь и воду!

Да, десантники безоглядно верили в своего командира, в его умение побеждать врага в любых ситуациях. А он никогда не забывал наказ гвардии майора Пименова: «Берегите людей...» Между тем их армейские дороги разошлись — Пименов уехал в Москву учиться в академии. Батальон принял гвардии капитан Федоров. Немало наслышанный о мужестве, воинском мастерстве гвардии капитана Кравченко, новый комбат нередко советовался с ним, поручал обычно самое трудное. Не сомневался: Кравченко не подведет. И ни разу не ошибся.

Если посмотреть на карту, долина Панджшер, словно меч, рассекает пути, связывающие Кабул с северными провинциями. И долину, и горы вокруг недаром называют сокровищницей Афганистана. Здесь найдены месторождения нефрита и лазурита, других дра-

гоценных камней, есть и золото... Эти богатства магнитом притягивают заокеанских охотников до чужого добра. Одна за другой наведываются сюда душманские банды.

Долгое время в долине хозяйничал Ахмад-шах Масуд, именовавший себя не иначе как «командующий Кабульским фронтом». Он терроризировал местное население, грабил и убивал активистов НДПА, бойцов народной милиции — царандоя, учителей, простых крестьян — сторонников народной власти.

В крупной летней операции части афганской армии разгромили банду Ахмад-шаха. Главарь уполз зализывать раны в Пакистан. Однако положение для жителей долины облегчилось лишь наполовину. Отступая, душманы буквально наштапиговали землю минами: у колодцев и на дорогах, в опустевших кишлаках и мечетях, на полях и горных тропах. Мины попадались разные — в деревянных и пластмассовых корпусах, с пневматическими, натяжными и двойными взрывателями, установленными на неизвлекаемость. Порой мятежники маскировали их под детские игрушки. Неоднократно доводилось Кравченко встречаться с искалеченными ребятишками — жертвами злодейской выдумки.

По просьбе афганских властей советские войны, в том числе батальон Федорова, день за днем обследовали селения и дороги, горные тропы и перевалы, колодцы, здания школ и мечетей. Одну из таких групп возглавлял гвардии капитан Кравченко.

Десантники продвигались в глубь ущелья. Впереди — разведчики с собаками, специально натренированными на розыск взрывчатых веществ. Внимание Кравченко привлекла вдруг огромная скала над извилистой узкой дорогой. Включив рацию, он произнес в микрофон:

— Я — «Буран»! Командиров взводов — ко мне!

Через несколько минут старшие лейтенанты Дмитрий Панченко, Евгений Чуносков, заместитель командира роты Михаил Бирюстиков собрались за многотонным валуном.

— Надо посоветоваться, — сказал Кравченко. — Что-то обстановка мне не нравится.

Если бы прямо спросить, чем именно он обеспокоен, офицер, пожалуй, не смог бы исчерпывающе ответить. Просто подсознательно зародилось смутное чув-

ство тревоги. За два года службы в Афганистане не однажды случалось, когда настораживали едва уловимые штрихи, особенности местности, выгодные для использования их противником, побуждали к предельной осмотрительности.

Кравченко поделился с командирами взводов своими опасениями. Выступ скалы настолько «удобно» завис над дорогой, что мог подтолкнуть душманов к мысли организовать здесь засаду, свалить «камешек» на головы тех, кто окажется прямо под ним. Решили усилить наблюдение, выслать вперед трех самых толковых десантников — доразведать маршрут.

Не успел Кравченко выйти из-за валуна — лишь осторожно высунулся, как в небо взметнулся огненный столб. Скальный монолит раскололся, вниз рухнули многотонные глыбы гранита.

Тугая волна взрыва отшвырнула Кравченко назад. Плашмя, спиной, он ударился об отвесную стену. Хорошо еще, что голову защитила стальная каска, которая при его падении откинулась на затылок. В ушах звенело. Гудела и кружилась голова, от сильного удара ныло все тело. Но резкой боли не ощущалось. Похоже, не ранен...

Вслед за взрывом застрочил пулемет. Очередь прошла значительно выше.

— К бою! — прокричал Кравченко.

«Неплохую готовили нам душманы ловушку в этом узком проходе, — думал он несколько минут спустя. — Не иначе советники иностранные научили. Только поторопились малость. Нервишки слабоваты...»

Кравченко оценил ситуацию. Вся его группа в каньоне — у душманов как на ладони. Дорога перегорожена скалой. Едва выглянешь из-за валуна — рикошетируют, обсыпая каменной крошкой, пули бандитских снайперов. Надо быстрее найти надежное укрытие в центре боевого порядка группы и оттуда руководить боем.

Чуть левее себя Кравченко различил небольшую ложбину в груде крупных булыжников, которые вполне могут заслонить от огня сверху. Но как туда добраться?

Короткими бросками от камня к камню, мгновенно меняя положения своего гибкого, тренированного тела, офицер сумел уклониться от душманских пуль. В ложбине сразу же связался с командирами взводов:

— Первый, второй, третий... Я — «Буран»! Доложите обстановку!

Ответы несколько успокоили: все нормально. Раненых нет.

Кравченко вызвал рацию командира батальона. После своего сообщения перешел на прием.

В наушниках потрескивало. Сквозь помехи доносилось тяжелое, неровное дыхание человека. Без всяких позывных командир батальона гвардии капитан Федоров с трудом произнес:

— Кравченко, принимай коман...

Голос прервался. Через пару секунд радист взволнованно объяснил, что комбат тяжело ранен, потерял сознание. Врач под огнем противника оказывает ему помощь. Полагаются вызвать вертолеты.

На общей волне всех групп в эфире прозвучало:

— Я — «Буран»! Слушай мою команду...

«Вертолетам к нам не пробиться. — Кравченко покосился на низкие свинцовые тучи над ущельем, которые белесой клубящейся пеленой укутывали вершины гор, ключьями ползли по склонам. — Да и забрались мы далековато. Поистине к черту на кулички. Главное сейчас — продержаться до темноты».

Тут же последовала новая команда:

— Зажечь дымовые шашки!

Над скалами начали подниматься густые клубы дыма, заполняя собой все изгибы каньона. Словно огромное покрывало плотно укрыло десантников от вражеского глаза и огня. Стрельба сразу прекратилась.

На первом этапе советским воинам удалось расстроить планы душманов, намеревавшихся уничтожить их небольшую группу, заманив ее в засаду. Теперь важно вырваться из западни до утра. Иначе днем мятежники, верные своим волчьим повадкам, не пожалеют свинца, чтобы перерезать все пути.

— «Сатурн», ко мне! — послал в эфир Кравченко позывной командира второго отряда десантников гвардии капитана Александра Лепешкина.

Они прибыли в Афганистан почти одновременно. Вместе, плечом к плечу, прошли немало боевых дорог. Не раз убеждался Кравченко в мужестве, профессиональном мастерстве этого офицера. Потому и решил именно ему поручить незаметно проскользнуть с несколькими воинами ночью мимо бандитов. На рассвете внезапный удар с двух сторон, рассчитывал Крав-

ченко, вынудит противника разомкнуть смертельное кольцо.

В горах, особенно здесь, в южных районах, темнеет мгновенно. Едва закатится солнце, наступает непроглядная чернота. Как сейчас. К тому же густая облачность плотно окутала небо.

Из мрака внезапно вынырнул гвардии капитан Лепешкин:

— Все в порядке, потерь нет. Начали оборудовать огневые позиции. Утром наверняка предстоит горячий бой...

— Точно, — согласился с ним Кравченко. — Душманы постараются любой ценой не выпустить нас отсюда. Попробуем перехитрить их, упредить. Вот смотри...

Кравченко замаскировался плащ-накидкой, расстелил карту, зажег карманный фонарь.

— Мы находимся тут, — показал он точку на коричневой извилине. Обозначив места расположения врага, предложил: — Лучше всего пробиваться в этом направлении.

— По-моему, там бандитов слишком много, — возразил Лепешкин. — Я заметил, оттуда стреляли наиболее интенсивно.

— Вот-вот! Душманы, засевшие на тех высотах, скорее всего, тоже нас не ждут. Если ты с группой воинов скрытно займешь рубеж за ними, после твоего сигнала мы будем атаковать с фронта и тыла...

Вскоре десантники, возглавляемые Лепешкиным, беззвучно снялись с позиций. Командиры взводов, получив от Кравченко боевую задачу, распределяли обязанности между людьми, готовились к стремительному, дерзкому натиску.

И вдруг... Резко вскинув голову, воины не верили собственным ушам. Неужели вертолеты?! Да, боевые товарищи спешили на выручку, ради них сознательно подвергали себя опасности. Шум винтов то утихал, то нарастал. Машины шли вдоль ущелья, чудом угадывая в кромешной тьме его изгибы. Малейшая неточность среди скал грозила гибелью.

Кравченко связался с командиром ведущего пары Ми-8. Доложил, что имеются раненые, которых надо бы вывезти, попросил, если есть, подбросить боеприпасов.

— Есть и боеприпасы, и продовольствие, — ответили с вертолета.

Условились о сигнализации. Только сейчас Кравченко вспомнил, что почти целые сутки во рту у него не было даже маковой росинки. Не до того было.

Пристально всматривался командир роты в черноту неба, пока не различил боевые машины. Одна медленно снижалась, другая кружила над ней, чтобы без промедления прийти на помощь. На всякий случай приказал изготавиться к ведению заградительного огня по пещерам и Кравченко. Но душманы молчали: полагали, видимо, что в таком мраке вертолету все равно не сесть.

Почти у самого дна ущелья на машине ярко вспыхнул прожектор. В узком тесном каньоне она, казалось, неминуемо зацепится лопастью винтов за каменную стенку. К счастью, все закончилось благополучно.

«Молодец! Мастерская посадка», — порадовался Кравченко. Хотелось в ту же минуту благодарно пожать руку мужественному пилоту, но время подгоняло. Быстро выгрузили боеприпасы и продовольствие, переправили на борт раненых — капитана Федорова с двумя солдатами. И вот уже боевые машины легли на обратный курс — к аэродрому.

А десантники облегченно вздохнули. Патронов и гранат теперь полный комплект. Дождутся сигнала от Лепешкина, и тогда небу станет жарко.

О многом передумал в ту долгую южную ночь Кравченко. Вспомнил родной дом. Отца, мать, старшую сестру Валентину. Годы, проведенные в училище, начало офицерской службы. И конечно, Ирину, жену, дочурку Вику. Фотография, запечатлевшая их дорогие лица, всегда с ним, во внутреннем кармане, у самого сердца...

Перед рассветом, едва зарозовело над горами, в наушниках радиции прозвучало:

— «Буран»! Я — «Сатурн»! Вышел к цели. Приступаю к действиям...

— Подготовиться к атаке! — скомандовал Кравченко.

И в ту самую секунду, когда на гребне высоты заплясали над вражескими пещерами огненные всполохи, а следом за ними донеслись пулеметные очереди, офицер поднялся во весь рост, громко крикнул:

— В атаку, за мной, впе-е-р-ед!

Может, впервые после того памятного разговора с гвардии майором Пименовым о мужестве командира, о его месте в бою нарушил Кравченко правило. Он не управлял подразделением с места, откуда хорошо видна вся картина боя, — в общей цепи с солдатами и сержантами вел группу за собой.

Бежать вверх, в гору, невероятно тяжело. Бронежилет, тяжелая каска, автомат на груди... Сапоги скользили на камнях, Николай не раз падал, разбивая до крови руки. Падал, вскакивал и снова устремлялся вперед.

Автоматный и пулеметный грохот эхом прокатывался по ущелью. Чуть позже в звуки стрельбы вплелись глухие разрывы гранат: выйдя к душманским пещерам, десантники швыряли в их черные пасти Ф-1.

Воины вырвались из западни. Когда Кравченко собрал их вокруг себя, магазин его автомата совсем опустел, а в пистолете сохранился единственный патрон.

— Офицерам проверить наличие людей и доложить!

Вышли все.

После того боя командиру роты гвардии капитану Кравченко было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

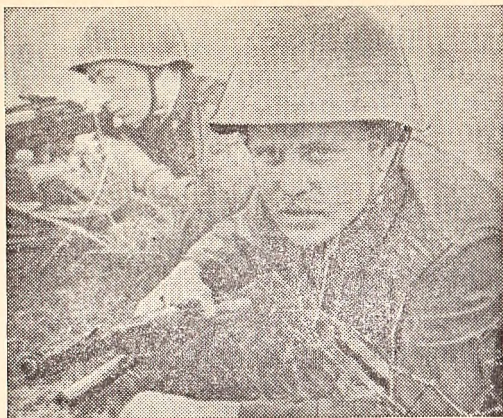
Мы сидели с Николаем Васильевичем в солдатском клубе. Долго говорили о жизни, о службе... О себе Кравченко рассказывал крайне скупое. Так, общие черты биографии. Сделал, мол, еще очень мало, всем, что есть в нем доброго, обязан отцу, старшим товарищам, командирам.

Слушая Кравченко, я невольно старался разглядеть в нем нечто особенное, героическое, что ли. Ничего не увидел. И роста невысокого, и сложения далеко не богатырского. Держался скромно. Однако ощущалась в офицере громадная внутренняя сила, глубокая вера в правоту дела, которому служит. Наверное, именно эта вера вела его на подвиг.

Возвратившись из Афганистана, Герой Советского Союза гвардии майор Н. В. Кравченко командовал парашютно-десантным батальоном в своей родной гвардейской Свирской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии. Той самой, в которой более десяти лет

пазад начиналась его офицерская биография. Из этих десяти два года — в Афганистане, где каждый надо считать за три. Как на фронте...

Всего за один год Кравченко вывел батальон в отличные. А еще через год стал слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. Впереди — новые командирские дороги.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Гвардии капитан Игорь Владимирович Запорожан родился в 1959 году в пос. Елань Новокузнецкого района Кемеровской области. Окончил Уссурийское суворовское военное училище и Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Служил в Южной группе войск. В 1982 году был направлен для оказания интернациональной помощи народу Афганистана.

И. В. Запорожан удостоен звания Героя Советского Союза.

В настоящее время проходит службу в Краснознаменном Среднеазиатском военном округе.

— **П**ривал. Командирам взводов выставить дозоры, проверить оружие.

Не успел гвардии старший лейтенант Запорожан договорить, как лица десантников засветились нескрываемой радостью. А еще через мгновение они ринулись гурьбой — со смехом, шутками — занимать «удобные места» в скальных расщелинах, прячась в тень от палящего солнца.

«Совсем еще мальчишки, — с теплотой подумал о солдатах Игорь. — Даже автоматы, вся военная амуниция не делают их старше».

Еще раз проинструктировав воинов, посланных в дозор, офицер и сам с удовольствием устроился на прохладном камне.

Был обычный день боевой учебы. Тренировались в скрытном передвижении, действовали по вводным, занимались по обыкновению до седьмого пота. Запоро-

жан видел, что солдаты устали, что от жгучих лучей высокогорного солнца, разреженного воздуха у многих сбивается дыхание, сердце, похоже, вот-вот выпрыгнет из груди, но не прекратил тренировку, пока не выполнил все намеченное на отведенное время.

Последние месяцы, после того как в подразделение вместо тех, кто закончил службу, пришли молодые солдаты, Игорь старался особенно усложнить каждое занятие, посмотреть, кто на что способен, быстрее обучить новичков премудростям ратной жизни в нелегких горных условиях. Здесь, в Афганистане, надо уметь всем без исключения метко стрелять, искусно маскироваться, владеть оружием, обходиться самым малым, экономить каждый глоток воды. Здесь нет мелочей, все одинаково важно для боя, для победы. А главное — ему, командиру, необходимо воспитать у людей волю. Сильный человек — Запорожан давно убедился на собственном опыте — это прежде всего волевой человек.

Отдыхают солдаты. Игорь окинул их взглядом, вспомнил о письме из дома, полученном накануне. Хотя и успокаивает он родителей, что в районе, где служит, занимается в основном, мол, учебой, за каждой материнской строкой чувствовал тревогу о нем. Как отвлечь маму от грустных мыслей, чем бы повеселить в ответном письме?

Раздумья прервала песня:

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
На кручах таких, на какие никто не проник,
никто не проник, —

вполголоса пел гвардии рядовой Александр Колосовский, удобно примостившийся, будто в кресле, на валуне. Так же негромко его поддерживал гвардии старший сержант Юрий Вознюк:

— Жило-поживало веселое горное, горное эхо...

Игорь посмотрел на десантников, пряча улыбку, чтобы нечаянно не спугнуть песню, покосился на часы. Еще несколько минут — и пора в обратный путь.

Как хороши горы в эту полуденную пору! Снежные вершины, такие близкие, неприступно-манящие. Слепит солнце, отражаясь тысячами разноцветных бликов в ледниках, искрится в далеком ущелье едва заметная змейка реки. И всегда рядом с ощущением

этой первозданной красоты при восхождении соседствует едва уловимое опасение — немалая высота для тех, кто до недавнего времени видел горы разве что в кино. А их, жителей равнин, как шутит иногда Игорь, в роте большинство. Да и сам он впервые понял, что такое настоящие горы, только здесь, в Афганистане.

Запорожан направился к радиации — доложить комбату об окончании занятия. Как раз кстати: его вызывал гвардии майор И. Александров.

— По сведениям афганских разведчиков, на вашем участке возможна встреча с душманами, — сообщил комбат. — Двигаться по ущелью на северо-запад, усилить наблюдение, действовать по обстановке...

Далеко, на сотни километров, раскинулась долина Панджшер. Словно стражи-великаны подпирают над ней небо вечными снегами вершины хребта Гиндукуш, в переводе — Индийской горы. Древние легенды рассказывают, будто когда-то здесь, в темных скальных пещерах, в шахтах, сохранившихся с незапамятных лет, прятали несметные сокровища воины Александра Македонского. А сейчас пещеры превратились в убежища для «борцов за веру», «служителей корана», или, попросту говоря, бандитов, головорезов, обученных в соседнем Пакистане, вооруженных до зубов новейшим оружием с иностранными клеймами. Именно здесь бесчинствовали диверсионно-террористические группы Ахмад-шаха Масуда, безжалостно расправляясь с истинными патриотами республики, с активистами Народно-демократической партии Афганистана, со всеми, кто поддерживал народную власть, апрельскую революцию. Грабили кишлаки, сжигали школы, издевались над мирными, ни в чем не повинными жителями, устраивали засады на единственной дороге через горный перевал.

Еще до приезда в Афганистан Игорь читал в газетах о зверствах душманов, с болью в сердце смотрел телерепортажи из ДРА. И все же реальность потрясла его масштабами, глубиной страданий народных. Не раз воочию видел кровавые следы бандитских налетов на мирные кишлаки, разрушенные мосты, плотины, задыхающиеся без воды поля. Шагал по развороченным минами дорогам, мимо обугленных крестьянских домов, отравленных колодцев, почерневших остовов машин, так и не доведших продовольствие,

медикаменты, другие товары первой необходимости в отдаленные районы страны. Выполняя вместе с товарищами интернациональный долг на израненной афганской земле, Запорожан всем существом понял, что фашизм с его звериным обличем еще не искоренен до конца. И еще понял, насколько необходима их помощь, чтобы защитить здесь завоевания революции, продолжить строительство новой жизни.

Афганские войска разгромили контрреволюционные бандитские формирования в этом районе. Однако недобитые душманы рассеялись в горах, попрятались в ущельях. Едва ночь опускалась на землю, они, точно тени, выбирались из своих нор, вновь разбойничали на дороге и в окрестных селениях, не щадили ни стариков, ни детей. А едва появлялись афганские подразделения, мятежники уходили тайными тропами, оставляя после себя кровь и слезы людей, напичканные минами дороги и мосты.

«Паршивая собака кусает исподтишка», — с ненавистью говорили о них крестьяне.

Вероятно, одну из таких групп и засекли разведчики. Душманов, доложили, пятнадцать—двадцать человек, хорошо вооруженных, среди которых, возможно, находятся те, кого разыскивают ХАД — органы государственной безопасности.

Звучит команда. Словно скрытые пружины срывают десантников с мест. Все отработано до мелочей на тактических занятиях, в учебных и реальных боевых действиях. Не впервые воинам лучшей десантной роты гвардии старшего лейтенанта Запорожана встречаться с врагом. Они сопровождали колонны автомашин с продовольствием, строительными материалами, нефтепродуктами, прикрывали саперов при разминировании дорог, помогали бойцам афганской Народной армии охранять важные народнохозяйственные объекты, обезвреживать крупные банды, диверсионные группы. В этом и заключается их служба в ДРА, интернациональная помощь дружественному народу соседней страны. С любой сложной, ответственной задачей гвардейцы-десантники справлялись безупречно, демонстрируя отличную выучку, смелость, хладнокровие. Многие воины роты отмечены боевыми наградами.

Даже на обычных занятиях в горах Запорожан готовил себя, своих подчиненных к любым неожиданностям, старался учесть все до мелочей. У каждого де-

сапника всегда полный боекомплект, запас воды, сухой паек, каждый способен действовать длительный срок в отрыве от части, в любых погодных условиях. Откуда такая скрупулезная предусмотрительность? Только ли обстоятельствами, условиями службы объясняется? Нет, это вообще отличительная черта его характера — человека, офицера, командира. Качество, возвращенное с детства.

Родители — геологи, вся жизнь на колесах, в бесконечных экспедициях от буровой к буровой. В одной из таких экспедиций и появился на свет сын, Игорь. Ребенком наблюдал, сколь тщательно готовились мать с отцом в дорогу. И неосознанно учился тому же, впитывал житейскую мудрость. Позже, суворовцем, в курсантские годы, не раз слушал рассказы деда Ильи Алексеевича — участника Великой Отечественной, кавалера ордена Красной Звезды, подполковника в отставке — о его боевой молодости. Еще в далекие тридцатые годы обезвреживал Илья Алексеевич остатки басмаческих банд на советско-афганской границе.

Особенно хорошо запомнилась внуку история-притча: «Из-за нехватки гвоздя потерялась подкова, без подковы пала лошадь, из-за гибели лошади погиб всадник... И все это случилось потому, что не было простого подковного гвоздя». Так и в бою, наставлял дед. Кто хорошо подготовлен к нему, тот, считай, одержал победу.

Пригодились внуку уроки старого чекиста. Пригодились и другие — те, что получил от командиров, преподавателей.

...Главное сейчас — выиграть фактор внезапности. Если бандиты еще не подозревают, что обнаружены, — уже залог успеха. Или сами следят за ними из скальных расщелин, трещин? Что ж, не исключено. За время службы в Афганистане Запорожан хорошо постиг повадки врага — хитрого, коварного, не прощающего ни малейшей оплошности. Готовыми нужно быть ко всему.

Игорь развернул карту. Через три километра путь им преградит река — быстрым, шумливым потоком. Так себе речушка, лишь на вид грозная. И все же без моста не обойтись. А он только один, причем в очень удобном для вражеской засады месте. Нападение, скорее всего, можно ждать там, размышлял командир роты. Или чуть дальше, где ущелье переходит

в теснину с почти отвесными склонами. Именно такие участки обычно выбирают душманы для своих грязных дел.

Взвесив все, посоветовавшись с офицерами, командир разбил подразделение на группы. Одна будет двигаться по лабиринту ущелья, две другие попытаются подняться по склонам — в горах кто быстрее овладеет вершинами, тот и диктует условия боя. Гвардии старший лейтенант выделил воинов и для того, чтобы обойти наиболее вероятные места засады, встретить роту. Казалось бы, к чему такая предосторожность? Не слишком ли страхуется командир? Игорь уловил этот вопрос в глазах некоторых десантников. Если душманов действительно мало, вряд ли они осмелятся напасть. Ну а вдруг?

Горы пока молчат. В узком каньоне — зловещая, тяжелая тишина. И хотя по-прежнему зажигает разноцветьем снежные вершины солнце, оно уже не радует глаз. О многом могли бы поведать безмолвные каменные великаны: о борьбе простого народа за новую жизнь, о бессильной злобе бандитов, иностранных наемников, чующих свой близкий конец и оттого особенно зверствующим. Пулями, минами истерзаны эти склоны, на горных кручах запеклась кровь защитников революции и ее врагов. Оросила холодные камни и кровь советских воинов-интернационалистов.

Запорожан, следуя с одной из групп, время от времени прикладывал к глазам бинокль: где, за каким поворотом, выступом скалы притаилась засада? Откуда грозит обрушиться свинцовый град пуль? Из чернеющего оскала пещерки, вход в которую как-то неестественно завален наполовину камнями, или воп из-за того гребня, словно специально предназначенного для внезапного удара?

По едва заметной тропе шли почти след в след. Один неосторожный шаг — и может рвануть огненным смерчем передкая в таких местах мина. То и дело встречались недавние наглядные свидетельства крутого нрава гор — будто предостерегали о вполне реальной опасности.

«Бойтесь селя, обвалов, в эту пору они особенно страшны. Сель достанет змею в норе, лавина, камнепад поймает птицу на лету», — предупреждали крестьяне, когда ранним утром Запорожан вел роту через последний кишлак.

Управлять подразделением в горах трудно: прямой видимости часто нет. В этих условиях крайне важно, чтобы не только каждый командир, но и каждый солдат умел действовать самостоятельно, проявлять разумную инициативу, сметливость. И еще важно быть уверенным в подчиненных, как в самом себе. У Игоря такая уверенность есть. За время службы в Афганистане он успел на практике оценить способности многих воинов роты, привить им качества, необходимые десантникам. Учился и сам, иногда на собственных ошибках, на ошибках друзей. Горькими порой оказывались эти ошибки.

Памятно Игорю боевое крещение — первая схватка с врагом. Его рота сопровождала колонну машин. Уже почти достигли цели, когда их обстреляли душманы. Нападение отбили быстро. Едва собрались продолжать движение, одна из БМП рванулась в сторону от дороги — вдогонку за бандитами. И тут прозвучал взрыв. Беспомощно замерла боевая машина.

Все длилось какие-то секунды, Запорожан даже растерялся от неожиданности. Размышляя позже о происшествии, прощаясь с так нелепо погибшим товарищем — командиром взвода, думал над тем, случайность ли это? Не зная обстановки, не предупредив командира, чтобы тот прикрыл его огнем, молодой лейтенант ринулся за душманами. Нет, не случайность. Во всем виноват он, ротный. Не научил, не предостерег.

А однажды сам Запорожан попал в ловушку почти в такой же ситуации. Успешно отразив натиск крупной банды головорезов, бросился с группой солдат за пытавшимися ускользнуть главарями. Бежали по старому, заросшему кладбищу. И вдруг из-за укрытых кустарником могильных холмов с разных сторон по ним полоснули автоматные очереди: в пылу погони наскочили на засаду. Пришлось залечь, отстреливаться. Пули свистели все ближе, враг наседал. Спасло небольшое полуразрушенное строение, куда с трудом, под непрерывным вражеским огнем, пробившись бойцы.

Четыре часа продолжали душманы осаду. Запорожан приказал экономить боеприпасы — патроны, гранаты таяли на глазах. Поверившие в победу бандиты кричали во весь голос:

— Советские, сдавайтесь, нас много, вы окружены! Выдайте нам командиров, остальных отпустим домой.

Усыпив бдительность душманов, десантники стремительным броском вырвались из западни.

Вот такие случайности, но общего в них немало. Прежде всего неумение правильно оценить тактическую обстановку, ненужная горячность, непростительная несогласованность в бою.

С каждым днем, с каждым боевым выходом число досадных просчетов сокращалось. Игорь учился сам, учил офицеров, сержантов моделировать в сознании все возможные ситуации боя, предвидеть его течение, убеждал, что главное — не только количество уничтоженных врагов, но и то, удалось ли, выполнив задачу, сохранить подразделение, обойтись без потерь. Эти прописные вроде бы истины не раз проверялись в реальном бою. Постепенно крепла вера в себя, в своих сослуживцев, подчиненных. Вера, без которой немыслима победа.

Как-то раз их десантный батальон вместе с подразделением афганской армии обеспечивал движение колонны в отдаленный район, где несколько дней бесчинствовали душманы. Накануне комбат, собрав офицеров, уточнил задачу:

— Путь далекий, трудный. Вся сложность в том, что большая часть его в завалах, не исключены мины, засады. Так что смотреть в оба. Что бы ни случилось, помните — за людей и сохранность груза отвечаем мы с вами. Нас ждут, на нас надеются голодные дети, женщины, старики.

Дорога действительно изобиловала завалами, воронками от взрывов. Продвигались медленно, осторожно. Ведь излюбленная тактика бандитов — раскинув, словно пауки, сети мин, поджидать жертву в засадах.

В голове колонны следовала боевая машина друга Игоря, командира взвода гвардии лейтенанта Сергея Тыркова. Внезапно на крутом повороте у заброшенного кишлака ударили почти в упор безобидные с виду виноградники, дувалы. Сергей, прикрывая колонну, повел ответный огонь. И тут из арыка, чуть ли не у самой дороги, полыхнуло пламя гранатомета. Расчет душманов был прост: застопорить движение, создать панику, расстрелять всю колонну.

Три гранаты попали в машину: одна — в правый борт, две — под башню. Из пробитого бака потекло, и тут же загорелось масло. Тыркова тяжело ранило, наводчика-оператора гвардии сержанта Александра

Жука и механика-водителя гвардии рядового Владимира Перебейноса контузило. Однако Владимир сумел-таки выбраться из поврежденной БМП.

Первый порыв человека в подобной ситуации — спрятаться за броней, тем более что бандиты обрушили на машину буквально свинцовый дождь. Поступил так солдат, никто не осудил бы его. Перебейнос решил иначе: снова метнулся на броню, вытащил из башни наводчика-оператора, затем взводного, открыл задние люки, помог выбраться десанту и лишь тогда упал на землю, пытаясь сбить пламя с комбинезона. А на выручку уже спешила вторая БМП — замполит роты гвардии старший лейтенант Игорь Блуджян корпусом своей машины заслонил от пуль и гранат попавших в беду товарищей.

Поврежденная БМП загрозила дороге. Колонна стоит. Однако расправиться с ней душманам не удалось. Снова отличился Перебейнос — невысокого роста, обычно застенчивый паренек из Винницкой области. Мгновение — и он в машине. Секунды потребовались, чтобы завести ее, круто развернуть, бросить на обочину шоссе. Едва выскочил из раскаленного стального нутра, как мощно рванул боекомплект. Но люди находились уже в безопасности. А скоро общими усилиями отогнали душманов.

К израненной БМП подошел Перебейнос. Глаза его под обгоревшими бровями на перепачканном сажей лице светились радостью. Владимир выполнил свой долг, не растерялся в сложной ситуации, рискуя жизнью, выручил боевых друзей. Теперь они довезут грузы по назначению — жителям далекого района, куда направлялась колонна...

Вот и мост, тот неудобный мост через реку. Подступы загорожены валунами. Кому вздумалось навесить его именно здесь? А может, камни — следы более позднего обвала? Появись тут душманы, придется туго: уж очень сложно в таком месте руководить боем, управлять подразделением.

Не успел Запорожан подумать об этом, как тишина раскололась: в очереди крупнокалиберных пулеметов вплелись автоматная дробь, винтовочная пальба. Совсем рядом задзинькали пули, отбивая гранитную крошку.

«И брызнули камни, как слезы из раненых скал», — мелькнули у Игоря последние слова песни,

той самой, которую удивительно душевно пели десантники накануне боя.

Стреляли и внизу, и на склонах, с заранее оборудованных позиций, определил Запорожан. Значит, их давно поджидали. Горы превратили сухой пулеметный и автоматный треск в адский грохот. Десантники рассыпались, прячась за камнями, изготавливаясь к ответу. Из небольшой впадины, похожей на камин, Игорь в бинокль прощупывал местность. Свинцовые трассы летели из расщелин на противоположном скате, из-за каменного гребня прямо по ходу ущелья и еще откуда-то сверху.

«Сколько же их? — спрашивал себя Запорожан. — Судя по плотности огня, никак не двадцать, даже не в два, не в три раза больше».

Радиостанция работала на прием. По мере того как Игорь вслушивался в доклады из соседних групп, лицо его все больше мрачнело.

«Обнаружили большое скопление противника: не меньше пятидесяти — семидесяти человек, хорошо замаскированные огневые точки», — извещал гвардии старший лейтенант Николай Чигин. Примерно такие же сообщения поступили от гвардии старшего лейтенанта Блуджяна, возглавлявшего одну из групп, от других десантников.

Еще раз проанализировав ситуацию, Запорожан вызвал по радио командира батальона, проинформировал об обстановке.

«Постарайся завладеть инициативой, — донесла рация далекий голос гвардии майора Александрова. — Береги людей».

Комбат обещал помощь вертолетов огневой поддержки. Однако вершины гор постепенно заволакивала густая облачная пелена. Перевал вот-вот будет закрыт, и рассчитывать на авиацию вряд ли имеет смысл.

Итак, задача предельно ясна. Все зависит теперь от смелости, натиска десантников, от того, кто напористее, чей глаз острее, чьи нервы крепче. И еще от него, командира. Сумеет ли он организовать бой, правильно распределить свои силы, разгадать замысел врага?

Сделав по радио распоряжение и развернув подразделение в боевой порядок, насколько позволяла сложившаяся ситуация, Запорожан решил прежде все-

го подавить огневые точки бандитов, выбить их из насиженных укрытий. Определяя по интенсивности стрельбы, где основное сопротивление противника, переносил туда огонь группы прикрития.

Гранатометчики уже обнаружили цели. Из пещерки за громадным камнем, откуда только что бил крупнокалиберный пулемет, повалил дым, один за другим начали выскакивать перепуганные душманы. «Молодцы гвардейцы, выкурили «духов», — мысленно похвалил Игорь, заменил расстрелянный магазин автомата и вновь припал к биноклю.

В небольшой трещине перед выступом скалы появилась чалма, рядом еще одна. Запорожан чуть переместился, чтобы увеличить сектор обзора. Бандитов он хорошо сейчас видел даже невооруженным глазом. Двое судорожно вставляли ленту в пулемет, а третий, с винтовкой, опасно озирался вокруг. Игорь поудобнее переложил автомат, прицелился. И вдруг...

Меняя, вероятно, позицию, из-за камней неожиданно выскочили замполит роты Блидзян и гвардии рядовой Колосовский. Через какой-то миг они столкнулись с бандитами. Что делать? Стрелять — можно задеть своих, кричать — вряд ли услышат.

— Стойте! Назад!

Запорожан едва не порвал голосовые связки, но его заглушил грохот стрельбы. «Неужели все?» — похолодело сердце. И тут же радостно встрепенулось: Колосовский резко вскинул автомат, выпустил длинную очередь.

«Молодец, Саша, какой молодец».

В памяти Запорожана молнией мелькнул еще один бой. Батальон тогда перебросили на юг республики, в район, где активизировались душманские банды. В кишлаке, окруженном густыми зарослями винограда, Запорожан со своими десантниками оказался на исходе дня, перед самым закатом солнца. Передвигались молча — сосредоточенные, готовые к любым неожиданностям. Душманы ударили одновременно с двух направлений, намереваясь расчленить группу, уничтожить ее по мелким частям. Десятки автоматов и пулеметов стегали свинцом из амбразур в дувалах, из «лисых нор», виноградников. Советские воины, отстреливаясь, залегли. Зная, что десантников горстка, что быстрой помощи ждать им неоткуда, бандиты надеялись легко справиться с ними.

Командир приказал собраться всем в кулак, присоединиться к основной группе. И все же душманам удалось отрезать от воинов новичка — лейтенанта. Запорожан видел, как он несколько раз пытался пробиться к спасительному арыку, но вдруг упал, подкошенный пулей. Враги ликовали, приближаясь, судя по автоматным и винтовочным вспышкам, к раненому офицеру, чтобы захватить его живым. Да не ведали того, что нет у нас солдата, который не считал бы для себя высшей честью спасти в бою своего командира, что этот подвиг в Советской Армии — самый славный, массовый.

Гвардии рядовой Колосовский — Игорь сразу узнал его по атлетической фигуре, порывистым движениям — покинул своих товарищей за невысоким дувалом и, где прижимаясь к земле, где короткими перебежками, устремился к попавшему в беду офицеру. Десантники дружным огнем прикрывали смельчака. Вот уже Александр обхватил одной рукой раненого, пополз к арыку. В бессильной злобе не жалеют патронов, выкрикивают ругательства и угрозы душманы, остановленные прицельной стрельбой советских воинов.

Долго длился тот бой. Наконец вдали послышался знакомый спасительный гул: к десантникам спешили на выручку боевые машины, вызванные по радио командиром.

Искренне симпатизировал Игорь этому солдату — гвардии рядовому Колосовскому. Поражался его смелости, хладнокровию, уверенности в себе, в своих силах, неиссякаемой веселости. Специалист, каких поискать, Александр в любое дело вносил особую искорку оптимизма, никогда не сомневался в удаче. Не случайно к нему тянулись солдаты. Таких надежных парней у Запорожана в роте было немало.

...Схватка в горах продолжалась уже несколько часов. Лица десантников утомлены, наливаются свинцом ноги, тяжелеют автоматы. Но бойцы, равняясь на командира, упорно продвигаются вперед. Запорожан там, где особенно жарко. И наверное, не раз воины добрым словом вспомнили его за то, что в ходе учебы не упускал возможности испытать и себя, и подчиненных на выдержку, выносливость, психологическую закалку. Сила духа обеспечивает победу — вновь наглядно убедился каждый.

Именно здесь, в Афганистане, Игорь отчетливо понял, сколь много значит он для своих воинов. От него, командира, прежде всего зависит, чтобы подразделение не только полностью выполнило задачу, но и не потеряло ни одного человека. А для этого надо воспитать из доверенных ему людей истинных солдат — умелых, стойких, ловких, находчивых, обучить их отлично владеть оружием.

Когда Запорожан пришел в роту, то обратил внимание, что кое-кто из десантников на учениях, в реальных боевых действиях ведет себя таким рубахой-парнем. Рванет на груди тельняшку, и была не была — сам черт ему не брат. Не сразу убедил молодой командир таких «героев» в том, что между подлинной отвагой, самоотверженностью и глупым безрассудством, нарочитой смелостью — дистанция огромного размера. Гораздо проще, внушал Игорь, без надобности броситься в огонь или воду — ума здесь не требуется, чем пойти на риск, все рассчитав, подкрепив решительность отточенным мастерством. Смелым сопутствует удача, а умелым — вдвойне.

Правота гвардии старшего лейтенанта подтверждалась позже, когда рота, завершив боевую задачу, возвращалась без потерь. И десантники еще старательнее, настойчивее во всем следовали наставлениям своего командира, платили ему уважением, доверием. А Игорь радовался, когда видел, как выросли вчерашние мальчишки — мужали, росли идейно.

Однажды Запорожану в кишлаке, где только что похозяйничали душманы, попалась листовка, изготовленная в Пакистане. На ней рисунок — советский солдат с автоматом, на штыке которого — афганский ребенок. На очередном политическом занятии показал листовку воинам. Сначала смотрели безмолвно — не находили слов от возмущения. Гвардии старшина Валерий Смирнов, заметно волнуясь, произнес:

— Лгать — единственное, что им осталось. Потому их и ненавидят, потому и горит у них под ногами земля, что за душой у бандитов ничего нет, кроме страха за кровавые злодеяния да щедрых посулов из-за границы.

О многом говорили тогда воины. Вспоминали, как помогали афганским крестьянам поднимать из руин дома, школы, разрушенные душманами, как делились продуктами с полуголодными местными жителями. Го-

ворили о жестокости врагов революции, которые сродни гитлеровским головорезам, рассуждали о своем долге воинов-интернационалистов. А Запорожан слушал, всматривался в глаза солдат, полные гнева, возмущения, желания до конца выполнить этот долг.

...Соппротивление врага постепенно слабело. Не получилось у душманов застигнуть десантников врасплох, затянуть вокруг них кольцо. Группа, посланная Запорожаном в обход, ударила по противнику с тыла. Дружным натиском сломили сопротивление бандитов. Где по одному, где группами мятежники вылезали из укрытий, бросали оружие.

К вечеру в ущелье воцарилась тишина. Рассеялись облака, над гребнем гор повисло огненно-красное полотно сверкающих лучей. Но не красоты природы переполняли сердце командира — радость, что победой закончился бой, что выполнена задача и что, главное, в роте нет потерь.

* * *

Час за часом бегут незаметно в беседе. Запорожан — рассказчик интересный, но говорит больше не о себе — о старших товарищах, прививших ему командирские навыки, о людях своей роты, которыми гордится, в которых души не чает. Именно о них он думал, когда вручали ему орден Красной Звезды, а несколько позже орден Ленина и Золотую Звезду Героя. Именно о них тосковал, уезжая на новое место службы.

Впервые увидев Запорожана, я удивился его молодости. Невольно закрался вопрос: не баловень ли судьбы? И еще раз вспомнил его короткую биографию, уместившуюся на тетрадной странице. Восемилетка, суворовское училище, высшее общевоинское командное училище. Диплом с отличием. Офицерская служба в Южной группе советских войск. Командовал мотострелковым взводом. Выпадали недели, месяцы, когда Игорь, забывая об отдыхе, дневал и ночевал в казарме. Но добился своего: взвод стал отличным, лучшим в роте, а потом и в полку.

Через три года — новое назначение: в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. С первых же дней Запорожан, верный себе, стал делом, упорным трудом завоевывать авторитет, до-

верие старших товарищей, уважение подчиненных. И завоевал — об этом говорили коммунисты, принимая Игоря в ряды ленинской партии. Выходит, не баловень — хозяин судьбы.

Кстати, там, в далеком Афганистане, нашел и свое семейное счастье — встретился с Сашей. Александра работала машинисткой в воинской части. Приглянулись друг другу сразу. Ничего, что не было ни времени, ни других условий для прогулок под луной. В суровой обстановке люди узнаются быстрее — больше возможностей проверить себя, друг друга на прочность, выдержку, человеческую порядочность и конечно же проверить свою любовь. А свадьбу Игоря и Александры, если можно так назвать их торжественный вечер, и сейчас вспоминают многие сослуживцы. Не по богатому застолью — по задумчивым, томительно-чарующим русским и украинским песням, по сердечному разговору о родных краях, о друзьях-товарищах, о будущей жизни, который затянулся почти до утра.

После Афганистана офицерская служба Запорожана продолжалась в Краснознаменном Среднеазиатском военном округе. В прославленной гвардейской мотострелковой Режицкой дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова принял роту. В ее списки навечно зачислен Герой Советского Союза политрук Василий Клочков, в ноябре 1941 года вместе с другими гвардейцами-панфиловцами совершивший бессмертный подвиг у подмосковного разъезда Дубосеково.

Никогда не забудет Игорь день, когда переступил порог казармы роты. Первое, что сразу же бросилось в глаза в мемориальном уголке рядом с огромной, во всю стену, картиной, воспроизводившей подвиг двадцати восьми героев, — фотография. Приветливо, открытым, ясным взглядом смотрел на него с увеличенного снимка Василий Клочков. Доверчиво прижалась щекой к отцовскому лицу девочка в белоснежном платьице. На фотографии прочитал Игорь надпись: «И за будущее дочки ухажу я на войну». Герой словно обращался к нему, Запорожану: каков ты, наш преемник, достоин ли нашей славы? С тех пор этот вопрос будет с ним всегда. Как маяк, освещающий путь.

Воины-клочковцы верны традициям героев. В учебе, службе, в нелегком труде вдохновлял их пример

командира. Вот только один эпизод из ратных будней клочковцев.

Итоговое занятие по огневой подготовке. Первыми, как и положено, стреляют офицеры. На огневом рубеже — гвардии старший лейтенант Запорожан. Поневоле залюбуешься действиями командира, отработанными до блеска. Звучат короткие автоматные очереди — и одна за другой падают сраженные мишени.

Однажды роту посетил командующий войсками округа генерал-полковник В. Н. Лобов, ныне первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Познакомился с воинами-клочковцами, побеседовал об учебе, о службе, солдатской жизни. Прощаясь, сказал:

— Рота имени Героя и командир Герой. Это глубоко символично. Высокому званию должны соответствовать дела. Как вы считаете?

— Будут соответствовать, — твердо ответил Запорожан.

Учебный год, предшествующий XXVII съезду КПСС, рота завершила с отличными результатами в учебе и службе, полностью выполнила обязательства. Памятен тот год еще и тем, что лучшие воины роты — старший сержант Т. Мардиев, сержант И. Шаповалов, рядовые В. Куквин, Р. Нигматуллин, Л. Сейтбилялов — ездили в Волоколамск — на место подвига героев-однопольчан, где приняли участие в праздновании 40-летия Великой Победы.

Беспокойна офицерская служба. Кажется, только-только обжился в гарнизоне, добился определенных успехов в роте, а на руках уже новое предписание. Вместе с очередным воинским званием Игорь Запорожан получил назначение на должность начальника штаба батальона Н-ского мотострелкового полка.

Часть — одна из передовых в соединении. Скоро, однако, убедился капитан, что во многом жили мотострелки старой славой. Вникнув в учебный процесс, увидел в нем следы формализма. Зная не по книжной теории, чем все это чревато в боевой обстановке, открыто выступил против упрощений, послаблений. Правда, поначалу кое-кому не по душе пришлись ершистость, строгость нового начальника штаба, который все замечал, во всем стремился разобраться.

В расписании занятий роты — метание боевых гранат. А на полигон берутся учебные — для страховки.

На обкатке воинов танками в траншее рядом с каждым солдатом находится офицер — опять переусердствовали с мерами предосторожности. Запорожан везде навел порядок. Не смирился и с тем, что многие механики-водители в полевых условиях не могли самостоятельно заменить вышедший из строя блок, устранить неполадку в двигателе. Причина одна — слабые навыки в эксплуатации техники. И вывод ясен — надо решительно менять отношение к боевой учебе. Игорь поднимает этот вопрос на совещании офицеров батальона, на партийном собрании, в разговорах с товарищами. Только в сказках бывает, горячо убеждал, что добрый молодец лежит на печи без движения тридцать лет и три года, а потом, хлебнув чудесного зелья, обретает вдруг молодецкую удаль, богатырскую силу.

Есть такое понятие — героизм будней. Испытание напряженными ратными буднями часто труднее для воина, чем кратковременный порыв в исключительных условиях. Добросовестное отношение к воинскому труду — первый шаг к подвигу. Именно в армейских буднях формируются коллективизм, высокая дисциплинированность, сознание долга перед Родиной. Главное в том, чтобы найти правильные пути для развития таких черт.

— Нельзя воспитать мужественного человека, — говорил Запорожан, — не поставив его в условия, в которых можно и должно проявить мужество. А у нас нередко не только противник, но и трудности условия. Раньше в учебный центр всем полком пешим строем ходили. Сейчас сорок километров нам не под силу. Ездим на машинах, боимся, что солдат под дождем намокнет.

Сам Игорь на горной подготовке часто практикует длительные марши: по Афганистану усвоил их огромную пользу. Конечно, первое время не обойтись без нытиков, без кровавых мозолей. Постепенно люди привыкают. Солдаты закаляются не только физически — морально.

...Идет учение в горах. Палит нещадно солнце. Позади десятки километров, долгий переход через перевал. Смотрит Запорожан на подчиненных — пот струится по лицам, срывается дыхание от высоты, тяжести груза, но держатся молодцами. Впереди — учебный бой, как-то там себя покажут?

Показали с самой лучшей стороны. И стреляли отлично, словно не было за спиной изнурительного мно-

гочасового пути, и действовали в сложной тактической обстановке напористо, грамотно. Значит, не зря столько времени и сил отдали офицеры тренировкам. Значит, сыграла свою роль длительная, откровенная беседа Запорожана с воинами накануне выезда в горный учебный центр. А началась она просто: Игорь вспомнил один из эпизодов своей службы в Афганистане.

Задачу роты определили тогда предельно кратко: помочь афганским подразделениям обезвредить душманскую банду. Для успешного ее выполнения требовалось в первую очередь овладеть перевалом в горах, весьма выгодным в тактическом отношении, причем очень быстро: бандиты могли разгадать замысел, опередить их.

Труднее всех пришлось воинам многонационального минометного взвода старшего лейтенанта Ярослава Горошко, внешне сурового, суховатого, но тем не менее любимого солдатами офицера. Высота и без того свыше четырех тысяч метров, а им необходимо подняться по крутому склону еще дальше, занять там позицию.

Игорь наблюдал в бинокль за минометчиками. У каждого груз не менее пятидесяти килограммов, не хватает воздуха. Сказывалось, конечно, что в горах воины уже несколько дней, что питание ограничено. Силы, одним словом, на пределе. Вот кто-то упал, скатился на несколько метров вниз. За ним спустились трое, подхватили под руки. И продолжили подъем.

Игорь словно сам ощущал, как колотятся их сердца, как подкашиваются от усталости ноги. Хотелось помочь, подбодрить.

Минуты тянулись для Запорожана часами. Душманов все-таки не удалось обмануть, они тоже рванулись к перевалу. Поздно. Минометчики достигли заветного рубежа раньше, чем предполагалось. Гулким эхом отозвался в горах их первый залп.

Весь взвод тогда Игорь представил к наградам. Так и написал в представлениях: за личное мужество, проявленные в бою образцы дружбы, войскового товарищества...

Опыт гвардии капитана Запорожана в обучении и воспитании воинов освещала окружная газета. Заинтересовал он и «Красную звезду». В статье, посвященной ему, упоминался такой, несущественный вроде бы, пример. В походе солдаты нередко имели все: сухой

паек, спички, топливо. Питались, однако, всухомятку. До тех пор пока Запорожан не обязал варить обеды. Потом у воинов такие кулинарные способности обнаружались — Игорь диву давался. Из сосисочного фарша готовили с виноградными листьями голубцы — объединение. Даже пельмени в поле стряпали. Только ли о вкусной, горячей пище заботился командир? Костер, кипящий над ним котелок — это приподнятое настроение, моральная разрядка утомленных бойцов. Тоже, если хотите, немаловажный фактор боеготовности.

Всем сердцем приветствует офицер перемены, совершающиеся сейчас в стране, приветствует перестройку. Игорь убежден, что в военном деле, особенно в обучении и воспитании воинов, она тоже необходима.

Вопросы, связанные с перестройкой в воспитании личного состава, политработники, партийные и комсомольские активисты рассматривали на совещании за «круглым столом». Непосредственное, заинтересованное участие принял в обсуждении и гвардии капитан Запорожан, назначенный командиром батальона. Идейная закалка, считает Игорь, — удел не только политработников, это прямая обязанность каждого офицера, независимо от его должности.

— Почему иногда наши слова не трогают солдат? — спрашивал Запорожан. — Да потому что на политических занятиях, в беседах, лекциях он слышит одно, а в жизни видит другое. Разве нет среди наших офицеров тех, кто нарушает дисциплину, не является примером в службе? Какая польза от таких «учителей»?

В Афганистане прибыл в наш батальон лейтенант — только-только после училища. Не хочу называть его фамилию, может, изменился уже, одумался. Первый его вопрос — не о службе, не о людях, с которыми придется идти в бой. Нет, лейтенанта больше всего волновало, можно ли купить джинсы? Что это — незрелость, политическая наивность или просто глупость? И здесь в полку кое-кто не прочь поахать над западной цивилизацией, будь то музыка, кинофильмы или что-то еще. А помните, как писал Владимир Маяковский об Америке:

Я в восторге
от Нью-Йорка — города.
Но кепчонку
не смахну с виска.

У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

Не хватает нам порой этой гордости, — заключил Игорь.

В горячий, искренней обеспокоенности положением дел в подразделении, упорном нежелании мириться с тем, что мешает совершенствованию боевой учебы, весь Игорь Запорожан — офицер, коммунист.

Память часто возвращает Игоря в Афганистан, к незабываемым дням, когда выполнял интернациональный долг. Словно компас, ведет она его и сейчас от цели к цели, от рубежа к рубежу. Счастье трудных дорог — командирское счастье Запорожана.

«ГЕРОЙ ЖИВЕТ В НАШИХ ДЕЛАХ»

Подполковник Петр Васильевич Рубан родился в 1950 году в с. Хильчичи Середино-Будского района Сумской области. После окончания восьми классов средней школы поступил в Запорожский металлургический техникум имени А. Н. Кузьмина и одновременно пошел работать подручным сталевара на завод «Запорожсталь». Получив диплом, продолжал трудиться на том же заводе, занимался в аэроклубе ДОСААФ.

В 1972 году экстерном сдал экзамены за полный курс Черниговского высшего военного училища летчиков. Служил в Прибалтийском военном округе, Группе советских войск в Германии, Закавказском военном округе. С сентября 1983 года командовал авиационной эскадрилей в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Совершил более 100 боевых вылетов. При выполнении боевого задания 16 января 1984 года самолет Рубана был подбит душманами из крупнокалиберного пулемета.

П. В. Рубану присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В то январское утро авиаторы эскадрильи, которой командовал майор Рубан, приехали на аэродром, как обычно, с рассветом. На предполетном построении комэск уточнил задачу, и они, не теряя времени, занялись подготовкой ракетноносцев к первому вылету. Петр Васильевич, рослый, спортивного сложения, полный неиссякаемой энергии, переходил от самолета к самолету, оживленно поторапливал людей, подбадривал. Все знали его неугомонный характер, привыкли к высокой, но справедливой требовательно-

сти и не обижались, если получали за что-то замечание. Между собой называли комэска уважительно — Чапай...

Дул прохладный ветер с гор, срывался редкий снежок с затянутого облачностью неба. Закончив работы, летчики, в меховых куртках, полевых фуражках, при оружии, расположились у костра, разведенного механиками на краю стоянки. В ожидании вылета балагурили, шутили, смеялись.

Наконец поступила команда:

— Звену — воздух!

— Сходи, Григорий Алексеевич, с ребятами, — распорядился комэск, обращаясь к своему заместителю майору Чехову. — А я тут еще подежурю...

Вскоре аэродром огласился гулом реактивных двигателей. Курс — на север. Четверть часа спустя КП распорядился поднять еще одно звено, теперь уже маршрутом на юг, в район населенного пункта Ургун. Эту группу возглавил сам комэск.

Взлетели в девять ноль-ноль. Ведомым у комэска шел капитан Н. Приходько, во второй паре у старшего лейтенанта В. Рассохи — старший лейтенант Л. Стуров. Было известно, что главари контрреволюции не без участия западных «специалистов по Афганистану» разработали план вооруженного захвата Хоста и Ургуна, намереваясь провозгласить на их территории «автономное афганское государство» с последующим признанием его Западом. Здесь, в горах на юго-востоке страны, окопалось несколько душманских банд. С ними за последние дни то тут, то там не раз вступали в ожесточенные схватки подразделения афганской армии, которым сейчас требовалось оказать поддержку с воздуха.

Вскоре возглавляемая командиром эскадрильи группа достигла района боевых действий. Под низким облачным небом, опиравшимся на горные вершины, даль таяла в сизой дымке. На подходе к цели земля доложила обстановку: авиаторов могло встретить сильное огневое противодействие мятежников.

Оценив ситуацию, Рубан решил не рисковать подчиненными, а пойти вначале самому, вызвать огонь на себя, чтобы засечь огневые точки душманов — потом ведомые сумеют накрыть их наверняка. Когда звено по его команде оттянулось, занял боевой курс.

Со стороны гор, где засела банда контрреволюцио-

перов, к ракетноносцу понеслись свинцовые трассы. Рубан мгновенно фиксировал—откуда. Сообщил земле:

— «Лук», внимание, обозначаю ракетами. Корректируйте!

После удара по первой огневой точке развернулся, пошел в атаку на вторую, посылавшую смертоносный огонь. Выпущенные им ракеты накрыли ее. Когда выводил машину из пикирования, очередью вдруг ожившего, не замеченного крупнокалиберного пулемета прошило правую плоскость. Самолет начал энергично вращаться, не подчиняясь больше воле пилота.

Запас и без того небольшой высоты катастрофически таял. Комэск успел только кратко передать ведущему второй пары старшему лейтенанту В. Рассохе, что с ним случилось, сгруппировался на сиденье, сбросил фонарь и потянул на себя ручки катапультирования кресла. От пушечной силы выстрела он вылетел из кабины ракетноносца.

* * *

Родился Петр Васильевич на Сумщине в селе Хильчичи в пятидесятом. Судьба распорядилась так, что с малых лет воспитывали его дед Михаил Васильевич и бабушка Ефросинья Ивановна Рубаны. Особенно привязался мальчуган к деду, в те годы еще крепкому казаку. В гражданскую войну Михаил Васильевич сражался за Советскую власть в прославленной дивизии Щорса, в Великую Отечественную — в партизанском отряде. Часто рассказывал внуку о том суровом времени, о своем брате Игнате Васильевиче, который проходил срочную службу в авиационной части, а в минувшую войну также партизанил. Их сестру, связанную в отряде, выследили фашисты, расстреляли на глазах односельчан и матери. Потом казнили мать.

Слушая Михаила Васильевича, Петр проникался любовью к Родине, Советской власти, за которую пролито много народной крови. Рано научился трудиться. Четырехлетним пацаном посадил вместе с дедом сад, который и теперь, тридцать лет спустя, плодоносит... Летом, в каникулы, пас гусей, помогал по дому чем мог. И так не один год.

Не думал, что когда-нибудь станет летчиком. Хотя мечтал: «Полететь бы птицей!» Завел голубятню, лю-

бовно пестовал сизарей. Бывало, по шаткой лестнице взберется наверх, под самое небо, выпустит голубей и рвется душой вслед за ними!

После четвертого класса мать Мария Михайловна, ныне ветеран труда, забрала сына к себе в Запорожье. Петро довольно быстро освоился в новой, городской обстановке, на первых порах подавлявшей масштабностью, многолюдьем, среди шумных, бойких ребят. Мягкий, добрый от природы, он, однако, без колебаний заступался за тех, кого обижали, проявляя на редкость твердую волю, решительность. И еще выделялся среди сверстников успехами по математике, охотно объяснял ее правила тем одноклассникам, кто усваивал их труднее.

А после уроков спешил домой. С рождением младшего братишки Михаила хлопот прибавилось. Петр видел, насколько трудно матери — порой едва сводили концы с концами. И хотя очень хотелось ему получить среднее образование, все же решил скорее выходить на самостоятельную дорогу жизни, чтобы поддержать семью.

Дружба со спортом сделала Петра физически крепким, закаленным. Ростом он обогнал одноклассников. Смышленного, инициативного юношу привлекла профессия сталевара: после восьмого класса без колебаний подал документы в Запорожский металлургический техникум. Поступил. Занимался с энтузиазмом, старательно, прилежно. Первую же стипендию протянул матери:

— Возьми на расходы.

— Что это? — оторопела Мария Михайловна.

— Стипендию получил...

— Но ведь, сынок, ты уже взрослый, деньги нужны тебе самому.

— Ничего, мама. Обойдусь. Дома они нужнее.

Каждый раз всю стипендию, до копейки, отдавал матери. Сумма хотя и скромная, но весомая при их небогатом семейном бюджете. Мария Михайловна радовалась, глядя на сына: отзывчивый, заботливый.

Продолжая занятия в техникуме, Петр начал работать на металлургическом заводе «Запорожсталь» подручным сталевара. А после получения диплома в 1969 году стал разливщиком металла. Теперь уже на зарплату он смог купить домой холодильник, телевизор, кое-что из мебели.

Профессия металлурга нравилась Петру. Но едва поднимался к голубятне, его по-прежнему манило к себе небо. С новой силой возрождалось давнее желание почувствовать парение в воздухе. Поделился как-то своей мечтой с рабочими. Те посоветовали:

— Иди в аэроклуб. Там научат летать. Только вот справишься ли с двойной нагрузкой — и на производстве, и в аэроклубе?

— Должен справиться. Постараюсь.

Так Петр пришел в Запорожский аэроклуб ДОСААФ. А несколько месяцев спустя, после основательной теоретической подготовки, провозных и тренировочных полетов с инструктором, наконец самостоятельно поднялся в небо на Як-1. Пусть пока покорила ему лишь учебная машина, но какие широкие горизонты открылись перед ним! Okрепло убеждение: истинное его призвание — авиация. Впоследствии с глубокой благодарностью вспоминал начальника аэроклуба коммуниста В. Орлова, первых инструкторов, и в первую очередь коммуниста В. Крайнова, которые, образно говоря, помогли ему обрести и расправить крылья.

Жизнь между тем текла своим чередом. Наслаивались одно на другое события, все ближе подвигая Петра к осуществлению мечты. Служба, окончание экстерном Черниговского высшего военного авиационного училища летчиков имени Ленинского комсомола, профессиональный рост... Впрочем, по порядку.

* * *

Младшим лейтенантом прибыл Рубан в один из авиационных полков в Прибалтику. И сразу неожиданность: самолеты в части иного типа, нежели он освоил, — истребители-бомбардировщики. Значит, чтобы войти в строй армейской жизни, нужно, главное, изучить новую для себя боевую технику, догнать в мастерстве других молодых летчиков, причем в кратчайшие сроки.

Было ему, конечно, нелегко. Энергично приналег Петр на специальную литературу, без устали, забывая об отдыхе, отрабатывал практические навыки. Да и опытные летчики обычно оказывались рядом в трудную минуту: разъяснят, если что-то не получается, продемонстрируют, как лучше выполнять тот или иной прием.

Рубану везло на прекрасных, добрых наставников. Это в первую очередь командир авиационного полка, в ту пору подполковник, А. Тарасенко, военный летчик 1-го класса командир эскадрильи майор В. Кононенко, его заместитель по политической части военный летчик-снайпер майор А. Кирьянов. У них учился Петр мужеству, самообладанию, выдержке, с них брал пример в верном служении Родине.

Вместе с первыми успехами молодой летчик обретал авторитет, уважение командиров, товарищей по крылатому строю. Всем нравилось его серьезное, вдумчивое отношение к делу, упорство в достижении цели, чувство войскового товарищества, любовь к людям, небу, земле. Общительный, отзывчивый, чуткий, он активно включился в общественную жизнь. Получил очередное воинское звание лейтенант, а вскоре принял звено. Стремясь вывести звено в отличные, Петр во всем служил примером для подчиненных, прежде всего в боевой учебе. Его опыт освещался на страницах журнала «Авиация и космонавтика» в апрельском номере за 1976 год в статье «Бомбы и баллы».

...Шли ночные полеты. С полигона возвратился на истребителе-бомбардировщике старший лейтенант Рубан, несколько минут спустя — капитан И. Тихонович. Оба — командиры звеньев, накануне обязались добиться наивысшего балла при бомбометании, взлетах и посадках, строго соблюдать меры безопасности. Летная смена заканчивается. У кого лучше показатели, кто победил в соревновании?

Комэск, уточнив со своим заместителем по политической результаты полетов, оказался в затруднении: кому же отдать предпочтение? И Рубан, и Тихонович претендовали на первое место. И тот, и другой имеют 2-й класс, зарекомендовали себя методически грамотными, умелыми, эрудированными командирами. Оба непрерывно заботятся о совершенствовании своего боевого мастерства, ратной выучки подчиненных. Этой ночью старший лейтенант Рубан послал бомбу в цель на отлично, а вот за не совсем четкий выход на посадочный курс руководитель полетов подполковник О. Рябов снизил ему оценку на один балл. Капитан Тихонович, напротив, отлично справившись со взлетом и посадкой, бомбу положил с небольшим отклонением от перекрестия круга. Для определения победителя комэск предлагал взять главный критерий — итог бом-

бометания. Политработник согласился. Первенство завоевал коммунист старший лейтенант Петр Рубан.

В полку по праву считали Рубана одним из наиболее перспективных летчиков. Однако он самокритично признавал, что до настоящего командира ему еще далеко. Петр Васильевич внимательно приглядывался к методам руководства старших товарищей, прежде всего, конечно, офицеров А. Тарасенко, О. Рябова, В. Кононенко, А. Кирьянова, старался быть таким же собранным, оперативным, столь же безошибочно выделять основные направления в решении задач, доводить начатое дело до конца. Опираясь на их поддержку и помощь, сумел правильно наладить в звене боевую подготовку и воспитание подчиненных, мобилизовать воинов на добросовестную службу, настойчивое выполнение социалистических обязательств. Учебный год эскадрилья тогда завершила с высокими показателями: вырастила 53 процента отличников, 78 процентов летчиков получили 1-й и 2-й класс.

Наступили изменения и в личной жизни Рубана: он женился. Татьяна сразу активно занялась общественной работой в женсовете, а на следующий год возглавила его. Здесь, в женском совете, Татьяна увлеченно трудилась вплоть до перевода мужа к новому месту службы.

Когда родилась Оленька, Петр Васильевич с женой посадили в военном городке березку. Всей семьей — вместе с подраставшей дочуркой — бережно ухаживали за деревцем, поливали, окучивали. Поднялась березка, шумит, белоствольная, на ветру, радуя глаз, напоминая о хороших людях.

Свою судьбу военного летчика Рубан определил твердо, бесповоротно. Однако не гасла в нем прежняя привязанность к профессии сталевара. В первый же отпуск после женитьбы, приехав погостить к матери, повел Татьяну к проходной завода «Запорожсталь». Веселый, радостно возбужденный, без умолку рассказывал дорогой о своем заводе, о том, как с другими мастерами варил сталь, разливал расплавленный металл, с каким упоением наблюдал за огненной рекой, которая, послушно повинаясь их воле, текла по желобу, рассыпая во все стороны ослепительные брызги...

— Не жалеешь, что оставил завод?

— Конечно, жаль. Но полеты перетянули...

Многолюдно в офицерском клубе. Авиаторы, члены их семей собрались на торжественный вечер, посвященный годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. Лучшим воинам вручаются государственные награды. Командир, политработник части, комэск, сослуживцы горячо поздравляют старшего лейтенанта Рубана с орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Далеко не каждый молодой офицер удостоивается столь высокой оценки его ратного труда.

Потом, уже капитаном, Рубан служил в Группе советских войск в Германии. И опять пришлось переучиваться на новую для себя боевую технику.

Тепло, взволнованно вспоминает о том периоде службы Петра Васильевича военный летчик 1-го класса капитан Р. Загретдинов. Оба занимали в одном авиационном полку равные должности — командиров звеньев, правда в соседних эскадрильях. Общались часто. Загретдинов, прибывший в часть на год позже Рубана, с первых же дней услышал самые лестные отзывы о нем: и командиры, и рядовые летчики говорили о незаурядных профессиональных качествах Петра Васильевича, его душевности, отзывчивости, заботе о людях.

— Прекрасный человек, творчески мыслящий офицер, — отмечал Загретдинов. — Его звено отличалось твердым порядком, организованностью. Молодые летчики стремились во всем равняться на командира, действовать столь же смело, решительно.

Как работал Петр Васильевич с молодежью? Об этом со мной поделился личными впечатлениями командир звена капитан В. Черняк, военный летчик 1-го класса, тогда, в 1977 году, только начинавший службу.

...После построения к новичкам подошел высокий, стройный офицер, отрекомендовался: «Капитан Рубан». Назвав четверых лейтенантов, дружелюбно сообщил: «Будем служить вместе». Кратко побеседовал с каждым. Вечером заглянул к ним в гостиницу, поинтересовался, хорошо ли устроились. Рассказал о себе, об условиях службы в полку, о традициях, спросил, кто и откуда родом, как учился, чем увлекается, каковы планы. Он невольно располагал к себе

удивительной душевностью, корректностью в обращении, искренним вниманием.

— Пока мы осваивались на новом месте, входили в строй, — возвращался к поре своей офицерской юности капитан Черняк, — Петр Васильевич помогал нам во всем. Особенно пристально следил, конечно, за нашим боевым становлением. Растолковывал и показывал все, что надо делать, — от полета по кругу до самых сложных полетов на полигон. Свое звено скоро вывел на первое место в эскадрилье, а потом и в полку. А какую чуткость проявлял! Увидит, человек чем-то расстроен, обязательно подойдет, деликатно выяснит, что случилось, не требуется ли его вмешательства, даст добрый совет. Очень переживал за своих подопечных. Перед вылетом на более сложное, чем прежде, задание непременно подробно проинструктирует. Едва машина поднимется в воздух, сразу спешит к динамике, слушает радиообмен, следит за тем, как его воспитанник выполняет упражнение. Первым встречал каждого летчика на стоянке. Бывало, после доклада подчиненного подбодрит: «Молодец! Так держать!» Эти слова говорили о многом, но прежде всего о том, что он, командир, доволен летчиком, рад, что его труд не пропал даром.

Тепло вспоминал капитан Загретдинов, с каким удовольствием общался с Петром Васильевичем в свободное время.

— Мы часто рыбачили вместе, отдыхали семьями на лоне природы. Что только не обсуждали с ним в такие часы! И служебные дела, и политическую обстановку в мире, и новые книги, кинофильмы. Человек очень начитанный, развитый, с широким кругозором, Петр Васильевич буквально притягивал к себе.

Заслуженным уважением пользовалась в части и жена Рубана, которую он нередко называл: «Моя общественница». Действительно, Татьяна Викторовна, несмотря на возросшую семейную загруженность (родился еще сын Олежка), успевала совмещать домашние хлопоты с общественной работой в женсовете.

Вскоре Рубана выдвинули на должность начальника разведки полка, а затем заместителя командира эскадрильи. Петр Васильевич получил очередное воинское звание — майор.

Передо мной снимок той поры. В четком равнении замерли подразделения — полк построился на плацу в

связи с годовщиной Великого Октября. Гремит медь духового оркестра. От здания штаба в сопровождении ассистентов майор Рубан в парадной форме с красной лентой через плечо, высоко вскинув голову, выносит Боевое Знамя части. Развевается на ветру алое полотнище, колышутся свисающие с древка золотые кисти. На лице Петра Васильевича — гордость за оказанное доверие. Ведь высокой чести быть знаменосцем удостоиваются лишь лучшие из лучших.

* * *

В июне 1982 года Рубана с несколькими летчиками полка перевели в Краснознаменный Закавказский военный округ — командиром эскадрильи. О службе Петра Васильевича в тот период рассказал майор А. Шаров, назначенный к нему начальником штаба эскадрильи:

— Как и многих офицеров части, меня майор Рубан с первых же дней поразил прямо-таки неукротимой энергией, упорством в достижении того, что намечал. Откровенно говоря, ему досталась эскадрилья, не блиставшая успехами. Думалось: не скоро тут выправится положение. К удивлению всех, за короткий срок она будто преобразилась. Комэск сумел расшевелить каждого летчика, техника, механика, зажечь их своим энтузиазмом. Очень много внимания уделял воинам срочной службы, заботился об улучшении их быта, досуга. Не было, пожалуй, такого дня, когда бы Петр Васильевич не выкроил времени посетить казарму, побеседовать с солдатами и сержантами. Очень помог мне утвердиться в должности начальника штаба эскадрильи. Казалось, не найдется вопроса, которого бы он не знал. О чем ни зайдет с ним речь, на все у Петра Васильевича полный, правильный ответ.

Главным для себя на том этапе комэск считал, конечно, овладение сложной боевой техникой: здесь, в Закавказье, ему и прибывшим с ним летчикам опять потребовалось переучиваться. Вместе с политработником эскадрильи, своим заместителем, начальником штаба Рубан сразу составил четкий график освоения нового для них авиационного комплекса. Неукоснительно выполняя его, добивался того же от подчиненных.

В боевой подготовке широко использовался опыт офицеров, участвовавших в оказании интернациональной помощи народу ДРА, в частности военных летчиков 1-го класса заместителя командира эскадрильи по политической части майора Б. Козырева — кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды, капитанов Н. Цыганкова, В. Щелкова и В. Бондаренко, военного летчика 2-го класса старшего лейтенанта А. Лавренко, удостоенных ордена Красной Звезды. Комэск часто обращался к ним за разъяснением и советом по различным вопросам, связанным с боевым применением сложного авиационного комплекса, а организуя занятия, просил выступить перед молодыми летчиками, поделиться «секретами», почерпнутыми из собственной практики.

Вот один из таких примеров. Петр Васильевич предложил капитану Н. Цыганкову рассказать, как завтра на полетах целесообразнее наносить бомбовые и ракетные удары для успешного поражения наземных объектов. Цыганков рисует на доске схемы, где наглядно изображает положение самолетов при заходе в пикирование на цель. Особо подчеркивает, что эффективность огня и безопасность при нанесении удара во многом зависят от того, соблюдает ли каждый летчик свое место в боевом строю. Такие подробные рекомендации, проверенные в боях на афганской земле, несомненно, помогали воинам эскадрильи совершенствовать мастерство.

Любое полетное задание Рубан выполнял с удовольствием, вкладывая в ракетный или бомбовый удар все свое умение. Увлеченность командира передавалась подчиненным. Общее стремление выйти вперед по итогам социалистического соревнования сплачивало коллектив в крепкий монолитный организм.

Добрая слава об эскадрилье майора Рубана вскоре перешагнула границы полка. Окружная газета посвятила целую страницу пропаганде накопленного здесь опыта освоения сложной боевой техники, формирования у летного состава высоких морально-боевых и психологических качеств.

Серьезный экзамен на боевую зрелость держали авиаторы эскадрильи в период учений «Союз-83»: перелет на другую «точку», взаимодействие с подразделениями сухопутных войск, пуски ракет и бомбо-

метания на незнакомом полигоне, причем не только днем, но и ночью, преодоление мощной ПВО «противника»... Словом, решать пришлось очень сложные, ответственные задачи в условиях, максимально приближенных к боевым. Рубан тогда впервые по-настоящему смог до конца использовать, блеснув мастерством, замечательные боевые возможности ракетоса.

Спустя несколько дней экипажи, довольные итогом учений, возвратились на свой аэродром. Эскадрильский фотолюбитель, снимая авиаторов для «молнии», сумел запечатлеть и их встречу с родными. Едва Рубан в светло-голубом комбинезоне и защитном шлеме, с подсумком на боку сошел по стремянке из кабины самолета, к нему тотчас бросилась дочь. Петр Васильевич наклонился к девчущке, вот-вот подхватит на руки, а она обвила его шею ручонками и целует, целует, поднявшись на цыпочки. Из-за спины сестренки нетерпеливо тянется к отцу Олежка, поддерживаемый сзади матерью. Татьяна Викторовна — невысокого роста, с короткой прической, в светлых босоножках, цветастом летнем платье, в темных защитных очках. Вся семья Рубан в сборе...

На подведении итогов учений имя командира эскадрильи майора Рубана было названо среди тех, кто особенно отличился. Наград и поощрений, свидетельствующих о признании его ратных заслуг, у Петра Васильевича к тому времени набралось уже много. Особенно дорожил он, пожалуй, Грамотой Центрального Комитета ВЛКСМ, врученной ему за личные успехи в боевой и политической подготовке, умелое обучение и воспитание подчиненных.

* * *

Летом того же года командование предложило Рубану возглавить авиационную эскадрилью в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА. Офицер согласился без колебаний: надо — значит надо! Перед отъездом в Афганистан ему разрешили пойти в отпуск.

Вместе с семьей Петр Васильевич навестил памятные для себя места: прибалтийский гарнизон, где начиналась его офицерская служба, родное село Хильчичи, повидался с матерью в Запорожье, точно хотел

напитаться живительными соками перед дальней и трудной дорогой. В Прибалтике побывал у березки, посаженной в честь рождения дочери, сходил с детьми в лес к знакомому роднику. Втроем весело, дружно расчистили его, и вновь запульсировала из-под земли чистая, прозрачная ключевая вода. Глядя на своих заметно подросших детей, с восторгом обсуждавших, как придут теперь сюда в жаркий день напиться лесные звери, Петр Васильевич радовался: хорошие у него ребятки — добрые, отзывчивые...

В родном селе дом, где родился и вырос, куда стремился завернуть хоть на несколько дней в каждый отпуск, опустел: уже в преклонном возрасте — восьмидесяти трех лет — ушли из жизни Михаил Васильевич и Ефросинья Ивановна. Еще раз с благодарностью поклонился их праху. В большом ухоженном саду старался угостить жену и детей самыми вкусными яблоками, с гордостью похвастался, что когда-то посадили его вдвоем с бабушкой.

Односельчане тепло приветствовали Петра Васильевича, радушно приглашали:

— Вот отслужишь свое — возвращайся к нам. Такие, как ты, нам нужны. Края здесь замечательные, благодатные.

* * *

В середине августа Петр Васильевич прибыл в ДРА. На месте сразу же выяснилось, что многие самолеты требуют ремонта, профилактики. Комэск собрал своих заместителей, партийный актив. Совместно наметили конкретные меры для быстрее вводу в строй боевой техники, распределили, кто за что отвечает. Петр Васильевич развернул поистине бурную деятельность: лично контролировал ход восстановительных работ. Даже выдавшие виды офицеры приятно удивились, когда в предельно сжатые сроки удалось подготовить ракетноносцы к надежной эксплуатации.

Экипажи прикрывали с воздуха афганские и советские подразделения при выполнении тех или иных задач, обеспечивали безопасность продвижения по горным дорогам колонн машин с народнохозяйственными грузами для местного населения, по просьбе афганского руководства помогали ликвидировать засылаемые из-за рубежа душманские банды, их склады

с оружием и боеприпасами. Вражеские разбойные нападения в тот период настолько усилились благодаря возросшей помощи империалистических государств, прежде всего США, что интенсивность боевых вылетов по сравнению с двумя предшествовавшими годами увеличилась в эскадрилье почти в три раза.

Силой своего примера комэск увлекал воинов на самоотверженный ратный труд. Не успокаивался до тех пор, пока авиаторы не подготовят к вылету все до единой машины. Вместе с техниками и механиками подвешивал боеприпасы, налаживал на стоянке взаимопомощь авиаспециалистов. Был, поистине неутомим.

За четыре месяца службы в ДРА Рубан совершил столько боевых вылетов, сколько не всегда набиралось за год мирной боевой учебы. Старался сходить на задание буквально с каждым летчиком, предостеречь от малейших оплошностей, которые порой влекут за собой тяжелые последствия. В самые ответственные моменты вел группы, как правило, лично. Равнялся на командира, авиаторы завоевали заслуженный авторитет у сухопутных частей.

...На рассвете с командного пункта сообщили: бандиты, разделившись на группы, пробираются по скрытым горным тропам в глубь страны. По просьбе афганского руководства надо пресечь их продвижение.

Комэск пригласил к себе своего заместителя майора Чехова (впоследствии кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды) и политработника эскадрильи майора Хохлова, награжденного позже орденом Красной Звезды. Познакомил офицеров с содержанием телефонограммы, обвел на карте райоп, где примерно пролегал путь банды.

— От нас ждут существенной помощи. Ваше мнение, Григорий Алексеевич? — обратился к майору Чехову, летчику 1-го класса, зарекомендовавшему себя хорошим тактиком.

— Прежде всего, конечно, важно знать, куда душманы направятся дальше. Наверняка в каком-то месте группы, пока разобщенные, сойдутся. Тут бы хорошо перехватить их всех разом.

— Тропы, как видите, сливаются вот в этом ущелье. — Рубан опять склонился над картой. — Иной дороги банде нет.

— Надо бы предупредить наблюдательные посты на высотах, авианаводчика, — предложил майор Хох-

лов, тоже летчик 1-го класса, неоднократно участвовавший в выполнении труднейших заданий. — Пусть не выпускают душманские группы из поля зрения.

— Согласен, — кивнул комэск. — Григорий Алексеевич, займитесь, пожалуйста, этим, а я пойду со звеном. Пропустить банду никак нельзя. Проникнет в долину — рассыплется по провинции, примется за свои черные дела.

К предполетной подготовке приступили без промедления. Вычислили, в какой точке гор и когда соберутся разрозненные группы душманов, где удобнее всего перерезать им путь. Наметили характерные ориентиры на маршруте, согласовали варианты атаки в зависимости от конкретной обстановки, «проиграли» полет.

Стартовали утром. Поднявшись в чистое, безоблачное небо, взяли курс к ущелью. Внизу тянулись горы, от островерхих каменистых пиков падали четко очерченные тени. Комэск внимательно наблюдал за местностью, сверяя ее с картой, поддерживал связь с КП, авианаводчиком.

Расчет подтвердился: отряды душманов стекались к ущелью. Теперь вопрос в том, сразу ли банда направится в долину или на время затаится в пещерах, выжидая удобный момент? Если успеет скрыться в скалах, ее не взять.

Примерно через четверть часа вдалеке обозначилась характерная заснеженная вершина горы — опорный ориентир. Направо от вершины начиналось ущелье.

— Занять рассредоточенный боевой порядок! — скомандовал Рубан.

Комэск ввел свой ракетоносец в пологое викирование, заходя с разворота в горловину узкого глубокого ущелья. Соблюдая дистанцию, за ним последовали ведомые.

В кабине заметно потемнело, однако Рубан быстро сориентировался в обстановке. Когда получил от авианаводчика уточненные целеуказания, обнаружил банду довольно быстро.

Застигнутые врасплох душманы смешались в кучу, ударили по самолету из крупнокалиберных пулеметов. В полумраке ущелья Рубан хорошо видел вспышки выстрелов, рыжие трассы пуль, дугами про-

тянувшиеся к нему. По счастью, из-за спешки мятежники промазали.

Комэск нажал кнопку сброса, энергично потянул ручку управления на себя. Ракетносец устремился ввысь, а внизу прогрехотали взрывы. Потоки каменной осыпи, низвергнувшиеся со склонов, завалили дно ущелья, где пролежала единственная дорога.

Действия ведущего повторил ведомый капитан Н. Вдовин, отрезав бандитам путь к отступлению. В такой же последовательности накрыла цель вторая пара. Каменная ловушка вокруг мятежников захлопнулась. Разгром банды довершили афганские пехотинцы.

Помнят в эскадрилье и другой весьма характерный случай. На территорию ДРА проник душманский караван с оружием, сведения о котором в тот раз были далеко не полными и в чем-то даже противоречивыми. Авиаторам сообщили лишь приблизительно район его появления, но, где караван в данный момент, куда движется, предстояло выяснить на месте.

Группу опять возглавил комэск. Впереди, до самого горизонта, — серые, выжженные жарким южным солнцем, будто безжизненные, горы, между ними в глубокой седловине просматривалась узкая тропа.

Шли на безопасной высоте, чтобы случайно не угодить под огонь душманов. Вот и указанный район. Где же банда? Рубан распорядился усилить наблюдение. Дважды облетели местность, но ничего подозрительного не обнаружили.

У Рубана родилось решение, которое он тут же согласовал по радио со старшим начальником: одна пара самолетов продолжает барражировать над горами, а комэск с ведомым снизится и попытается таким образом отыскать караван. Риск, конечно, есть. Не исключено, что душманы имеют на боковых склонах огневые точки и могут обстрелять. Вместе с тем нельзя же позволить врагам выйти на простор — перехватить их там будет гораздо труднее.

С небольшой высоты, почти над самыми горами, четче обрисовывались очертания предметов. Различались даже отдельные крупные камни, освещенные солнцем. По-прежнему нигде ни души. И вдруг внимание комэска привлекли непривычно пестрые нагромождения за осыпью. Наконец-то! Это мятежники, увидев пролетавшие самолеты, положили лошадей и

верблюдов на землю, сами почти слились с камнями, надеясь остаться незамеченными.

И все же у кого-то из врагов не выдержали нервы: к самолету ведущего потянулись свинцовые трассы. С ходу Рубан обрушил на караван ракетный удар. За ним — ведомый. Столь же эффективно атаковала вторая пара. Как позднее выяснилось, группа Рубана уничтожила крупный караван с большой партией оружия и боеприпасов для контрреволюционных формирований, рассеянных по территории провинции.

Однажды потребовалось срочно прийти на выручку афганскому подразделению, которое вступило в бой с хорошо вооруженной бандой, засевшей в горах. Рубан сознавал, что до зубов оснащенные современной техникой душманы могут применить против авиации ракеты, зенитные горные установки, крупнокалиберные пулеметы. Чтобы не подвергать опасности подчиненных, комэск первым пошел в атаку. Искусно уклоняясь от встречного бандитского огня, с первого же захода обстрелял позиции мятежников из всех видов бортового оружия. Его маневр повторили ведомые. При такой мощной поддержке афганские пехотинцы быстро расправились с бандой.

* * *

В Демократической Республике Афганистан майор Рубан служил около пяти месяцев. Под его руководством личный состав эскадрильи провел в воздухе не одну сотню часов, совершив внушительное число полетов на боевое применение. Командуя различными группами, комэск брал на себя самые сложные, ответственные задания, демонстрировал образцы мужества, героизма. Сила, точность его ударов были таковы, что земля часто просила: «Дайте нам 141-го!» И группа, возглавляемая 141-м, спешила в указанный район.

Каждый чем-то поучительный полет в эскадрилье становился предметом серьезного анализа. Петр Васильевич не довольствовался собственным умением, стремился к тому, чтобы отличным мастерством обладали все летчики эскадрильи. Самое пристальное внимание уделял формированию у воинов, прежде всего молодых, качеств воздушных бойцов, умело сочетая боевую подготовку с интернациональной по-

мощью ДРА, использовал любую возможность, чтобы поделиться и своим опытом.

Много хороших навыков переняли у комэска командир-звеньев капитаны Н. Вдовин, В. Елисеев, Г. Кудинов, летчики старшие лейтенанты В. Рассоха, А. Яковлев, С. Горохов, Л. Стуров, Ю. Крылов и другие, впоследствии награжденные орденом Красной Звезды. Ни разу группы, в которые входили воспитанники Рубана, не возвращались на аэродром, не выполнив боевой задачи. Эскадрилья прочно удерживала звание отличной. За сравнительно короткий срок здесь воспитали 54 процента летчиков 1-го класса и 25 процентов — 2-го.

В сентябре — октябре 1983 года майор Рубан участвовал в оказании помощи вооруженным силам ДРА, проводившим Шиндандскую и Фарахскую операции, в ноябре — Гератскую и Кундузскую операции. Двадцать раз водил эскадрилью на выполнение боевых заданий. В декабре того же года и в январе следующего во взаимодействии с афганскими подразделениями громил контрреволюционные банды в Баграмской операции. В трудных боевых условиях смело, решительно, грамотно управлял экипажами в воздухе. Прежде чем разрешить своим летчикам работать по объектам, сам отыскивал и подавлял зенитные средства мятежников.

В представлении Петра Васильевича Рубана к присвоению звания Героя Советского Союза говорится: «Военный летчик 1-го класса П. В. Рубан полетные задания выполнял с хорошим и отличным качеством, цели поражал с первого захода. Летал смело, уверенно, всегда решительно атаковывал наземные цели, несмотря на зенитное противодействие мятежников. Грамотно обучал летный состав освоению и боевому применению сложного авиационного комплекса. Общий налет составил 1765 часов».

* * *

В семейном архиве Петра Васильевича хранится памятный снимок. Возле небольшого костра — группа авиаторов эскадрильи. Глубокая осень, чувствуется, уже прохладно: все в меховых куртках, фуражках, ботинках на толстой микропоре. У каждого на боку — кобура с пистолетом. Позади виден склон горы в се-

рой дымке. Рубан примостился на каком-то ведре, перевернутом вверх дном, помешивает длинной щепкой поленца в костре. Его слегка вытянутое, похуdivшее, в полунаклоне лицо спокойно, однако легко угадывается усталость. Нечасто, наверное, выпадали свободные минуты. А случился момент — решили сфотографироваться на память.

Возможно, так же сидели летчики перед вылетом и в то роковое утро 16 января 1984 года. Ушел на задание замкомэск майор Чехов, за ним повел группу Рубан. Но на аэродром тогда вернулись не все. Когда Чехов приземлился, услышал потрясшее его известие: на самолете командира снарядом перебило рули. Петр Васильевич катапультировался, однако высоты для полного раскрытия парашюта не хватило.

Позднее уточнили детали: техника работала нормально, комэск действовал правильно, грамотно, но самолет после попадания снаряда стал неуправляемым. К тому же — в горах. Не довелось узнать отважному летчику, что за два дня до гибели ему присвоили очередное воинское звание — подполковник, представили к званию Героя Советского Союза.

Жизнь Рубана трагически оборвалась в самом расцвете — в неполные 34 года. У каждого, кто когда-либо с ним встречался или служил, — самые светлые воспоминания об этом прекрасном человеке, принципиальном коммунисте, замечательном командире и летчике, беспредельно верном своему воинскому долгу. Вот строки из его последнего письма сыну и дочери, вложенного в конверт вместе с письмом жене: «Любимые мои, родные мои дети! Как я скучаю по вас, но вы должны понять меня, своего папу. Я нужен здесь, в Афганистане, так как богачи по сей день обижают бедных, а я хочу, чтобы афганские дети были так же счастливы, как и вы».

Рубана всегда отличала трогательная любовь к детям — своим и чужим. С фотографий, приколотых над кроватью комэска, всякий раз провожали его на боевое задание веселые, жизнерадостные жена с Оленькой и Олежкой. Чужую боль Петр Васильевич воспринимал как собственную, с искренним сочувствием спешил облегчить ее.

За месяц до гибели Петр Васильевич, работавший с огромным напряжением моральных и физических сил, поистине на пределе человеческих возможностей,

получил краткосрочный отпуск. Два дня отдыхал в кругу семьи. Много рассказывал об афганском народе, о трудной ситуации, сложившейся в стране, об огромной, бескорыстной помощи советских воинов трудящимся ДРА в защите революционных завоеваний.

...В августе 1984 года вдову Героя Татьяну Викторовну Рубан, проживающую с детьми в Таллине, пригласили в Президиум Верховного Совета Эстонской ССР. В торжественной обстановке ей вручили на хранение Грамоту о присвоении подполковнику П. В. Рубану звания Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Со словами глубокой признательности Петру Васильевичу за беззаветное служение Родине выступили на церемонии ответственные партийные, советские, комсомольские работники Эстонии.

* * *

В семью Рубан часто приходят письма, проникнутые безграничным уважением к Петру Васильевичу.

«Своей замечательной жизнью, рвостным выполнением долга военного летчика, умелой организацией службы в эскадрилье Петр Васильевич оставил очень яркий и заметный след, — выразил общее мнение авиаторов — товарищей Рубана подполковник П. Тарутта. — Он жил, служил и выполнял свой долг как подобает советскому человеку — патриоту и интернационалисту». «Одно могу сказать, Татьяна Викторовна, Вам и Вашим детям: Петр Васильевич прожил короткую, но яркую жизнь. И Вы можете справедливо гордиться им», — обращается со словами утешения майор Чехов, принявший командование эскадрильей. Пишет и офицер Ю. Бардинцев, позднее пришедший в коллектив на должность заместителя командира по политической части: «Здесь все помнят Петра Васильевича как энергичного, требовательного, умелого, заботливого командира, хорошего и искреннего товарища... И не только потому, что подполковник Рубан совершил подвиг и удостоился звания Героя Советского Союза, а в первую очередь потому, что хорошие люди, их добрые дела остаются в памяти народной на долгие годы».

Память о Герое нетленна. Средняя школа № 62 города Запорожье, в которой учился Петр Васильевич, ныне носит имя Рубана. Там, в Афганистане, где он служил последнее время, учрежден приз его имени. В комнате боевой славы части в Закавказье, откуда отважный офицер уезжал в ДРА, оборудован уголок Героя Советского Союза П. В. Рубана. В нем много материалов, повествующих о яркой, замечательной жизни Петра Васильевича. Летчики части соревнуются за право выполнить полет на боевое применение за П. В. Рубана.

«Герой живет в наших делах. Он навечно в строю личного состава полка». Эти слова политработника части подполковника Б. В. Козырева подтверждают жизнь.

ТРИ ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ КАПШУКОМ

Прапорщик Виктор Дмитриевич Капшук родился в 1965 году в с. Карапыши Мироновского района Киевской области, в семье колхозника. После окончания средней школы работал слесарем на авторемонтном заводе в пос. Мироновка. В 1983 году призван в Вооруженные Силы СССР. С мая 1984 года по декабрь 1985 года проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Командовал отделением, взводом. Был контужен.

В. Д. Капшуку присвоено звание Героя Советского Союза.

В настоящее время прапорщик В. Д. Капшук — курсант Высшего пограничного военно-политического ордена Октябрьской Революции, Краснознаменного училища КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова. Награжден орденом Ленина, Почетным знаком ВЛКСМ. На XX съезде комсомола избран членом ЦК ВЛКСМ.

Попачалу думалось: очерк о Герое Советского Союза Викторе Капшуке хорошо бы выдержать в хронологической последовательности. Сообщить читателям, что родился он на Киевщине в семье колхозника, рассказать, как учился в школе, как решил стать кадровым военным, но, не набрав нужных баллов на вступительных экзаменах в училище, вернулся домой, где получил на авторемонтном заводе первые благодарности за добросовестный труд.

Однако, чем дольше размышлял, тем больше опасался, что такое изложение может обернуться повторением уже известного. Ведь о детских и юношеских

годах Виктора, как и о его подвиге, в свое время довольно подробно писалось в центральной печати. Мне же хотелось поделиться впечатлениями о том Капшуке, которого знал еще до вручения ему Золотой Звезды Героя — и в горькие, и в радостные моменты его жизни, с которым дружен сейчас.

Особенно памятли три встречи — несколько дней и часов, что провел вместе с Виктором не как журналист, а просто как человек, как сверстник.

Такой характер не сломить

Впервые увидел Виктора Капшука в мае 1985 года — на приеме в ЦК ВЛКСМ в честь группы воинов, отличившихся при выполнении интернационального долга в ДРА. Среднего роста, лицо продолговатое, худощавое, светло-голубые глаза, русые, коротко стриженные волосы. В общем, обычный девятнадцатилетний парень, каких собралось в тот раз в Центральном Комитете комсомола немало. Вот разве что жесткие складки-морщинки, будто карандашом отчеркнутые в уголках рта, как-то диссонировали с юным, открытым обликом Виктора.

В официально-торжественной обстановке Капшук чувствовал себя смущенно. Поэтому, вероятно, в беседе со мной ограничивался односложными ответами. Назвал себя, место службы, откуда приехал, пояснил, что здесь ему должны вручать комсомольскую награду. И замолчал, напряженно глядя перед собой.

Мой интерес к Виктору проистекал не из праздного любопытства. Афганские события в той или иной мере затрагивают сегодня каждого из нас. А тут передо мной непосредственный их участник, один из воинов-интернационалистов послевоенного поколения, которые совершают, порой ценой собственной жизни, подвиги на земле дружественной страны, помогают ее народу защитить завоевания апрельской революции.

Воспользовавшись несколькими свободными часами, я предложил Капшуку погулять по Москве. Дорогой постепенно разговорились. Много теплых слов услышал я от Виктора о его родных Карапышах, где вырос будущий Герой. Какие у сельского паренька заботы? Родители — Нина Ефимовна и Дмитрий Сидорович, более тридцати лет проработавшие в колхозе, и детей своих сызмальства приучали к труду.

Едва заканчивались школьные занятия, привычно хлопотали по хозяйству старшие — Ольга с Виктором и младший — Коля. Дружно бегали к маме на ферму: присматривали за коровами, учились доить. Подсобляли отцу — то в колхозном гараже, то по дому.

А летом наступала самая горячая пора. Еще школьником Виктор упросил взять его в тракторную бригаду — на время каникул, конечно. Имелась и ученическая, но ему хотелось непременно во «взрослую». Позже, ближе познакомившись с Капшуком, многое услышав о его семье, понял, что такая жажда серьезного, самостоятельного дела — черта у них фамильная. Не она ли вела по деревням мастерового-умельца с холщовой сумой-капшуком за плечами — туда, где требовалось строить дом, наводить мост, чинить мельницу, ковать? И не ее ли унаследовал дед Виктора, Сидор Капшук, одним из первых отправившийся поднимать отсталое хозяйство в местечке под Киевом? А разве не из-за той же жажды работы пришел в колхоз тринадцатилетний Дмитрий Капшук, добился, чтобы послали его на целину? Вот и Виктор долго не рассуждал, не примеривался, не выбирал, где полегче, — стремился трудиться в полную силу.

...Буднично, не вдаваясь в подробности, рассказал Капшук о своем самом первом боевом столкновении с душманами. Их подразделение вылетело тогда к горному перевалу. По данным разведки, бандиты оборудовали там хорошо укрепленную базу, откуда совершали набеги на мирные кишлаки, обстреливали колонны афганских и советских войск на дороге.

В воздух поднялись рано утром. Капшуку предстояло действовать во взводе старшего сержанта Владимира Поршнева, об отчаянной смелости которого среди воинов слагались легенды. Именно его подразделению поручили первым высадиться на заданном рубеже.

В расчетной точке вертолет «клюнул» носом и, выполняя противозенитный маневр, начал снижаться. Сквозь гул двигателей Виктор уловил слабое потрескивание, словно кто-то рвал плотную, промасленную бумагу.

— Поливают, гады! Из пулемета! — крикнул ему Поршнев. — Сейчас пойдем, держись рядом!

Бортмеханик откатил дверь, и в десантное отделение ворвался грохот боя. Гулко ухали безоткатные орудия, отрывисто стучал крупнокалиберный пулемет, трещали автоматные очереди.

Высадились удачно: до первой траншеи, опоясывавшей бандитскую базу, — метров сто, не больше. Душманы не успели ее занять, били из глубины позиций. Устремившись в их расположение, десантники по ходам сообщения охватили лагерь с двух сторон.

Капшук бежал вслед за Поршневым, на ходу разя огнем метавшихся душманов. Уже после окончания операции услышал похвалу старшего сержанта:

— Цел? Молодец. Действовал нормально. Только впредь поспокойней будь — в бою это важно.

В борьбе с реальным противником обретался опыт, крепло мастерство, закалялся характер. Глубокие отметины ложились на сердце, когда гибли товарищи. Вот отрывок из письма, пришедшего оттуда, с горячей земли Афганистана:

«...Наше подразделение обеспечивало безопасность автоколонны с продовольствием, направлявшейся в отдаленную провинцию. Приземлились мы возле небольшого кишлака, домов в пятнадцать — двадцать. Еще когда подлетали, лейтенант Калмыков, смотревший из иллюминатора, произнес: «Если они устроили засаду, то только здесь — лучше места не придумаешь».

Кишлак казался вымершим: ни дымка, ни петушиного крика. Прямо мороз по коже от такой тишины. Мы-то чувствовали (а интуиция подводит редко, когда уже побываешь в подобных ситуациях), что банда где-то рядом. Перекрыли выходы, часть воинов оттянулась к дороге на случай внезапного нападения с тыла.

Едва попытались по дворам проверить, на самом ли деле безлюден кишлак, тут-то и началось. Не смогли даже определить, откуда именно стреляли душманы, чудилось, будто из каждого двора, из каждого дома. Грохот, пыль, крики.

Лейтенант Калмыков решил сориентироваться: с рядовым Игорем Чугаем побежал к небольшой высотке в центре. Мы видели, как на склоне он точно споткнулся, упал. Сначала верили — сейчас лейтенант поднимется. Но Чугай по радию передал: «Калмыкова ранило!»

На помощь бросились Капшук с Хамко. Они очень дружили между собой, почти всегда вместе. Метров триста пробежали — упал Вася Хамко. Потом уж мы узнали, что на крыше одного из домов сидел снайпер с американской винтовкой. Словами, конечно, всего не опишешь, жутко было, все ведь перед глазами. Гена Оников, наш санинструктор, кинулся за ребятами следом.

Душманы к высотке той поползли. Рассчитывали захватить и раненого Калмыкова, и Чугая с Капшуком, которые далеко впереди оказались. Витя с Игорем к себе не подпускали их, стреляли плотно. Мы тоже огонь усилили. В общем, отогнали душманов, вынесли Калмыкова с Хамко на командный пункт. Лейтенант скончался уже в вертолете.

А банду мы разгромили — колонна прошла нормально».

В бою том Капшук участвовал всего за месяц до своего приезда в Москву. Вот чем, скорее всего, объяснялась его немногословность в нашей беседе, едва речь касалась службы, — слишком остро ощущалась еще боль утраты. Много месяцев спустя, вновь встретившись с Виктором, я обратил внимание на перемены в нем, которые, пожалуй, определил бы предельно сжато: возмужание. Характер, прошедший сквозь испытания на афганской земле, уже не сломить.

«На него во всем можно положиться...»

Однажды прочитал в газете о поиске украинских красных следопытов, помогающих восстанавливать неизвестные страницы Великой Отечественной войны. Говорилось там и о Карапышах, родном селе Капшука, отдавшем нашей Победе 446 жизней. И вспомнил, как рассказывал Виктор о своих дедах — Ефиме Литвине и Сидоре Капшуке, не вернувшихся с полей сражений...

А через какое-то время в редакцию позвонил знакомый офицер из штаба:

— Назвать кандидатуру для очерка? Тогда записывайте: старшина Капшук Виктор Дмитриевич. Герой Советского Союза. Отличился в афганских событиях. Недавно подал рапорт — хочет учиться в пограничном училище.

— Где он сейчас?

— Дома, на родине.

Однако прежде чем мы увиделись, мне довелось посетить подразделение, где Виктор начинал службу. Здесь уже знали о подвиге своего однополчанина. На фронтоне одного из зданий укрепили большой щит с фотографией Капшука, текстом Указа о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Каждый, кто задерживался возле него, наверняка мысленно повторял крылатую горьковскую фразу: «В жизни всегда есть место подвигу».

Да, думалось мне, место-то есть всегда. Но всегда ли мы готовы занять его? Разве в сложной, критической ситуации, когда враги пытались схватить тяжело раненого старшего лейтенанта Алейникова, не мог он, Капшук, командир группы, приказать кому-либо из солдат вынести офицера в укрытие? Нет, не приказал, бросился сам, спас Алейникова. Не дрогнул Виктор с тремя товарищами и перед девятью хорошо вооруженными душманскими лазутчиками, сумел взять всех бандитов в плен, выполнил боевую задачу.

Что рождает самоотверженные поступки? Порыв? Безрассудное лихачество? Стечение обстоятельств? Нет. В основе их всегда лежит верность воинскому долгу.

«С Виктором каждый хотел пойти на задание. На него во всем можно положиться». Это слова прапорщика Мунавир Галеева — секретаря комитета ВЛКСМ подразделения, в котором служил Виктор. А вот строки из представления старшины Капшука к званию Героя Советского Союза:

«Проявляет хладнокровие, решительность, личное мужество и отвагу. Действиями подчиненных руководит уверенно и грамотно. В принятии решений смел и расчетлив. Пользуется высоким доверием у подчиненных, является примером для них...»

Наглядное свидетельство тому — последний бой Капшука. Последний перед возвращением на Родину.

Кишлак, в район которого прибыло подразделение, окружало около двухсот душманов. Жестокая расправа ждала не только «осквернителей ислама» — дехкан, не пожелавших больше участвовать в бандитских вылазках, разошедшихся по домам, но и их семьи. Мятежники успели занять окопы, вырытые дехканами для самообороны, и вели оттуда огонь из пулеметов, гранатометов, даже миномета.

Ночью душманы попытались контратаковать. Чтобы укрепить тылы, старший лейтенант Юрий Лапушко, командовавший подразделением, направил шесть человек во главе со старшиной Капшук на сопку, откуда хорошо просматривалась местность и где в случае чего можно было принять первый бой. Тогда никто не мог предположить, что бандиты, быстро сориентировавшись, перекинут в наш тыл несколько десятков душманов.

Бражеская цепь охватывала сопку с двух сторон. С левого фланга ее продвижение сдерживал расчет станкового пулемета — Игорь Кавунский и Сергей Проценко, с правого поливали противника свинцом из РПК Юрий Коротенко и Евгений Сыса. Позиция Капшука с Виктором Коваленко располагалась в центре.

— Стрелять короткими! — распорядился Капшук, когда запас патронов почти иссяк. — Гранаты к бою!

Бандиты шли уже в полный рост.

— Нас окружают! — крикнул Кавунский.

С соседней высотки ударили неприятельские безоткатные орудия и гранатометы. Один снаряд разорвался совсем рядом. У Коваленко изо рта хлынула кровь. Капшука оглушило.

И все-таки воины не дрогнули. Отражали натиск душманов до тех пор, пока не появились наши вертолеты. Капшук тут же связался с ведущим «бортом»:

— «Голуби», мы под вами, духи по склонам...

Так завершился тот бой. Несмотря на контузию, Капшук не покинул подразделения до окончательного разгрома банды...

В ноябре 1985 года Виктор написал заявление с просьбой принять его в ряды КПСС: «Участвуя в международной помощи, которую оказывают дружественному афганскому народу КПСС и Советское правительство, равняясь на коммунистов-интернационалистов старшего поколения, я хочу быть членом Коммунистической партии, чтобы в ее рядах с честью и достоинством выполнять свой воинский долг».

...Тихим теплым вечером мы с Виктором медленно шли по улицам среднеазиатского города. Сквозь ветви древних карагачей с чернеющими пятнами аистьих гнезд неярко просвечивала россыпь Млечного Пути. Из маленьких дворишков, тесно обступивших дорогу, тянуло дымом топившихся тандыров. Доносился

приглушенный смех, кто-то ломким юношеским голосом звал невидимую Айгюль. Люди отдыхали после дневных трудов, радовались, любили. Столь безмятежная картина всеобщего покоя, умиротворения резко контрастировала с тем, что по-прежнему тревожило Капшука: где-то рядом, по ту сторону границы, сражаются его боевые друзья. Может, именно сейчас там гремят выстрелы, льется кровь, гибнут люди.

— В последней операции, на которую и я должен был лететь, если бы не вызвали сюда, — взволнованно говорил Виктор, согнав к переносице светлые, выгоревшие на солнце брови, — друг у меня погиб. Рзянкин Андрей. Командовал взводом саперов. При посадке попали под сильный вражеский обстрел, ну и...

Вскоре о Капшуке узнала вся страна. О нем писали центральные и республиканские газеты, рассказывалось по радио, в телепередачах. Уверен: Виктор, простой крестьянский парень, достойно выдержит и это нелегкое испытание — славой. Выдержит, потому что память не дает ему забыть о том, в огне каких боевых столкновений, ценой каких горьких утрат рождалась его геройская слава.

Продолжение биографии

— Где сейчас Капшук? Попробуем отыскать... — помощник начальника политотдела училища по комсомольской работе капитан Чепурных снял телефонную трубку. Спустя минуту удовлетворенно заключил: — Капшук на месте, в батальоне. Принимает имущество для своего взвода.

В Высшем пограничном военно-политическом училище шел последний день зимнего курсантского отпуска. Забот у командира учебной группы прапорщика Капшука, что называется, по горло: приезжали люди, повсюду требовалось навести порядок, чтобы без раскачки приступить к занятиям.

— Нагрузка большая, не скрою, — сказал командир учебного батальона майор Шаповалов. — Ведь Капшук выполняет еще и обязанности командира взвода. Кроме того, его часто, сами понимаете, приглашают на различные встречи, собрания. Героя Советского Союза хотят видеть, слышать. Однако «режима наибольшего благоприятствования» мы ему не

создаем. Прежде всего он курсант, командир. Да и самого Виктора такой режим вряд ли бы устроил...

Наша встреча длилась недолго. Капшук прибежал с улицы — возбужденный, раскрасневшийся от мороза. Внешне почти не изменился, разве что чуть смягчились черты лица, исчезла прежняя угловатость в движениях. А внутренне?

— О чем думаешь, что вспоминаешь, Виктор?

— О том, что было бы здорово собрать сейчас всех вместе — тех, с кем служил в Афганистане. Майора Турулова, капитана Радчука, старшего лейтенанта Лапушко, Володю Поршнева, Юру Коротенко, Гену Билыка, Игоря Чугая... Каждому из них я очень многим обязан: и выбором своим, и счастьем.

Что вспоминается? Высотка, на которой погибли лейтенант Калмыков с Васей Хамко, минуты, когда нес раненого Алейникова, а он все шептал: «Уходи, там снайпер, достанет же...» Песни наши вспоминаю — жаль, мало их пели. Детишек афганских, которым отдавали хлеб, масло, сгущенку. Как ребята смотрели на нас! Разве это забудешь?

— С учебой трудновато, наверное? Отрыв все-таки существенный. К тому же ты человек женатый.

— Трудно, конечно. Но учиться надо, и упущенное наверстывать — тоже. Иначе какой толк от офицера?

Виктор торопился — его ждала масса неотложных дел.

...28 февраля 1986 года с трибуны XXVII съезда Коммунистической партии прозвучали слова, давшие оценку ратному подвигу Капшука, обязывающие жить по самым высоким моральным критериям:

«Сегодня приветствуют партийный съезд лучшие из лучших представителей молодого поколения. Среди них — московский рабочий, кавалер ордена Ленина и двух орденов Красной Звезды Николай Прохоров, доярка из Эстонии, депутат Верховного Совета СССР Эйне Куре, третьеклассница из Владимирской области Таня Амосова, награжденная медалью «За спасение утопающих», двадцатилетний пограничник Герой Советского Союза Виктор Капшук... Силой своего нравственного примера они, как бессмертный Павел Корчагин, ведут за собой советскую молодежь!»

Полковник
И. ДЫНИН

ГРАНИ СУДЬБЫ

Полковник Владимир Лаврентьевич Неверов родился в Таганроге Ростовской области в 1945 году. После средней школы — курсант Бакинского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета Азербайджанской ССР. Служил в Краснознаменном Закавказском военном округе, в Группе советских войск в Германии, в Краснознаменных Северо-Кавказском и Дальневосточном военных округах. Закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Находясь с 1982 по 1984 год в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, В. Л. Неверов проявил себя талантливым командиром и воспитателем. За мужество и героизм удостоен звания Героя Советского Союза.

После возвращения на Родину полковник Неверов учится в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова.

Испытание характера

Старший лейтенант Петр Москович, командир взвода, буквально покориł курсантов. Офицер прекрасно стрелял из пистолета и автомата. В спортивном городке на любом снаряде мог блестяще продемонстрировать самое трудное упражнение. Одежда сидела на нем настолько красиво, элегантно, будто он только что с плаката, рекламирующего военную форму.

С назначением Московича дела во взводе пошли в гору. Все старались подражать командиру. На строевой подготовке учились выполнять повороты на месте

и в движении, как Москович. На огневом рубеже брали оружие, целились по его рекомендациям. Занимались тактикой, методом Московича наносили на карты условные знаки.

Особенно восторгался командиром взвода курсант Неверов. Казалось, Владимиру доставляет удовольствие повторять привычную фразу: «Наш Москович...» Стараясь во всем равняться на своего кумира, Владимир копировал даже его походку. Заметно улучшились успехи Неверова, и до того неплохие.

Внезапно буквально всех взбудоражило событие совершенно необъяснимое. Перспективный, дисциплинированный, отлично успевающий второкурсник написал рапорт с просьбой об отчислении из училища. Мотивы такого решения изложил кратко: потерял веру в то, что сможет стать хорошим командиром.

Курсанта звали Владимиром Неверовым.

Друзья возмущались:

— Ты что, спятил? Полтора года собаке под хвост. На него уже офицерскую форму шить пора, а он солдатом пойдет служить.

— Подумайте, Неверов, ведь судьбу ломаете, — советовали командиры и преподаватели.

— Нет, — упрямо твердил Владимир, — армии нужны настоящие офицеры, посредственные командиры ей только вред наносят.

Однажды в ленинскую комнату, где Неверов коротал в одиночестве время в ожидании приказа, вошел Москович. Пожал руку, сел рядом, заговорил не по-уставному, как обращался всегда с курсантами, а по-домашнему:

— Что случилось, Володя?

В жизни каждого человека есть события, которые навсегда врезаются в память, видятся с годами лишь реальнее, четче. Владимиру запали в душу рассказы отца о войне. О далекой гражданской войне, когда он сражался в рядах Красной Армии с белогвардейцами на Перекопе. Время трудное, одеты-обуты кто во что горазд. Но какая крылатость жила в сердцах, насколько свято верили бойцы в свою победу, как люто ненавидели врагов революции! Возвращаясь к тем боям, Лаврентий Илларионович преображался, напроць забывал о тяжелом ранении, полученном на Перекопе. Глаза его светились счастьем.

— Какие ребята были, — говорил восхищенно

Неверов-старший. — А командиры! Это же золотые люди. Грамотные. Честные. Смелые. Мы чуть ли не молились на них...

Сколько помнит себя Владимир, в их семье царило уважительное отношение к армии. Если в городе появлялись военные, Неверовы непременно спешили на улицу — полюбоваться строем, послушать солдатскую песню. Коллективно смотрели телепередачи, посвященные военным, читали в газетах и обсуждали статьи об их подвигах.

Ни отец, ни мать не намекали сыну, чтобы он готовил себя к офицерской службе. Но когда встал вопрос о выборе профессии, Владимир без колебаний подал документы в Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР. Благополучно выдержал экзамены, успевал с первых дней без особых усилий. И вдруг столь крутой поворот.

— Так из-за чего или из-за кого это произошло? Только честно, Володя, — допытывался Москович.

— Из-за вас, товарищ старший лейтенант, — последовал ответ.

Наступила минута замешательства. Петр Тимофеевич явно растерялся от такого признания, а курсанта испугала собственная решимость. Но сказал Неверов правду. Ведь именно Москович, их кумир, побудил Владимира придиричвей всмотреться в себя. Кто он? Не персональный стипендиат, даже не отличник. Ни в науках, ни в спорте особо не блещет, в общественной работе не проявляет рвения. Самый заурядный курсант, а потом превратится в такого же ординарного офицера. Получит взвод, роту, начнет отдавать приказы и распоряжения, но никогда не станет командиром, которому подражают, о ком слагают легенды.

— Глупо быть посредственным офицером, — в сердцах выпалил Владимир.

— В принципе правильно, — согласился Москович.

— Так зачем мне занимать чье-то место?

— Учиться надо для того, чтобы стать отличным командиром.

— Но у меня нет данных.

Старший лейтенант рассмеялся:

— Каких данных? Чтобы верно командовать, мы должны твердо знать уставы и наставления. Чтобы

освоить строевой шаг, надо иметь крепкие, здоровые ноги. Чтобы метко стрелять, необходимы твердые руки, хорошее зрение. А выглядеть элегантно в военной форме обязан каждый, кто ее носит.

Беседа затянулась. Петр Тимофеевич не разубеждал, не пугал трудностями, если Владимир уйдет из училища, не сулил золотых гор, когда тот наденет офицерские погоны. Командирская должность, говорил Москович, хлопотливая, сложная, требует непрерывной работы над собой.

— Судя по рапорту, у тебя, Володя, твердый характер. Нужно все начать снова.

Трудно сказать, что больше повлияло на Неверова — приход ли командира взвода, его доверительный тон или весомость аргументов, но всю ночь Владимир не сомкнул глаз. А наутро, извинившись перед Московичем, попросил вернуть рапорт.

Этот момент явился переломным в жизни Неверова. За одну неделю он исправил все посредственные оценки, полученные в последние дни, когда уже не считал себя курсантом. С успехом перешел на третий курс. Его приняли в члены КПСС, позже избрали в состав партийного бюро. Училище закончил с отличием.

Разговор с командиром взвода в ленкомнате не выходил из головы и после выпуска из училища. «Командирами не рождаются, ими становятся, — внушал Москович, — и становлению тому нет границ».

Лейтенантом Неверов словно вышел на дорогу, где не бывает ни привалов, ни легких спусков, а лишь бесконечный трудный подъем в гору. Три года командовал Владимир взводом, потом в течение трех лет возглавлял роту. И всякий раз, когда ему предлагали повышение, колебался. Испытывал чувство, что не все еще достигнуто, не окрепли крылья для взлета.

Служили рядом офицеры, которых называли везунчиками. У одного продвижению способствовали влиятельные родственники, другой умел вовремя поддакнуть, пустить пыль в глаза. Словом, росли как на дрожжах, не задумываясь о командирском мастерстве, заблуждаясь, будто само назначение на должность гарантирует и авторитет, и уважение подчиненных.

Жизнь все расставила по своим местам. Первый, лишившись поддержки, сломался, точно выросший в парнике стебелек на свежем ветру. Второй запутался

в сетях лукавства, обмана. И только те, кто умывался на учениях соленым потом, уверенно, твердо шагали в армейском строю.

Шло время. Владимир закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, получил досрочно очередное воинское звание, принял полк. Испытание характера, о котором когда-то говорил ему старший лейтенант Москович, ныне полковник, Владимир Лаврентьевич Неверов выдержал.

Подарок судьбы

Внешне Владимир Лаврентьевич и Людмила Григорьевна Неверовы очень похожи. Одинаково добрые глаза, застенчивые улыбки, мягкие манеры. Общительные, доверчивые. После нашей первой неторопливой беседы мне показалось, что знаю их давно, хорошо, и уже не оставалось сомнений — в очерке о Герое Советского Союза Неверове обязательно должен быть рассказ о его семье...

В тот вечер Владимир Лаврентьевич возвратился домой раньше обычного. Поинтересовался, все ли в порядке у детей, включил телевизор. Будто между прочим сообщил:

— Приказ пришел. Завтра начинаю сдавать должность.

Людмила Григорьевна почувствовала, как вдруг ослабли, словно сделались ватными, ноги, внутри похолодело. Она знала, какой приказ ждали в полку со дня на день, готовила себя к этому, но все равно известие ошеломило ее. С трудом пересилив волнение, внешне спокойно спросила:

— В Афганистан?

— Конечно, — ответил муж.

С этой минуты Владимир и Людмила думали только друг о друге, совсем забыв о себе. Он старался представить, насколько трудно будет ей жить в гарнизоне без него. За старшим сыном Андреем надо присматривать. Учится парень неплохо, с поведением тоже проблем нет. Но возраст его не случайно называют переломным. Отцовский глаз сейчас особенно необходим. И Наташа уже школьница, часто обращается за помощью. А у Людмилы работа не такая, где можно находиться «от» и «до». У детского врача в военном городке всегда забот по горло, передки вызовы среди ночи.

Людмилу же целиком поглотила тревога за мужа. Ведь там, в Афганистане, — война, хоть и необъявленная. Напрасно накануне подруги старались успокоить: у него, мол, должность такая, что не придется ходить в бой. Ее Володька из тех, кто будет не посылать, а водить подчиненных в атаку.

Сразу же вспомнился один неприятный день. Она тогда позвонила Владимиру, что у Наташи жар. Муж обещал вернуться побыстрее. Пришел, однако, поздно. Встретив укоризненный взгляд жены, пояснил:

— У меня солдат тяжело заболел.

— Но это же твоя дочь! — вспыхнула Людмила в сердцах.

— Им я тоже отец. Они меня батей называют. И рядом с ними матерей нет. — В его голосе прозвучал мягкий упрек.

И еще вспомнилось. Как-то Владимир не явился ни на обед, ни на ужин. Возвратился домой после полуночи, устало произнес:

— В поле выезжал. У тыловиков неувязка получилась, обед не привезли. С трудом солдат накормил.

— А сам?

— О чем ты, Люда? Разве в такой обстановке пойдешь еда на ум?

Таких примеров у Людмилы много. Раньше они рождали тайную гордость, теперь — тревогу. Владимир ведь и там, в Афганистане, не изменит характер, будет стараться прикрыть своих ребят. А прикрыть без риска нельзя, значит, примет огонь на себя.

Провожала мужа без надрыва, будто в обычную командировку. Но едва дождалась первого письма оттуда, поняла, как мучительно тяжело ей жить в этом городке на Дальнем Востоке. Уж слишком далеко до Афганистана. Не может она даже вообразить, какая там погода, каким воздухом дышит муж, какое видит над собой небо.

Внезапно возникла очень простая, ясная мысль. Что ее удерживает здесь? Надо перебираться поближе к нему. Работу найдет в любом краю, с жильем как-нибудь устроится, к переездам ей не привыкать — все их богатство всегда мысленно разложено по чемоданам да ящикам.

О своем решении сообщила Владимиру так, чтобы с первых слов убедить: отговаривать ее бесполезно, надо действовать. Пришлось подполковнику Неверову

обращаться к старшему начальнику. К счастью, генерал не был сухарем, лишних вопросов не задавал. Подписывая нужные бумаги, задумчиво произнес:

— Наших жен понять можно.

Так Людмила Григорьевна оказалась в самом южном городке Советского Союза, на границе с Афганистаном. Работала в приемном отделении госпиталя, куда поступали больные и раненные из частей ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Стараясь обязательно встретить каждого, подолгу расспрашивала об условиях службы, о командирах, стычках с душманами, о положении в стране.

Говорят, в наше время расстояния не играют роли. Есть самолеты. Есть телеграф, телефон. Какая на первый взгляд разница — жить на Дальнем Востоке или в Средней Азии? Для Людмилы Григорьевны — огромная. Сразу смягчилась душевная боль. В небольшом южном городке Неверова не просто жила, а чувствовала себя причастной к большому, трудному, опасному делу мужа.

— Бывало, подует афганец, все недовольны: ветер горячий, на зубах песок скрипит. У меня же на сердце легче. Ведь этот ветер — от Володи, я на себе ощущаю, как ему там дышится.

Один пожилой туркмен, узнав, откуда и почему приехала Людмила, вдруг низко поклонился ей:

— От всех мужчин. — И уверенно добавил: — Жди, скоро мужа увидишь. Не может он к тебе не приехать.

Дед оказался пророком. Буквально через несколько дней появился Володя. Исхудавший, с белозубой улыбкой на почерневшем от загара лице.

— Особо не радуйтесь. Я ненадолго. С оказией.

Людмила Григорьевна восприняла часы желанной встречи с мужем как щедрый подарок судьбы. За все, что пережила, — за хлопоты с переездом, с поисками квартиры, работы, с устройством детей...

Рискованное решение

Непроглядно темная ночь окутала все вокруг. Не видно ни звезд, ни очертаний гор. Неподвижный воздух — густой, вязкий, точно смола. По команде капитана Виктора Солопова рота повернулась и растворилась во мраке. Какое-то время еще слышались ша-

ги, потом все стихло. Одновременно на задание ушла рота капитана Владимира Шпака.

Командование считало ночной марш наиболее безопасным. Днем душманы следят буквально за каждым перемещением воинов, ставят мины, выбирают удобные места для нападений. Не последняя роль отводилась и фактору внезапности — неожиданному появлению на рассвете двух советских подразделений в самом центре бандитского логова.

Двигались по руслу пересохшей реки. Тут и идти легче, и ориентироваться проще.

Думалось, все предусмотрели, взвесили, согласовали. Но, видимо, нет боя, в котором бы все складывалось без сучка без задоринки. Никто не предполагал, что большая вражеская банда в ту же ночь и по тому же речному руслу решит пробираться навстречу.

Душманы первыми открыли огонь, даже не разведав, кто и с какой целью оказался на их пути. Такие уж у них порядки: всякий, кто появляется в зоне, где они чувствуют себя хозяевами, — враг. Оттого и возникают часто стычки, порой выливающиеся в подлинные бои между бандами.

Подполковник Неверов почти не сомневался, что ночной марш пройдет без осложнений. И вдруг по радио прозвучал взволнованный голос командира роты:

- Попали в засаду. Ведем перестрелку.
- Какие силы у противника?
- Не могу определить. Палят со всех сторон.

Именно неизвестность больше всего мучила Неверова. Что за банда? Сколько в ней человек? Чем вооружены? Командир подразделения афганской армии, находившийся рядом, лишь разводил руками на все эти вопросы: его разведчики не сообщали никаких сведений о вероятных передвижениях душманов. Что же предпринять? Хотя воины попали в беду неподалеку, с боевыми машинами пехоты и артиллерией туда не пройти. Бросить здесь технику без людей тоже нельзя. Вызвать авиацию? Но ночью в горах летчики не найдут душманов — надо ждать рассвета.

Утром, однако, ситуация обострилась. Низкая сплошная облачность погасила все надежды на авиацию. А бандиты осмелели, уверовав в свое огромное численное преимущество: плотным кольцом заперли

советских воинов в каньоне, на русском языке почему-то с английским акцентом предлагали сдаться.

— Вы в ловушке, — гремел, отражаясь эхом в горах, усилитель. — Помощь к вам не поспеет. Сложите оружие, и мы сохраним вам жизнь. По желанию уедете в любую свободную страну.

Судя по всему, действиями врагов руководил опытный инструктор. Они умело организовали систему огня. При малейшей попытке двинуться хлестал с высоток по каньону перекрестно свинец. И на рожон душманы не лезли — неоднократно убеждались, что советские воины в самой критической ситуации умеют постоять за себя.

— Не дают поднять голову, гады, — докладывал капитан Солопов.

— Держись, Виктор, по возможности не рискуй. Мы что-нибудь придумаем, — подбадривал Неверов.

Но что придумать? Если даже всех людей, кроме небольшой охраны при технике и вооружении, послать на выручку товарищей, потребуется не меньше часа. За это время душманы уничтожат тех, кто зажат в каньоне. У противника, конечно, на всех подступах к нему имеются дозоры, которые немедленно предупредят о приближении подкрепления.

При виде начальника артиллерии полка майора Анатолия Белоцерковца Неверов ощутил словно удар электрического тока. Родилась дерзкая, рискованная мысль:

— Слушай, Анатолий, что, если ударить по бандитах двумя батареями?

— Но там наши. У нас нет точных координат.

— Запросим у них ориентиры. Сличим с картой. Определим прицел. Проведем пристрелку дымовым снарядом.

— Огромный риск.

— А оставить людей без помощи под пулями душманов меньше риска? Готовьте данные!

Уже через несколько минут прошелестел первый снаряд в направлении каньона.

— Где дым? — нетерпеливо спросил Неверов у Солопова.

— Рядом.

— Осколки до вас долетят?

— Кто знает...

— Вожмитесь в землю. Укройтесь за камни. Будем стрелять боевыми.

После первого залпа сделали паузу.

— Никого не задело?

— Нет.

— А душманы?

— Кажется, бегут. Точно — бегут! Поддайте им еще!

Расчеты Неверова оправдались. Попав под огонь нашей артиллерии, враги растерялись. Им почудилось, что в окружении теперь они сами. Страх погнал бандитов в горы, прочь от сыплющегося на их головы раскаленного свинца.

Когда наконец обе роты возвратились в свое расположение, Неверовым внезапно овладела какая-то пугающая отрешенность. Офицер не испытывал ни радости, ни облегчения, будто все произошло не с ним.

— Сам бы я не решился на такую стрельбу, — признался майор Белоцерковец.

— И я не решился бы... Сейчас не решился бы. Отважиться на подобное можно только раз.

На одной волне

В парке боевой техники экипажи чистили машины, заправляли их топливом, пополняли боекомплект. Однако Неверов не увидел здесь ни одного офицера.

«Где же командиры взводов и рот? — недоумевал Владимир Лаврентьевич. — Советаний вроде никаких нет, подведение итогов назначено на завтра».

Вернулся в лагерь, заглянул в палатку к офицерам. Атмосфера домашняя. Один уже успел вздремнуть. Другой подправляет усы. Третьего потянуло на лирику: напевает под гитару модную песенку. Спросил первого:

— В каком состоянии ваша боевая машина?

— Взвод, наверное, работает...

— Наверное или работает? Проверьте и доложите. Второй офицер уже торопливо одевался, толкнул спавшего товарища:

— Поднимайся, в парк сходить надо.

От упреков Неверов тогда воздержался, но неудовлетворенность долго сохранялась в душе. Горечи добавил и другой случай. Во время обеда в поле обра-

тил внимание, что двое солдат едят по очереди одной ложкой. Шутливо полюбопытствовал:

— А где ваше столовое оружие?

— Потерял в бою, — последовал привычный ответ.

— Один потерял?

— Почему один? Вон и сержант по-японски питается.

Владимир Лаврентьевич поинтересовался у командира, сколько его подчиненных не имеют ложек. Тот по-своему расценил вопрос — тут же возвратил солдатку ложку, одолженную на обед.

— Что-то у нас не так, комиссар, — поделился Неверов своими наблюдениями с подполковником Владимиром Труном. — В бою друг друга прикрываем, а в мелочах отчуждаемся.

— Надо и тут настраивать людей на одну волну, — живо отреагировал заместитель командира по политчасти.

Едва Трун упомянул о волне, оба понимающе улыбнулись. Началось все вроде бы с незначительного эпизода. На очередном марше в горы Неверов никак не мог добиться четкого взаимодействия между своими и приданными подразделениями. А тут душманы устроили засаду в наиболее опасном месте. В эфире шум. Командир взвода, оказавшегося под вражеским огнем, докладывает обстановку, у него есть раненые.

В этот момент на командно-наблюдательном пункте появился командир танковой роты, широко улыбаясь, что-то восторженно крикнул. Его шутка прозвучала настолько некстати, что все почувствовали неловкость. Владимир Лаврентьевич тогда промолчал: танкист не виноват, поскольку держит связь с командиром и со своими подчиненными не на той волне, которой пользуются мотострелки. У артиллеристов тоже своя волна.

Такая система придумана не вчера и не сегодня — испытана на многих учениях. Но в Афганистане во время боев с душманами ситуация меняется молниеносно. В этих условиях требовалось, чтобы командиры всех рангов и всех родов войск свободно ориентировались в обстановке, то есть непрерывно находились в общей сети, в курсе всех докладов, готовились бы к выполнению возможных распоряжений.

В штабе полка засомневались в рациональности предложения Неверова, и не без оснований:

— Знаете, какой в эфире возникнет гвалт? Вы не разберетесь, кто и что сообщает, не услышите командиров рот, а они не поймут вас.

— Да, — согласился Владимир Лаврентьевич, — у нас по радио говорят все и о чем угодно: о консервах, погоде, головной боли. Многие не способны коротко сформулировать свою мысль. Нередко нужный ответ получаешь лишь после нескольких наводящих вопросов.

— О чем и речь. Нельзя в наших условиях сажать всех на одну волну.

— Значит, надо совершенствовать условия. Учить людей командирскому языку. Добиваться строгой дисциплины в эфире.

Весь штаб, все командиры и политработники тщательно готовились к эксперименту. Отпечатали для офицеров и сержантов типовые команды, а также ответы на них применительно к обстановке в Афганистане. Приняли зачеты по правилам эксплуатации радиостанций различных типов.

Накануне выходов в поле многие командиры при- даваемых подразделений недоумевали по поводу новшества:

— Как же я буду управлять экипажами в таком бедламе?

— У нас бедлама нет, — разъясняли в полку. — Сами убедитесь.

После очередного трудного боя с душманами один из сомневавшихся командиров подошел к Неверову:

— Очень хорошая система связи. Я буквально видел все, что совершалось в районе боевых действий. Когда капитан Шпак доложил, что «духи» отступают к ущелью, я сразу же дал своим танкистам сигнал подготовиться к броску. И точно. Слышу вашу команду, на которую мысленно уже настроился.

Очевидно, не все новшества, внедренные по инициативе Неверова, пригодны для других частей и подразделений, не во всякой ситуации применимы. Но эффективность его поисков подтверждается весомыми аргументами. За период службы в Афганистане полк Неверова имел минимальные потери, а многие воины заслужили высокие награды. Героями Советского Союза стали заместитель командира батальона по по-

литчасти капитан Геннадий Павлович Кучкин, командир роты капитан Федор Иванович Пугачев. В беседах со мной оба, вспоминая службу на афганской земле, говорили, что в их полку все жили на одной волне. Кучкин подразумевал при этом человеческие сердца и думы, а Пугачев рассказывал о взаимодействии подразделений. Сам же Неверов, также употребивший эту фразу, вел речь и о мастерстве командиров, и о душевности политработников. Обо всем, что способствует победе в бою.

Дерево жизни

В ближайшие дни намечался выход в горы. Накануне Неверов выехал в соседнюю афганскую часть, которой предстояло идти вместе с его мотострелками. Старались по обыкновению не упустить ни одной детали. Склонившись над картой, уточняли направления маршрутов, пункты встречи, способы связи. В условиях когда повсюду рыщут многочисленные банды душманов, особенно важна четкая согласованность, вплоть до мелочей.

Вдруг почти рядом прогремел мощный взрыв. Здание пошатнулось, с потолка посыпалась штукатурка, со звоном вылетели стекла.

— В укрытие! — крикнул кто-то.

Неверов, однако, на минуту задержался в комнате — убедиться, что никто не ранен, не коптужен. Выбежав из штаба, натренированным слухом уловил приближение очередного снаряда. Едва успел прижаться к дереву, как вздыбилось пламя, качнулась земля, раздирающе провыли осколки. Тогда-то и ощутил Владимир Лаврентьевич почти человеческую дрожь могучей сосны, принявшей на себя удар горячего металла.

Обстрел прекратился так же внезапно, как и возник. Наступила звенящая тишина, в которую с трудом верилось. Лишь оседавшая пыль да запах сгоревшего пороха говорили о недавней опасности. Владимир Лаврентьевич медленно повернулся и, словно замороженный, долго не отрывал взгляда от свежей раны на стволе дерева. Будто слезы, катились из нее по красной коре янтарные капли смолы.

— Фолёдя, ранен? — бросился к Неверову командир афганского полка. Поняв все, выразительно про-

вел рукой невидимую линию на том уровне, где в сосну впился осколок. Слегка коснулся груди Неверова, изумленно округлил глаза: — Прямо в сердце летел. Это, командор, твой дерево жизни.

Армейским ножом афганский офицер выковырнул глубоко застрявший в стволе, еще не остывший кусок металла, протянул Владимиру Лаврентьевичу:

— На память. Беречь надо.

Осколок, завернутый в носовой платок, оттягивал карман рубашки, казался не по размерам тяжелым, слишком горячим. «Вернусь домой, подарю Андрею или Наташке», — подумал Неверов.

Возвращаясь в свой гарнизон, неожиданно обратился к водителю:

— Помнишь, мы у афганцев в лесопитомнике были? Давай-ка заедем. Надо договориться насчет саженцев.

Он уже давно планировал озеленить палаточный городок. Уж очень голым, пустынным выглядел клочок бесплодной земли, где разместилась их часть. Да и вокруг маловато растительности: туго в здешних местах с водой.

«Неплохо бы и вдоль дороги посадить деревья. — Владимир Лаврентьевич по привычке начал подсчитывать. — На километр надо по крайней мере саженцев двести. А в городке развести бы фруктовые. Буду просить тысячи три корней или даже все четыре тысячи, если пойдут навстречу. Воду мы в горах нашли, трубопровод проложили, поливальная машина есть...»

В питомнике приветствовали Неверова с непременным афганским радушием. Уже пожилой лесовод с быстрым взглядом подробно расспросил, как дела у советского командира, здоровы ли его родные. На просьбу собеседника откликнулся удивительно живо:

— Это очень доброе дело. Тот, кто посадит хоть одно дерево на земле соседа, навсегда становится его другом.

Перед тем как получить корни растений, в городке закипела работа. Слишком неблагоприятным был грунт: камень да глина. Решили копать глубокие ямы и засыпать их плодородной землей. Кто-то предложил объявить субботник — дружно согласились. Когда о трудовом празднике советских воинов слышали афганские товарищи, пожелали принять в нем участие. Их советы с учетом местных условий очень пригоди-

лись. С каким-то особым удовольствием сотни энтузиастов аккуратно опускали живые пушистые саженцы в увлажненную почву.

Деревья принялись. Сколько раз, проходя по дорожке у штаба, Неверов любовался ими! Невольно думалось: не зря в народе говорят, что каждый человек должен посадить за свою жизнь хоть одно дерево. Сосна, выращенная кем-то из афганцев, спасла жизнь ему, советскому офицеру. А он и его боевые друзья, воины-интернационалисты, оставят на здешней земле тысячи своих зеленых питомцев, которые тоже будут служить людям. Одним дадут тень, других прикроют от дождя, кого-то, может, заслонят от пули.

Дух примирения

4 марта 1987 года Неверову позвонил знакомый «афганец», как чаще всего называют себя те, кому довелось пройти через жаркие ратные испытания в ДРА.

— Читал сегодня «Комсомолку»?

— Еще не успел.

— Там есть интересный материал про твоего друга.

Владимир Лаврентьевич поспешил развернуть газету, надеясь увидеть очерк о ком-нибудь из своих бывших подчиненных. Ни очерка, однако, ни фотографий, сделанных на афганской земле, в этом номере не публиковалось. Зато в разделе международной жизни в глаза бросился заголовок «Он порвал с душманами». Торопливо пробежал скупые, почти протокольные строки: «Вчера еще Саид Ахмад был главарем банды душманов. Сегодня с оружием в руках охраняет революцию. Между трагедией дня минувшего и надеждами завтрашнего Афганистана пролег единственно верный путь — путь национального примирения».

Так вот о каком друге шла речь! Саид Ахмад. Отчетливо вспомнился Афганистан. Кишлак неподалеку от Герата. Черноглазый, похожий на подростка парень, его вкрадчивый голос:

— Саид Ахмад готов встретиться с советским командиром...

«Припекло, должно быть, Саида, если вместо пакостей решился на мирные переговоры, — мелькнуло

в голове. — Но обратился он не по адресу. Мы выполняем в Афганистане интернациональную миссию: помогаем в боях с многочисленными, наиболее сильными бандами, даем отпор, если душманы нападают на воинские подразделения и колонны машин, охраняем опасные участки дорог. А вступать с ними в переговоры вправе лишь местные власти, командование афганской армии».

— Почему Саид Амар Ахмад прислал тебя ко мне? — спросил Неверов.

Связной сделал скорбное лицо:

— Ваша артиллерия сильно бьет. — И зачистил: — Убитый есть. Раненый есть. Хлеба нет. Отдых нет. Совсем плохо. Мир хотим. Работа хотим.

Теперь он говорил явно уже не только то, что называл главарь. Парень выражал свои мысли. И так, наверное, думают многие душманы. Надоела им собачья жизнь в горах, хотя порой перепадают сладкие куски от заокеанского пирога. Саид Ахмад, видно, уловил настроение своих людей. Да и события последних дней подтолкнули его к мысли о переговорах.

Банду Саид Ахмада Неверов знал неплохо. Главарь очень молод. В двадцатилетнем возрасте в марте 1979 года ушел в горы, вскоре возглавил местное отделение экстремистской организации «Джамиат-и-ислами». Под его руководством в окрестностях Герата бесчинствовали около тысячи хорошо вооруженных, обученных врагов, к которым из Пакистана регулярно наведывались иностранные советники.

Однажды во время марша Владимир Лаврентьевич услышал, как солдат из разведывательного дозора, заметив душманов, крикнул, будто выстрелил:

— «Духи»!

Сначала Неверов решил, что разведчик просто напросто сократил ненавистное ему слово. Позже понял — его подчиненные вкладывали более широкий смысл в короткую, но точную характеристику душманам. Те и в самом деле подобны злым духам. Тайком, в основном ночью, творят свои черные дела, грабят, убивают местных жителей. Да и днем, будто дьяволы, то внезапно появляются как из-под земли, то вдруг исчезают, словно проваливаются в пропасть. Им хорошо известны все ходы многочисленных подземных лабиринтов в пересохших кярпзах.

Бороться с бандитами было трудно. В открытый бой они не вступали. О приближении армейских подразделений сразу же сигнализировали в горы, в расставляемые сети не попадались. Лишь изредка удавалось застигнуть их врасплох артиллерийским огнем.

— А если организовать им своего рода артиллерийскую блокаду?

Идея, неожиданно высказанная Неверовым, заинтересовала командира артиллерийского дивизиона майора Косвенцева. Но для ее реализации требовались постоянные данные о местонахождении противника.

— Данные разведчики обеспечат, — заверил Неверов.

Обсудили детали, выбрали удобный момент и буквально заперли банду в небольшом районе. Куда бы душманы ни направлялись, всюду натыкались на стену разрывов. Трое суток металась она в безлюдной местности, отрезанные от кяризов, баз, кишлаков. А на четвертый день к подполковнику Неверову обратился их связной. Стараясь ненароком не расстроить хороших намерений бандитов, Владимир Лаврентьевич помог им выйти на нужных людей из местного руководства.

Переговоры прошли без официальных бумаг. Под честное слово было заключено соглашение о том, что душманы прекратят нападать на мирные кишлаки, убивать партийных активистов и представителей властей, минировать дороги, обстреливать машины и автобусы. Местные власти обещали не преследовать душманов.

Правда, Саид Ахмад на переговорах, по свидетельству одного из их участников, сильно нервничал. Волновался:

— Что, если не мои, а другие люди заложат мины или обстреляют колонну?

— Давайте вместе наблюдать за порядком в нашем районе, — резонно парировал командир афганской воинской части, расположенной неподалеку от Герата.

— Может, вы и платить мне будете? — ухмыльнулся Саид.

Начальник районного отделения царандоя после

встречи с главарем бандитов откровенно засомневался:

— Не верю я Ахмаду. Просто прижали его, деваться некуда, вот и завилял хвостом, словно нашкодивший пес.

Саид Ахмад, однако, не нарушал слова. Свободнее вздохнули дехкане в кишлаках: уже не опасались разбойных налетов. Не взрывались на дорогах мины, не трещали автоматные очереди. И когда Неверов подал рапорт с просьбой об очередном отпуске, старший начальник сразу же подписал его:

— Отпускаю с легким сердцем. В подразделениях все нормально, в горах и на дорогах спокойно. Слышал, вы дружбу с главарем душманов завели?

— Чего не сделаешь ради отпуска, — в тон собеседнику весело ответил Неверов.

Позже Владимир Лаврентьевич с горечью вспомнит свою шутку. Едва возвратился после отдыха дома в часть, душманы белым днем атаковали колонну машин. Считая этот участок дороги безопасным, автомобилисты выехали без надежной охраны. За беспечность заплатили дорого: убитыми и ранеными людьми.

Неверов сразу же отправился к местному руководству:

— Что говорит Саид Ахмад?

— Приходил от него связной. Объяснял: Саид, мол, не мог иначе. Вроде вызывали его в Иран. Обвинили в предательстве. Пригрозили всеми карами. Для проверки велели разгромить колонну, причем за действиями душманов следили специально посланные инспектора.

Все дружно осуждали главаря банды, не сдержавшего обещания. А у Неверова почему-то складывалось впечатление, что толкнули Ахмада в лагерь противника скорее обстоятельства, чем убеждения. Он ушел в горы, когда злодеяния Амина породили протест у местного населения. Там враги афганского народа, воспользовавшись моментом, взяли Саида под свое покровительство, щедро снабдили деньгами и оружием, вынудили грабить, убивать. Теперь же времена изменились, с глаз многих душманов слетела пелена. Они понимают, что попали в западню, из которой трудно выбраться...

И вот сейчас, в Москве, Владимир Лаврентьевич получил веские доказательства своей правоты. Снача-

ла услышал сообщение о политике национального примирения, объявленной правительством Афганистана. Потом были телефонный звонок и газета. Известие об окончательном переходе Саида Ахмада в ряды сторонников апрельской революции Неверов воспринял, конечно, с радостью. Но и не без боли в душе: уж очень долго наступало прозрение главаря душманской банды, слишком велика его цена.

Эстафета мужества

Давнишний, школьный еще, друг как-то напрямик поинтересовался у Неверова:

— Ты доволен службой?

Владимир Лаврентьевич чуть помедлил. Не понравился ему вопрос — будто о прогулке в лес или о посещении театра. А ведь служба — это жизнь, познанная им не по книгам и кинофильмам. Это бои, труднейшие марши, когда белела рубашка от соленого пота, завывал вокруг вражеский свинцовый ураган. Когда однажды, в должности командира полка, заволокло глаза слезами.

Служил в части командир роты капитан Саша Костенко. Высокий, красивый, общительный. Прекрасный офицер и отличный товарищ. О таких говорят: душа нараспашку. Получит письмо из дома — весь сияет. Там у него родилась дочурка, которую отец еще не видел. И никогда не увидит. На очередном марше граната, брошенная бандитами, разорвалась у ног Костенко. Застыл тогда подполковник Неверов у гроба, не замечая, как по щекам медленно катились слезы...

А друг допытывался:

— Не раскаиваешься в своем выборе? Пошел бы сейчас опять в военное училище?

Вновь погружается в мысли Владимир Лаврентьевич. Разве профессию выбирают, словно нужную вещь в магазине? Он надел военную форму по зову сердца, и служба стала его судьбой. Принял ее такою, какая есть. Пережито уже немало. Зато как же здорово выйти из боя с победой, обвести взглядом счастливые лица ребят, услышать простое солдатское: «Спасибо, товарищ командир!»

Навсегда западают в сердце картины воинских ритуалов. Под звуки оркестра плывет перед строем

развернутое Боевое Знамя. Торжественный голос чеканит слова:

— За проявленное мужество... Указом Президиума Верховного Совета СССР... Звание Героя Советского Союза...

Молчание Неверова старый друг понял по-своему.

— Вот у тебя сын заканчивает десятый класс, — выложил неоспоримый, по его мнению, аргумент. — Поедет в военное училище? Или постараться устроить его в университет, какой-нибудь престижный институт?

Полковник лишь пожал плечами:

— Ему самому решать...

Да, сын уже взрослый. Военную жизнь знает и с лица, и с изнанки. С ранних лет попутешествовал по стране вдоволь. И по реву сирены просыпался в полночь. И на ящиках с домашним скарбом спал неделями. И отца не видел по нескольку месяцев.

За Владимира Лаврентьевича ответил его другу Андрей Неверов. Ответил не словами — делом: поступил в Московское высшее общевойсковое командное ордена Ленина, Краснознаменное училище имени Верховного Совета РСФСР. По пути, начатому в их семье дедом, с честью продолженному отцом, ныне идет представитель третьего поколения Неверовых.

СТЕПЕНЬ НАДЕЖНОСТИ

Подполковник Евгений Иванович Зельняков родился в семье военного летчика-фронтовика. После окончания средней школы стал курсантом Сызранского военного авиационного училища и уже в первых самостоятельных полетах проявил свой почерк, незаурядный характер. Жизнь не раз испытывала его на прочность. Служить довелось на Дальнем Востоке, где в трудных погодных условиях он освоил технику пилотирования современного боевого вертолета.

Особенно ярко раскрылись профессиональные и нравственные качества коммуниста Зельнякова, когда по его настоятельной просьбе офицера направили в одно из подразделений ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Возглавляя звено, а затем эскадрилью, Зельняков выводил раненых из-под огня душманов, высаживал воздушные десанты в самое пекло боя, уничтожал огневые точки противника.

Родина высоко оценила мужество и мастерство летчика. Е. И. Зельнякову присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден орденами Ленина и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Ныне Е. И. Зельняков — слушатель Военно-воздушной Краснознаменной, ордена Кутузова академии имени Ю. А. Гагарина.

Горы, которые Зельняков успел за два года облететь вдоль и поперек, изучить и возненавидеть, вдруг показались ему такими мирными, красивыми, что щемящее чувство от разлуки с ними до боли сдавило грудь. На этот раз он сидел не на привычном месте за штурвалом своего вертолета. В пассажирском салоне воздушного лайнера офицер возвращался на Родину, прощаясь с многострадальной землей Афганистана, где оставлял частицу собственного сердца.

Руки еще хранили теплоту дружеских пожатий, а

душу уже точил незаметный, но въедливый червячок тревоги: «Как там ребята без меня?» Командиру всегда присуще ощущение, что подчиненным без него трудно. Заболевая, Зельняков получал иногда освобождение на несколько суток. Но с первого же дня начинал прислушиваться к гулу вертолетных двигателей, то и дело вскакивал с постели, ждал вестей от авиаторов. И почти никогда не выдерживал: нарушая медицинские предписания, спешил опять к боевым машинам. Выздоровливал не столько от лекарств, сколько от целительного чувства ответственности за свой экипаж, за отряд, эскадрилью.

Вот и сейчас офицер волновался за товарищей, хотя постарался не упустить ничего, чтобы сохранялась высокая степень надежности его боевой эскадрильи. Термина такого в официальных документах нет, но Зельняков привык оценивать возможности экипажей и звеньев по их умению вылететь при любой погоде, образцово (он всегда говорит — надежно) выполнить самое трудное, опасное задание. Именно так воспитывал командир воинов, которые готовили к тому же себя и технику.

Эскадрилья считалась одной из лучших среди авиационных подразделений, находившихся в Афганистане. И передал ее Евгений Иванович не кому-то незнакомому, а своему заместителю — майору Владимиру Михайловичу Семенову. Вместе с ним не раз поднимался в небо — Семенов всегда действовал грамотно, по-фронтовому умело, инициативно. Мастерство, отвага Владимира Михайловича отмечены орденом Красного Знамени.

Высоко ценит Евгений Иванович партийно-политическую работу. Он доволен, что у Семенова надежный заместитель по политической части. Майор Игорь Петрович Шаломей обладает замечательным даром настроить, сплотить людей, в трудной ситуации покажет личным примером, как выполнять воинский долг.

«С таким замполитом можно горы свернуть», — подумал Зельняков, глядя через иллюминатор на величаво проплывавшие под крылом отроги Гиндукуша.

Хорошо подготовлены в эскадрилье командиры отрядов. Не однажды проверены в огне боев капитаны Михаил Сергеевич Сидорков и Николай Григорьевич Шадрин, заслужившие высокие награды. В таких офицерах комэск всегда найдет надежную опору. Они по-

могут Семенову справиться с любым сложным, рискованным заданием, которые в Афганистане не редкость.

Небо бывает солнечным и пасмурным, именуют его ласковым и грозным. Но это скорее из области лирики. Подполковник Зельняков часто называет небо трудным. Тут нет никакой рисовки. Просто для военного летчика небо — место нелегкой работы. В воздухе часто приходится не только почувствовать вкус соленого пота, но и сдать экзамен на мужество, на способность ориентироваться в обстановке, порой экстремальной, на готовность и умение ценою риска выйти из критической ситуации.

Зельняков — потомственный авиатор. Его отец, Иван Петрович, — летчик-истребитель, сражался на знаменитом «яке» в небе Сталинграда. В послевоенные годы командовал учебной эскадрилей. Иногда брал Женьку на аэродром, приучал к самолетам. Очень хотел, чтобы сын унаследовал эту романтическую профессию, собирался сам ввести его в авиационную семью. Да судьба отмерила Ивану Петровичу не слишком долгий срок — Евгений лишился отца еще школьником.

Татьяна Венедиктовна лучше, чем многие другие матери, понимала, насколько тяжела, опасна служба в авиации. Но когда ее Женька, единственный сын, робко намекнул, что мечтает пойти по отцовским стопам, не отговаривала. Лишь спросила, внимательно глядя в глаза:

— Хорошо все обдумал?

— Да, мама, ты ведь знаешь.

— Отец был бы рад... — вздохнула Татьяна Венедиктовна.

После десятилетки Евгений поступил в Сызранское авиационное училище. Мечталось сразу о небе, а пришлось день за днем осваивать теоретические дисциплины. В голове путались непривычные термины, понятия. Не раз вспомнился отец: Иван Петрович, уже прошедший войну, кропотливо готовился к каждому полету, часто сидел дома над учебниками, картами, инструкциями, вычерчивал схемы.

Наступил час знакомства с небом.

— Капитан Хмелев, — отрекомендовался курсантам инструктор и, пытливо оглядев будущих пилотов, внезапно спросил у Евгения:

— Вы сын Ивана Петровича Зельнякова?

— Да, сын.

— Надо же, какое совпадение, — мягко улыбнулся Хмелев. — Я ведь у вашего отца летать учился.

С повышенным интересом присматривался Евгений к действиям инструктора, с особым вниманием прислушивался к его советам. В почерке Хмелева ему виделась отцовская школа, и он жадно впитывал по крупицам фронтовой опыт, когда-то приобретенный Иваном Петровичем и переданный им своим воспитанникам.

Получив диплом училища, Зельняков сам попросился на Дальний Восток. Хотелось проверить характер, профессиональные навыки в наиболее сложных условиях. Однако на боевой вертолет определили лейтенанта не сразу. Поначалу летал на легком связном. Служба «небесного извозчика» нехитрая: привези то, доставь это. Ни стрельбы, ни тактики. Другой жил бы и не тужил. А Зельняков с таким упорством рвался к штурвалу летающего танка, как порой называют современную винтокрылую машину, что начальство, обычно не склонное потакать желаниям подчиненных, уступило.

В знаменитом вертолетном Краснознаменном полку имени В. И. Ленина пришлось снова завоевывать признание. Боевой вертолет не сравнить со связным. И маршруты от точки А в точку Б, что выполнял Евгений раньше, существенно отличались от вылетов на боевое применение, когда надо и в строю держаться, и цель отыскать, и ракеты пустить. Молодой офицер не успокоился до тех пор, пока не сравнялся в боевых навыках с опытными вертолетчиками. А вскоре и сам заслужил репутацию мастера своего дела.

На одном из учений Зельнякову поручили нанести удар по механизированной колонне «противника». Евгений повел вертолет на предельно малой высоте, используя для маскировки складки местности. В нужное время выполнил горку и... буквально перед собой, на обратном скате хребта, обнаружил «неприятельскую» колонну, которая, по данным разведки, должна была находиться на значительном удалении. В считанные секунды потребовалось решить десятки вопросов. Та ли это колонна? Необходим ли заход для атаки или пустить ракеты сразу? Увеличивать высоту или открывать огонь отсюда?

А цель все ближе. Друг за другом следуют два залпа. Ракеты ливнем огневых стрел накрывают колонну.

На разборе учения генерал особо отметил Зельнякова. Замешкайся, промедли летчик, дай волю сомнениям — и зенитчики «противника» опередили бы его. При современном оружии именно этот фактор чаще всего играет главенствующую роль.

Высоким профессиональным мастерством, партийной принципиальностью, умением работать с людьми Евгений Иванович заслужил всеобщее уважение. Он уверенно поднимался по служебной лестнице. Эскадрилья, которую возглавил, чаще других называлась среди отличившихся подразделений. Экипажи успешно осваивали боевое применение вертолетов, у авиаторов складывался свой почерк, когда безукоризненная техника пилотирования удачно сочеталась с разумной воинской дерзостью.

И вдруг привычные ратные будни нарушило известие о том, что подбираются летчики для выполнения интернационального долга на земле дружественного Афганистана. Зельняков загорелся желанием непременно попасть в их группу. Однако генерал, от которого зависело новое назначение, не спешил с ответом. Сначала предупредил, что должности командира эскадрильи там нет, — Евгений согласился идти даже с понижением. Не поколебало намерений офицера поехать в ДРА и сообщение, что придется осваивать новый тип вертолета: для переучивания, твердо обещал, ему не понадобится много времени. Убедил-таки удовлетворить его просьбу.

Афганистан экзаменовал сурово. Взлетали нередко при жаре, когда водой из питьевого бачка можно было заваривать чай, садились на заснеженные площадки в горах, на пятачке, где ни по каким теоретическим расчетам вертолету вроде бы и не поместиться, лавировали по ущелью, словно на утлой лодочке по извилистой реке, приземлялись, не различая под собой ничего, кроме облака серой пыли.

Случалось, и сам Зельняков, и члены экипажа, и специалисты, осматривавшие машину, единодушно разводили руками: повезло. Человеку просто немыслимо, подсказывала логика, вычислить и предусмотреть все с такой точностью. Правда, чуть позже, после оценки ситуации и действий летчика, рождался иной вывод.

Оказывалось, он и тут верно поступил, и там нашел единственно правильное решение. А уж затем добавилось везение.

Немало хлопот причиняли авиаторам душманы. И на земле свистели их предательские пули, и из полета боевые машины возвращались с пробоинами. Однажды аварийное положение возникло у Зельнякова. Ночь. Высота малая. Вертолет держится в воздухе лишь на честном слове да на силе инерции. А что там, внизу? Скала? Ущелье? Даже для того, чтобы использовать фару, нет времени. На вооружении у летчика лишь особое, годами выработанное чутье, обостренная интуиция.

И машина не падает, не валится набок — ее удерживают рули, не ударяется о препятствие, а нащупывает землю. Хотя посадка была далеко не мягкой, и люди, и вертолет уцелели. Многие говорили тогда о везении. Доля правды, конечно, тут есть. Окажись внизу глубокое ущелье или скала впереди, никакое искусство пилотажа не спасло бы. Но в подобной ситуации никто не мог дать гарантии, что все завершится благополучно, если даже внизу — бескрайняя равнина. Все, или почти все, зависело от человека, сидевшего за штурвалом...

Крупная банда, проникшая на территорию Афганистана из-за рубежа, долго наводила ужас на несколько беззащитных кишлаков. Душманы безжалостно расправлялись с партийными активистами, с работниками царандоя (афганской милиции), с учителями, школьниками, с теми, кто принял от правительства землю, ранее принадлежавшую баям, кто пользовался водой из байского кяриза. Получалось, все жители, от мала до велика, в чем-то виноваты перед душманами, а потому бандиты не щадили никого.

Зельняков знал о зверствах мятежников не из газет. Воочию видел и сожженную во время занятий школу, и ребенка, подорвавшегося на mine, и изреченный пулями гражданский автобус. С удовлетворением воспринял он известие, что афганские воинские части начали операцию по уничтожению этой многочисленной банды.

Душманы оборонялись упорно. В горах устроили хитроумные ловушки, в нагромождениях камней замаскировали огневые точки, заминировали дороги и тропы. Оружия у них хватало, руководили ими опыт-

ные инструкторы, прибывшие из-за океана. Вертолетчики, вывозившие из района боя раненых, слышали, что даже команды бандитам подаются не на дари или фарси, а на чистом английском языке. И этих людей, щедро вознаграждаемых их зарубежными покровителями за кровавые преступления, американский президент лицемерно называет повстанцами, борцами за свободу! Посмотрел бы он, какие страшные следы остаются после правоверных «борцов».

Под натиском афганских частей душманы, отстреливаясь, отступали в горы, чтобы ускользнуть от возмездия. Опасаясь упустить их, местное руководство обратилось за помощью к советским войскам. Для подкрепления вышли мотострелки.

Зельняков, внимательно следивший за развитием событий, получил приказ — высадить воздушный десант неподалеку от логова банды. Успешное его выполнение предполагало поистине ювелирное мастерство экипажей, которых ожидало приземление на небольшую горную площадку, не имевшую ни надлежащего оборудования, ни положенных для обеспечения посадки и взлета средств.

— Два отряда с десантом поведу я, — объявил на инструктаже Зельняков. — Группу прикрытия возглавит мой заместитель майор Семенов.

В эскадрилье утвердилось правило — на любое трудное задание первым идет командир. К этому обязывает его не только должность, но и опыт. Никто лучше Зельнякова не сумел бы безошибочно среагировать на изменение обстановки, отыскать и поразить цель, определить место посадки, благополучно осуществить ее в невероятно сложных условиях.

Эскадрилья в воздухе. Высота небольшая — из-за низкой облачности. А главное — Зельняков ведет группу по ущельям и в тени скал, чтобы подойти к площадке приземления незаметно, внезапно вынырнуть из-за горной гряды и не позволить душманам помешать прицельным огнем высадке десанта.

Вот и площадка, если можно так назвать крохотную плешину среди каменных горбов. Развернув машину, командир эскадрильи начал заходить на посадку. И в этот момент навстречу хлестнула пулеметная очередь. Огненные струйки словно перечеркивали путь к земле.

— Слева цель! — спокойно сообщил Зельняков.

Мгновенно метнулись вниз вертолеты группы поддержки, готовые уничтожить обнаруженную смертоносную точку.

На душе тревожно. Что делать? Сажать вертолеты? А вдруг там не один, а несколько пулеметов? Боевые машины на открытом месте послужат для них удобной мишенью. Можно погубить свою эскадрилью, весь десант. Уйти назад? Но ведь продолжается неравный бой, люди ждут подкрепления, раненые нуждаются в помощи.

— Будем садиться! — твердо сказал Зельняков не столько подчиненным, сколько самому себе.

Под огонь душманов Евгений Иванович попадал неоднократно и на земле, и в воздухе. Как-то пулеметная очередь буквально прошила вертолет, повредила маслорадиатор. Зельняков сумел тогда поднять машину, вывести из зоны обстрела, однако угодил из огня да в полымя. Вскоре заглох один, затем второй двигатель. Евгений Иванович управлял беспомощным вертолетом до самой последней секунды, когда все, кто находился на его борту, почувствовали, как тяжело коснулась машина твердой почвы. «Живы! Спасены!» — облегченно вздохнул каждый. И тут же свинцовые трассы пропороли тьму. Значит, еще рано радоваться, предстоит неравная схватка с бандитами.

Душманы стреляли издалека, будто какая-то непреодолимая стена отделяла их от вертолета. «Что такое? — ломал голову Зельняков. — Хотят взять живыми или замыслиют новую провокацию? Почему не приближаются? Что их удерживает?»

Лишь на рассвете, когда подоспела помощь, разъяснилась загадка. Авиаторам опять «повезло»: приземлились на минном поле, подготовленном мятежниками. Вот такое невероятное сочетание случайностей сохранило экипажу жизнь...

И на сей раз Зельнякову сопутствовала удача. Следом за ним мастерски сели все вертолеты с десантом. Мотострелки, не дожидаясь, пока машина нащупает колесами землю, покидали грузовые кабины, без промедления вступали в бой. А из-за валунов спешили люди с носилками. Не выключая двигателей, принимали на борт раненых и сразу же по одному поднимались в воздух.

Таких полетов на счету Зельнякова немало — трудных, по-фронтовому боевых. И награды, получен-

ные офицером на земле Афганистана, тоже фронтовые — орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги». Интересное совпадение. Такие же награды имел Иван Петрович Зельняков. Это даже не совпадение, а продолжение семейной традиции. С честью несет сын переданную отцом эстафету мужества.

В одной из аттестаций, написанной бывшим командиром Евгения Ивановича, есть по-армейски скупые, но емкие строки: «Богатый практический опыт тов. Зельнякова Е. И., разносторонние знания стали надежным подспорьем ему в подготовке умелых, стойких, закаленных летчиков...»

Все верно в этой характеристике. Однако сам Евгений Иванович считает, что накопленный опыт только тогда срабатывает в полную силу, если подкрепляется новыми знаниями. Жизнь непостижимо быстро движется вперед. Совершенствуется оружие, меняется тактика боевых действий, усложняются задачи, решаемые авиаторами. И Зельняков поступает в знаменитую Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина.

Евгений Иванович привык все делать основательно, с высокой степенью надежности. В аудитории внимательно вслушивается в объяснения преподавателей, на тренажере занимается так, будто находится не в учебном классе, а в тревожном фронтовом небе. Об Афганистане говорит мало, хотя школу прошел там суровую. Офицер готовит себя к решению новых, более масштабных задач. Таковы законы профессионального роста.

...В переполненном Доме офицеров Евгению Ивановичу вручали орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. О нем говорили хорошие, добрые слова, отмечали его старательность, мастерство, самоотверженность, инициативу. А он вспоминал прокаленную солнцем степь, белевшие вдаль горы, где из-за каждой расщелины, выступа грозила смерть. Словно наяву видел боевых друзей — своего заместителя и преемника Владимира Семенова, политработника Игоря Шаломея, штурмана эскадрильи Виктора Чумакова...

Лицо Зельнякова осветилось улыбкой. Не только от радости за присвоенное звание Героя. Ему здорово везло — рядом всегда были люди с высокой степенью надежности. Такие же, как он сам.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
В. Снегирев. Он вернулся	8
М. Захарчук. Точка отсчета	21
В. Светиков. Собственным сердцем	37
Е. Ветлугин. Горячее небо	59
В. Луганский. Все ее сыновья	78
А. Войнов. И долг исполнят до конца	91
П. Черненко. Испытание	107
Ю. Дмитриев. Только один миг	119
В. Ивонин. Мастерство командира	131
В. Косарев. Трудное счастье	145
Е. Бессчетнов. «Герой живет в наших делах»	165
А. Парамонов. Три встречи с Виктором Капшуком	186
И. Дынин. Грани судьбы	195
Д. Иванов. Степень надежности	215

Составитель полковник Иван Михайлович Дынин

**ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ БОЕВОЙ:
НА ЗЕМЛЕ АФГАНИСТАНА**

Редактор *Г. П. Яковлева*
Художник *О. В. Камаев*
Редактор (литературный) *С. Н. Штынова*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Л. В. Павлинская*

ИБ № 3423

Сдано в набор 30.06.87. Подписано в печать 09.09.87.
Г-10444. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,29.
Уч.-изд. л. 11,86. Изд. № 1/3518. Тираж 100 000 экз.
Зак. 406. Цена 65 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

